

ЗЕЛЕНАЯ  
СЕРИЯ



ЗЕЛЕНАЯ  
СЕРИЯ

ЖАН-ПЬЕР

# ХАЛЛЕ

*Книжки  
о животных*

*Книжки  
о животных*

Ж.-П. ХАЛЛЕ





**Е**сли пигмей, пробираясь в одиночку через абсолютно непроходимый буш, неожиданно натывается на леопарда, он размахивает своим малюсеньким луком и громко кричит: «Огу, огу, муради!» («Прочь с дороги, дедушка!») Изумленный и смущенный леопард спасается бегством, а нахалюга пигмей топает себе дальше...

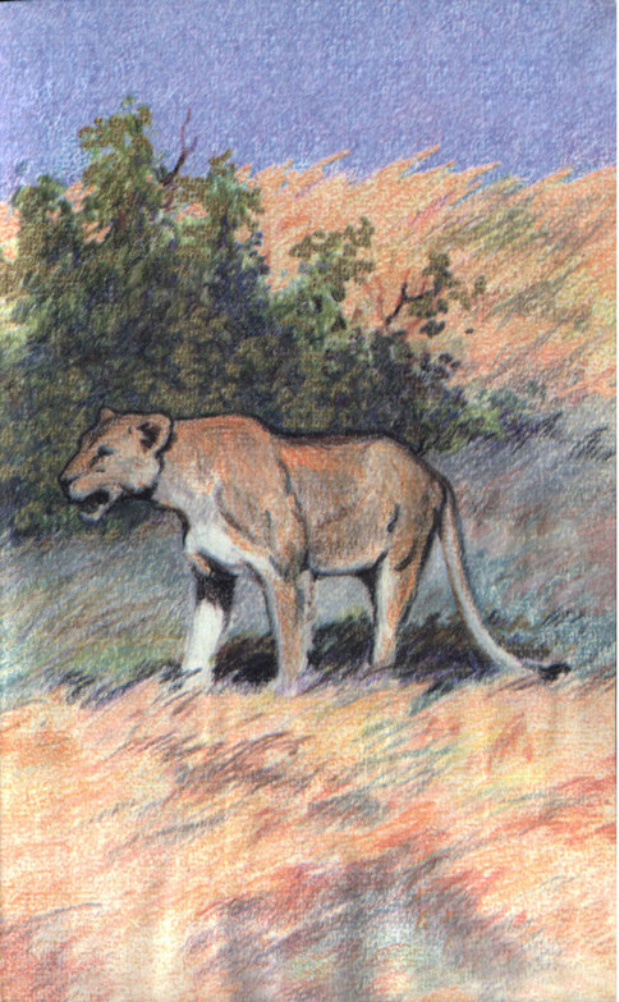
*Жан-Пьер Халле*

ISBN 5-309-00375-4



9 785309 003754







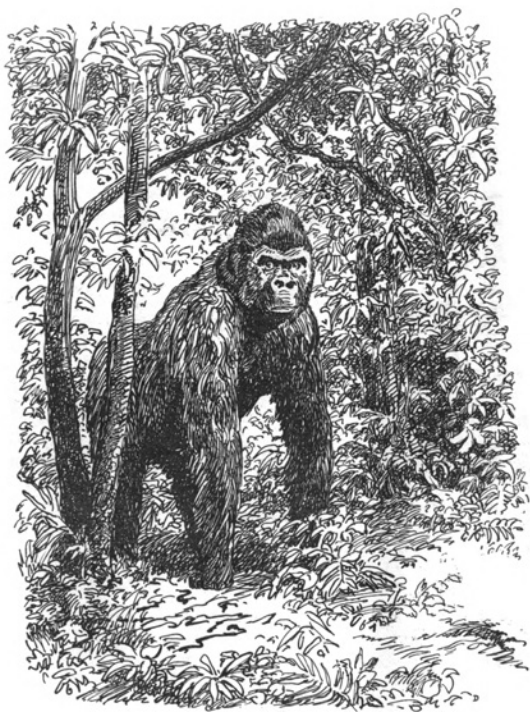


**ЖАН-ПЬЕР  
ХАЛЛЕ**

---



**ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ**



# ЖАН-ПЬЕР ХАЛЛЕ

*Книжки  
о животных*

*Перевод с английского*  
Т. Л. ЖДАНОВОЙ



Москва  
Армала-пресс  
2002



УДК 82-311.8(02)  
ББК 84(4Бел)-44я5  
X 17

*Серия основана в 1994 году*

Jean-Pierre Hallet  
ANIMAL KITABU  
London, 1968

Иллюстрации  
**Ф. В. Домогацкого**

ISBN 5-309-00375-4

© Перевод, Жданова Т. Л., 2002  
© Иллюстрации, Домогацкий Ф. В., 2002  
© ООО «Дрофа», 2002  
© Художественное оформление,  
ООО «Армада-пресс», 2002



## ВСТУПЛЕНИЕ

Вопрос о том, важна ли охрана окружающей среды, споров не вызывает. Даже во вновь образовавшихся странах<sup>1</sup> Тропической Африки принято законодательство о защите и охране живой природы. Но из-за абсолютного непонимания всей важности данной проблемы, человеческого безразличия и даже враждебного отношения это законодательство и по сию пору не приносит никаких результатов. Все усилия международных обществ по борьбе за охрану естественной среды, которые вынуждены выпрашивать себе средства, словно милостыню, наталкиваются на повсеместное равнодушие. В настоящее время крайне необходимо изучение, вернее широкое распространение, реально существующей информации и борьба с безумным отношением к природе.

---

<sup>1</sup> Книга написана в 1967 г.

Жан-Пьер Халле постиг на личном опыте истинное положение вещей. Приведенные им факты необходимо изучить, чтобы понять, что действительно требуется для реальной охраны естественной среды. Почти всю свою жизнь он провел в Африке и много путешествовал. Первая книга Халле «Китабу<sup>1</sup> о Конго» поражает глубоким проникновением автора в проблемы коренного населения Экваториальной Африки и ясно показывает, что мы практически ничего не знаем о том, что в действительности происходит на этом мятежном субконтиненте. В «Китабу о животных» он вновь выдает нам по первое число.

Почти на каждой странице читателям сообщается какой-либо факт, который абсолютно противоречит тому, чем нас пичкали не только школа, колледж и учебники, но и кино, телевизионные передачи, популярные журналы и газеты. Как только речь заходит о животных, приходится выслушивать поток всевозможной чепухи, которая за последний век вытеснила даже тот вздор, которым были полны мифы, легенды и фольклор прежних столетий и который воспринимался как истина. Откуда ведет свои истоки подобная дезинформация, трудно сказать. Немалая ее часть берет свое начало из старинных средневековых легенд, но еще большая часть неправды, выдумок и просто вранья основана на баснях путешественников и охотников. Любой анализ причин того или иного факта должен быть очень точным, и Халле предельно точен в своих исследованиях.

Наука этология — не этнология, заметьте, — описывает и изучает поведение животных в естественной среде или в неестественной, но имитирующей естественную (как, например, разведение арабского сернобыка на юго-западе Америки). Поведение животных в неестественных условиях обитания, таких как зоопарки,

---

<sup>1</sup> К и т а б у — книга (суахили).

цирки и тому подобное, или в лабораториях не является предметом изучения этологии, но описывается и анализируется направлением науки, которое называется бихевиоризм. Существуют, разумеется, смешанные ситуации, когда животные обитают, например, на огромных специальных фермах. Это и анклавы, на которых в естественных условиях содержатся животные, присущие именно данному ареалу, и резерваты или парки, в которых животные обитают в чуждой для них среде. Тем не менее существуют очень значительные различия в поведении животных, обитающих в естественной для них среде, и животных, вытесненных или «перемещенных», содержащихся соответствующим образом.

Я занимался этологией около сорока лет. Последние двадцать, насколько мне позволяло время, я посвятил изучению огромного количества литературы по вопросам бихевиоризма. И должен признать, что, несмотря на мое отрицательное отношение к школе этого направления, ученые, работающие в этой области, немало потрудились для того, чтобы выяснить правду о поведении животных в естественной среде. К примеру, поведение стаи бабуинов, обитающих на специально сооруженном для этих целей голом холме в северном климате, существенно отличается от поведения их сородичей, проживающих в африканской саванне. На холме они просто не в состоянии совершать нормальные для них действия, например, «просеивать песок», или элементарно жить привычным им образом. Но так как бабуины — существа крайне изобретательные, они придумали себе новые законы или, согласно бихевиоризму, «модели поведения», каковые им бы не потребовались, живи они на воле, потому что эти законы абсолютно чужды животным, обитающим в естественных природных условиях.

Однако еще остались места обитания животных, которые «не потревожили» охотники и так называемые «спортсмены». Бейсбол, крикет или футбол — пре-



красные и здоровые виды спорта, с помощью которых человек может понизить свой агрессивный пыл и дух соперничества. Достаточно всего лишь наблюдать за игрой или участвовать в ней самому. Но почему стрельба в животных, которые не в состоянии ответить тем же, считается видом спорта? Меня всегда возмущала охота или убийство любого существа, если это происходит не ради добывания пищи, не ради сокращения численности дикого скота, который может довести себя до голодной смерти, не ради приобретения видов, необходимых для развития науки, что составляет минимум. Охота допустима и оправданна лишь в том случае, когда требуется поддержать баланс в природе (вернее, то, что от нее осталось). Но уничтожение живых существ просто для «забавы» или коллекционирования трофеев меня поражает. Подобное поведение людей — незрелое и варварское. Неужели человек никогда не повзрослеет?

Халле является одним из самых давних врагов подобных «спортсменов». Я познакомился с ним всего лишь несколько лет назад, но наша встреча оказалась знаменательной. Я могу по пальцам пересчитать (увы!) мужчин и женщин, обладающих познаниями и принципами, присущими Халле. Читая эту книгу, — а вы будете ее читать даже в том случае, если жизнь животных вас не интересует, — вы поймете и оцените умение автора дифференцировать факт и фантазию, касающиеся жизни животных. Когда Халле сталкивается с крадущимся леопардом (общепринятый повод для того, чтобы «спортсмен» мгновенно схватился за ружье), он кричит зычным голосом: «Дедуля, катись отсюда!» — и животное исчезает; когда Халле оказывается на пути бегущего стада африканских буйволов, он застывает на месте, «притворившись новым видом баобаба», — и стадо с грохотом проносится мимо, не причинив ему ни малейшего вреда. Эти два происшествя, да и многие другие, о которых он рассказывает, поразят или, по крайней мере, удивят тех,

кто читал много историй охотников об африканских якобы «кошмарных убийцах». К тому же рассказы Халле основаны на прекрасном знании повадок животных и на понимании самого главного: поведение животных абсолютно не соответствует нашим привычным о них представлениям.

Я считаю, что нельзя приступать к каким-либо по-настоящему действенным программам по сохранению животного мира, не зная точно, каково поведение его представителей. И тут мы сталкиваемся с особыми проблемами, теми, которые имеют отношение к самой Африке. Первая и основная из этих проблем — это вопрос о населении данного континента. Мало кто понимает, что именно коренные жители являются лучшими защитниками окружающей среды, а не иммигранты, в особенности представители других рас, которые только нарушают существующий баланс в природе (как это произошло в Северной Америке, где когда-то индейцы пребывали в почти идеальном равновесии с местным животным миром). Что касается «колониализма», который бесконечно обсуждается с политической точки зрения, то в действительности он не причинил такого уж вреда дикой природе, как это принято считать. Африканские страны терпимо относились к «спортсменам» и «белым охотникам», так же относятся и ныне, даже помогают им, но следует помнить, что именно при колониальном правлении появились первые перспективные программы по охране окружающей среды в Африке. Трудно сопоставить чью-либо деятельность с работой Американского общества по сохранению бизонов, но бельгийцы в Конго и британцы в восточном горном крае тоже хорошо потрудились в этой области. (Мой отец первым организовал что-то вроде частного охотничьего угодья в Африке. Умер он в 1924 году в результате несчастного случая с носорогами, когда помогал Мартину Джонсону снимать его знаменитый фильм «Симба».

Таким образом, в отличие от многих критиканов, порочащих и оплакивающих *каждую* акцию «белых колониалистов», я кое-что знаю о том, как было на самом деле.)

Бичом и страшной мукой Африки, как колониальной, так и независимой, стало браконьерство. В прежние времена его таковым не считали, потому что законов против массового истребления животных ради коммерческих целей не существовало. Например, белые носороги почти вымерли, так как ненасытный азиатский рынок охотился за их «усиливающими половую потенцию» рогами. То же самое произошло с красивыми обезьянками колобус, которых убивали ради их шкур. В наше время законы существуют, но уничтожение зверей продолжается и распространяется по всей Африке. Контроль за охотой полностью отсутствует, несмотря на достойные похвалы усилия правительств, по крайней мере, вновь образовавшихся стран.

Из-за браконьерства, роста населения, широкого разведения местного скота (который на самом деле больше является источником дохода, чем пищи) и захвата саванн под пастбища дикие животные гибнут. Непонятно, как они вообще еще сохранились в Африке. Джулиан Хаксли выдвинул предложение, в котором очень обстоятельно объяснил, почему сохранение местного зверья имеет практическую и реальную ценность. Он предложил новообразовавшимся странам охранять и сохранять исчезающие виды, поддерживать разведение животных для обеспечения своего народа крайне необходимым мясом, чтобы возместить недостаток протеина. Было бы здорово, если бы африканские власти использовали это предложение, получив, возможно, материальную помощь от Великобритании.

Существует еще одна проблема, которая приводит в уныние. Создается впечатление, что охрана окружающей среды зависит в некоторой степени от семантики — слово «охрана» абсолютно не производит впечатления

на молодых, а юнцов с оружием в руках оно просто приводит в бешенство. И тем или иным образом, но это слово приобрело сентиментально-благотворительный оттенок. Если бы кто-нибудь придумал новый сильный термин и несколько лозунгов, которые по-настоящему подействовали бы на общество, люди стали бы более активными. Ничто так не эффективно в пропаганде, как шоковая терапия, и вопрос охраны окружающей среды нуждается именно в этом. Но разве можно ожидать от потерявшего интерес к жизни и зашедшего в тупик общества, что его начнет тревожить уничтожение фауны именно в тот период, когда человечество во всем мире переживает социальный и политический кризис? И все же мы нуждаемся в новом слове, лозунге и усиленной кампании, которые бы воздействовали на общество, на напыщенных бюрократов и, возможно — всего лишь возможно, — на безумных «спортсменов». Мы с Халле как-то раз обсуждали этот вопрос, и его тоже волновала эта проблема. Прочитав его книгу, я пришел к выводу, что автор со своим проектом Конголенда является именно тем человеком, который может убедить людей в необходимости охраны окружающей среды.

До сих пор мы изучали главным образом открытые пространства типа саванн. Жан-Пьер Халле впервые на моей памяти с прекрасным знанием дела поведал нам о второстепенных проблемах ареалов замкнутого леса, обыкновенно называемым «джунглями». Эти проблемы совсем иного рода, так как в замкнутых лесах не водятся огромные стада травоядных, ни диких, ни домашних, гораздо реже встречаются хищники и еще реже человеческие существа. Здесь невозможно составить какую-либо перепись животного населения и провести сравнительный анализ с этологией саванны. Практически ничего не известно о повадках лесных животных. Между тем леса постоянно исчезают, год за годом.



И животный мир, исчезая вместе с ними, может погибнуть, прежде чем мы начнем что-то о нем понимать.

Когда я читал эту необыкновенную книгу, мне хотелось аплодировать стоя почти каждой странице. Жан-Пьер Халле знает все о животных, и его научный подход и наблюдения являют собой самый живой и реальный вклад в науку естествознания, этологии и зоологии.

*Блэрстаун, Нью-Джерси*  
*Октябрь 1967 г.*

*Айвен Т. Сандерсон*



Посвящаю эту книгу моим друзьям Симбе, Пьерро, Белле, Венере и Софи и надеюсь, что вскоре многочисленная команда их товарищей — львов, носорогов, слонов, шимпанзе и других животных — поплывет на борту моего «Ноего ковчега» к берегам Нового Света.

## ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

### *Народ против животных*

Народ, населяющий нашу планету, бездумно называет социальное человеческое объединение «обществом» или даже «цивилизацией». Однако объединения животных воспринимаются людьми несколько иначе. Взаимодействие животного мира с окружающей средой ученые называют экологией, а изучение «естественного» поведения животного — этологией. Для остальных людей животный мир большей частью являет собой хаотическое скопление существ, которые размножаются, живут,

убивают и умирают без всяких на то причин. Учитывая принципы мышления и поведения человека по отношению к животному, людей можно разделить на три основных типа: любители природы, которые вроде стремятся делать добро, «любят» животных и пытаются их приручить, но абсолютно не ведают, что творят; люди, возмнившие себя царями природы и поэтому считающие, что вправе уничтожать все живое, если оно встает у них на пути; и потенциальные Белые охотники — невежественные убийцы или просто маньяки, превратившие африканские саванны в охотничий вариант Лас-Вегаса.

Первый описанный мною тип людей, вероятно, составляет большинство. Такие люди до некоторой степени интересуются и восхищаются видами, не принадлежащими к человеческому роду. Свое отношение к животным они выражают, выражая заботу и расположение к домашним собакам, птицам или лошадям и симпатизируя тем диким животным, которые выглядят кроткими и привлекательными, например, оленям с ласковыми глазами, антилопам и белкам, восторгаясь «опасными», но экзотическими видами, например, львами, слонами и тиграми. Но гуманное отношение таких людей зиждется на ограничениях: мелких хищников или животных, питающихся падалью, люди этого типа называют «подлыми», «трусливыми», а то и «злыми», а уж волков, гиен, грифов или койотов они могут убить, даже не задумываясь о роли данного животного в сохранении природного баланса.

Ну, а к животным, которые очень не похожи на человека, первая группа людей относится еще менее гуманно. Рептилии вызывают у них ужас, поэтому они убивают их на месте, хотя многие змеи абсолютно безвредны. Те же рептилии, которые представляют собой действительную угрозу, например, кобры или крокодилы, разумеется, «злые». Пауков, насекомых и других беспозвоночных часто вообще не считают животными; они — ужасные или просто отвратительные «букашки», которых следует давить и опрыскивать.

И все же первая группа людей благожелательно относится к животным, хотя предвзято и неблагоприятно враждует с изгоями и париями животного мира. Такие люди готовы восхищаться «Матушкой-Природой» и даже любить ее, но при этом полагают, что она требует изменений, причем ради нее же самой. Во многих книгах и фильмах о живой природе они, не считаясь с фактами, поэтизируют животных, делая из них яркие картинки на поздравительных открытках или героев Садов Эдема в цветном кино. Даже в некоторых так называемых документальных фильмах животное-«герой» обладает всеми человеческими добродетелями, в то время как «злодей» наделен присущими человеку пороками. И никто из зверей не изображается таким, каким он является на самом деле.

И тот факт, что очень часто фанатики природы пытаются уподобить себе животных, не является преувеличением. Даже в 1960-х годах, во время всемирного развития промышленной цивилизации, основная масса американских граждан вступала в организацию, которая требовала натянуть штаны на «голых лошадей» и надеть нижние юбки на «обнаженных коров». Этот немислимый проект был финансируван группой, называющей себя «Обществом по борьбе с непристойно голыми животными» (СИНА), — по одному только названию можно было сразу понять, что основатели общества просто веселятся. Тем не менее огромное количество добровольцев было готово шествовать крестовым походом под развевающимися стягами СИНА во имя «одевания» американских животных.

Я критикую не манеру и мораль американцев, а только образ мышления фанатиков природы в любой, какой бы там ни было, стране. Когда я жил у себя на родине в Бельгии, страстные любители кошек города Льежа, в котором родился мой отец, организовали общество по «усовершенствованию умственных способностей и морального облика кошек». Провозгласив сей лозунг, куда менее

реальный, чем «одевание», бельгийские идолопоклонники создали... Как вы думаете, что? Кошачьи классы по изучению поэзии? Ничего подобного. У них была более практическая цель. Так как *Felis catus* (кот пушистый) обладает поразительным умением находить верную дорогу, они решили обучить кошек переносить письма и, таким образом, заменить ими почтовых голубей. Они считали, что, имея постоянное занятие, кошки тем самым станут совершенствовать свой моральный облик и тратить меньше времени на прыганье по заборам. Воодушевленные сим восхитительным проектом, любители кошек города Льежа провели несколько предварительных экспериментов: они оставляли своих питомцев в двадцати милях от дома. Вскоре после того, как запас кошачьих почтальонов иссяк, этот проект был заброшен, и великое кошачье общество тихо прекратило свою деятельность.

Вторая группа людей относится к животному миру, как мне представляется, с полным безразличием. Они, так же как и апологеты христианской Церкви, твердо верят в то, что животные лишены души и что они, как утверждал французский философ Декарт, — всего лишь обладающие инстинктом автоматы, которые по своему развитию немногим превосходят растения, мол, «звери действуют благодаря силе природы и пружинам как у часов». Ну а раз животные — всего лишь кучка заводных игрушек, такие люди полагают, что человек имеет право поступать с любым созданием как угодно. В том числе и полностью уничтожать тех, кто не имеет отношения к человеческому виду, особенно если эти существа препятствуют программе быстрой переделки нашей планеты в захламленное, на редкость скучное пространство для жилья.

Третья, и самая малочисленная, группа цепляется за возможность потешить собственное самолюбие в тех уголках света, где, как им представляется, может, еще всякое случится. Они с энтузиазмом присоединяются к

тем, кто убивает животных ради развлечения, то есть становятся «охотниками». Когда-то, в порядочном мире, люди охотились только ради добывания мяса, да и сейчас некоторые занимаются охотой лишь по этой причине. Но когда людей интересуют одни трофеи и «спорт», охота превращается в непристойное занятие, особенно в Африке, где лоск цивилизации быстро блекнет под тропическим солнцем. Здесь мнящие себя «охотниками» часто исполняют роли в якобы классическом сафари. Таких спортсменов очень точно охарактеризовал покойный Роберт Руарк: «...хамы, зануды, сволочи, трусы, хвастуны, подонки да порой гомосексуалисты, которых больше интересует охотник, а не охота».

Но помимо этих трех групп существуют и другие люди, обладающие разумным и поистине гуманным взглядом на проблемы сосуществования человека и животного. Я твердо уверен в том, что образ жизни животных в любом ареале можно вполне воспринимать как образ жизни определенного общества и сопоставить его с человеческим. Такое общество может показаться и *чуждым*, но животные не более чужды людям, чем, к примеру, немцы итальянцам или американцы пигмеям Конго, которые скептически (и даже с осуждением) относятся к янки.

Сообщества животных во всем мире гораздо в большей степени заслуживают нашего интереса и уважения, но никак не снисхождения. Нельзя с лицемерным негодованием закатывать глаза при виде необычных для нас сцен, звуков и запахов; нельзя приписывать животным присущие нам мнимые обычаи — ни социальные, ни сексуальные. Однако для выживания им крайне необходима наша «чужая помощь».

Придерживаться подобного подхода к животным нелегко. Даже с людьми нелегко общаться. В этом я убедился за десять лет работы агрономом и социологом в Конго при прежнем бельгийском правлении. Я обучал

бушменов всему необходимому, что помогало бы выжить их племенам: как чередовать культуры, обрезать деревья, запускать лес под бесплодные почвы, рыть ямы для компоста, бороться с вредными для сельского хозяйства насекомыми и просто как перестать есть друг друга. Но самым трудным было добиться помощи от властей — и материальной, и социальной, не ставя при этом под угрозу местную культуру и бесценные традиции.

Проще говоря, я интересовался бушменами, даже любил их *ради них самих*. И я понял, что их отличие от нас имеет такое же важное значение, как и их сходство, и что нельзя считать их сырьем для переделки европейцев. Мое отношение к бушменам было совершенно противоположно колониальной точке зрения; на самом деле оно было таким, какое ныне стало присуще кореным африканцам. Они не желают идти по пятам белых людей и предпочитают сохранять свою собственную культуру — гордиться, как они говорят, своим «черным самосознанием».

Должно быть, мне удалось ясно показать свое отношение к ним, так как меня приняли в племя масаев в Кении, и я стал братом по крови племен банега и бананда в Конго. А в лесу Итури я, несмотря на свои большие размеры, специально превратился в пигмея бамбути и разделил во всех отношениях жестокие реалии жизни людей, принявших меня к себе. В 1957 году в Итури я задел ногой отравленную стрелу и, непонятно как, перенес жуткую операцию, которую сделали мне пигмеи. А еще раньше я чуть не умер от гемоглобинурийной лихорадки в Катанге; в Касаи меня ранили ножом местного образца; а в 1955 году в Бурунди после взрыва от динамита я лишился правого запястья и стал плохо слышать. Мое тело все в шрамах и напоминает лоскутное одеяло, но, как ни странно, ни один из этих шрамов не появился по вине животного.

И хотя я никогда не держал при себе ружья или даже ножа, живя среди африканских «злых диких зверей», они ни разу не причинили мне вреда, хотя я наблюдал за ними на близком расстоянии и играл с такими называемыми «убийцами», как, например, буйвол или носорог. В 1958 году, уволившись со службы, я увлекся приручением и воспитанием животных. И в своем дворе в Кисении я держал взрослого льва, взрослого носорога и двух слонов. Обращался с ними на редкость бесцеремонно, но, так как я знал и уважал характер каждого, меня никто не поцарапал, не забодал, не потоптал.

В 1960 году я уехал из Африки и иммигрировал в США. И почти каждый человек, с которым я встречался, тут же предполагал, что я — Белый Охотник в голливудском стиле. Некоторые даже спрашивали, сочувственно кивая в сторону моего обрубка: «Это вас лев... или крокодил?» Наверное, они думали так потому, что я приехал из Африки, хорошо знал животных и выглядел здоровым и крепким. И в самом деле, мой облик вполне соответствовал тому стереотипу Белого Охотника, о котором рассказывал Роберт Руарк: «Он ростом в шесть футов и щеголяет огромной бородой».

Этот вопрос, который задавали мне американцы, подразумевал собой комплимент, но для меня он звучал как насмешка, ведь «Белый Охотник — Халле», давний приверженец охраны окружающей среды, по ту сторону океана славился как *Le Pere Noe Belge* — бельгийский отец Ной. Теперь я решил пришвартовать свой ковчег у американского берега, поскольку надеялся организовать в США огромный заповедник животных, Конголенд, чтобы спасти часть африканской фауны от местных браконьеров и иностранных охотников.

В моей первой книге «Китабу о Конго» я рассказал о своих приключениях в Африке. В «Китабу о животных» я описываю свои более поздние злоключения, которые мне пришлось пережить главным образом в Южной Калифорнии, где Конголенд был почти готов. И я ду-



маю, что он мог бы стать реальностью, если бы официальные власти и сами калифорнийцы захотели бы хоть что-то узнать об африканской фауне. Мой проект и сейчас еще можно осуществить, и я делаю все, чтобы добиться его претворения в жизнь. Однако все дело в том, что первое мое предложение о Конголенде тут же стало предметом общественной дискуссии, которую спровоцировали слухи настолько дикие, что даже самые дикие звери по сравнению с ними ничто. Например, меня обвинили в том, что я мечтаю завалить штат Калифорния боа констрикторами.

Это обвинение было выдвинуто Управлением по контролю округа Монтерей, опубликовано в местной прессе, передано через телеграфные агентства и напечатано в национальной прессе, без вопросов и комментариев, включая «Филадельфия Инквайер» от 22 февраля 1961 года и «Нью-Йорк Джорнал Американ» того же числа. Никто не поставил под сомнение слух о надвигающемся нашествии африканских удавов, никто даже не засмеялся, несмотря на то, что боа констрикторы, да и любые боа, не живут, да никогда и не жили, на Африканском континенте. И вот что любопытно: два члена семейства удавов — калифорнийский удав и резиновая змея — коренные калифорнийцы. Если Управление по контролю округа Монтерей это обнаружит, их тут же депортируют в Африку.

Подобная паника возникла только из-за одного элементарного заблуждения, возникшего от недостатка информации о том, где какие животные обитают. И подобное происходит постоянно, а жертвой непременно становится «Мрачная Африка», которая выглядит еще мрачнее из-за наличия в ней мифической компании индийских тигров, водяных буйволов, южноамериканских боа констрикторов, ягуаров и качающихся на своих хвостах обезьян. Если же животных называют правильно, то почему-то сообщают, что они кишмя кишат в вездесущих «джунглях», как показано в фильмах о Тарзане. В дейст-

вительности же две пятых части Африки занимают пустыни, а еще две пятых — холмистые саванны, очень напоминающие западноамериканские прерии. Места обитания животных почти всегда указываются неправильно, их привычки истолковываются неверно, и зверям приписываются повадки, абсолютно им не свойственные.

Существует огромное количество прекрасных интересных работ по естественной истории, которые могут помочь привести в порядок путаницу в знаниях о животном мире. Но мало кто их читает, мало у кого хватает терпения специально обратить внимание на мелочи. И, честно говоря, я понимаю почему. Согласно позднейшим исследованиям, почти невозможно составить реальную картину по не связанным между собой фактам и рассказам, если они изложены более или менее популярно.

Поэтому, работая над «Китабу о животных», я поставил перед собой цель создать серию взаимосвязанных очерков-портретов о животных, которые составили бы единую книгу о смешанном обществе представителей фауны Экваториальной Африки. Каждый очерк — достаточно полный, в нем рассматриваются все аспекты образа жизни данного животного в естественной для него среде, рассказывается о его семье, друзьях, знакомых и врагах. Как только читатель переходит от одного слоя общества к другому, первое животное уходит на второй план, и в фокусе оказывается новый персонаж.

Для описания моего животного общества я использую термины, привычные людям. Тут и короли, и воины, и джентльмены, и буржуа, и пролетариат, и даже преступники, бродяги и оригиналы. Сомневаюсь, что кто-то воспримет это как проявление сентиментальности, но, возможно, некоторые станут обвинять меня в том, что подобная структура имеет тенденцию очеловечивать животных. Я так не думаю. Хотя животные сообщества и могут показаться чуждыми, но ведь можно попытаться и их понять.

Различия между человеком и животным — это вопрос степени, а не вида; мало кто усомнится в подобном утверждении, пронаблюдав пару часов за стаей очень умных, болтливых павианов бабуинов, которым присуща высочайшая организованность. Труднее признать наличие общих свойств у человека со стервятником или у человека с жирафом, но поглядите на слонов, которые развлекаются опьянев от перебродивших фруктов, или на египетского стервятника, который разбивает камнем устрицу себе на завтрак, или на жирафов, которые нянчат чужих жирафят или занимаются мужеложством.

Возможно, мои откровенные рассказы кому-то покажутся отталкивающими. При упоминании об Африке такие люди сразу представляют себе пик Килиманджаро в дымке или зеленые леса Конго. Африка и впрямь может поразить своей красотой, но она еще — и средоточие грязи, крови и экскрементов. Уберите их — и от настоящей Африки останется лишь открытка с красивым видом.

Несмотря на недостаток изысканных манер, на мой взгляд, сообщества животных менее аберратны, чем человеческие. Их интересы направлены на древние законы селекции и выживания, а также впрямую зависят от основных законов территории, добывания пищи и размножения.

Слабое животное погибает быстро, но живет полно, ярко, остро и, что главное, естественно.

*Лос-Анджелес, 1967г.*

*Жан-Пьер Халле*



## ЧУИ

### *Истинный царь зверей*

Кто же является истинным царем зверей?

В баснях грека Эзопа и французца Лафонтена всеми животными правит лев, «властитель дальновидный и мудрый». Этого сентиментального, но ошибочного мнения человечество придерживалось веками. Доминирует оно и до сих пор. Натуралисты и любители живой природы, пораженные размерами, силой и симпатичным обликом слона, порой венчают короной его. Любители охоты пытаются посадить на трон животных южноафриканского буйвола. А в Голливуде полагают, что властелином зверей и самым опасным животным является черный носорог, или, как его называют на афишах, «рогатая ярость».

Все, начиная с Эзопа и кончая «Метро-Голдвин-Майер», принимают во внимание главным образом внешний вид животного, а не его характер. Царь не мо-

жет быть таким ленивым, добродушным бездельником, как лев, позволяющий своим дамам убивать вместо него и живущий за их счет, будто сутенер. Царь не опустится до того, чтобы, подобно слону, шестнадцать часов в день только и делать, что есть да вести семейный образ жизни, словно обыватель. Царь не станет пастись со стадом, перемещаясь с пастбища на пастбище, и жевать жвачку, как корова, пусть даже эта корова — на самом деле очень сильный и очень опасный южноафриканский буйвол. И уж менее всего походит на царя носорог — храпящая грудная клетка, который сам редко понимает, на кого нападает.

Истинный царь зверей не унижится до того, чтобы бродить, охотиться и кормиться вместе с прайдом, стаей или стадом. Он живет и умирает в одиночку, как и подobaет царю. У него нет настоящих друзей, даже среди своих, и он не снизойдет до однообразной семейной жизни. Спаривается царь зверей быстро, жену вскоре бросает и никогда не видится со своими отпрысками. Добычу он убивает себе сам — и убивает превосходно! — или отнимает ее у хищника, рангом пониже. Он является самым сильным животным на земле и сплошь состоит из стальных мускулов и сухожилий.

На языке суахили он зовется Чуи. И эти звуки почему-то вызывают в памяти крадущуюся походку, шелковистую шкуру и восточные пряности. Эти животные прекрасно приспособлены к любой местности — ведь хитрого властелина можно встретить и в Африке, и в Персии, и в Сирии, Индии, Китае, Малайе и даже на острове Ява. Благодаря неимоверной проницательности и способности к выживанию этому представителю крупных кошачьих повезло больше всех его сородичей: его вид сохранился в ареалах, которые львам так и не удалось занять, и в районах, где львы уже вымерли.

Истинный Царь Зверей — это леопард.

Этого не воспетого поэтами зверя охотники и считают самым злобным, самым неуловимым и самым опасным животным. Он заслуживает верхней строки

так называемой Большой Пятерки — почитаемого и постоянно обсуждаемого охотниками перечня наиболее опасной африканской дичи. Я знаю, что многие охотники, профессионалы и любители, станут мне возражать, причем основываясь главным образом на размерах животного. Взрослый леопард-самец часто весит чуть больше ста фунтов и обычно достигает длины около восьми футов от кончика носа до кончика хвоста. Разве можно такого маленького кота, говорят они, ставить выше четырехсотфунтового льва или буйвола, весом в тонну, или разъяренного носорога, весом в полторы тонны, или слона шести тонн? По их разумению, из-за своих размеров леопард не имеет права слыть номером один. И они ставят его в конец списка.

Но если поразмыслить хотя бы чуточку о тех трудностях, с которыми сталкиваются охотники, пытаясь выследить и убить представителей Большой Пятерки, которая чаще всего выглядит следующим образом: южноафриканский буйвол, слон, носорог, лев и леопард, то возникнет совсем иная картина.

Выследить черного носорога, южноафриканского буйвола или слона трудности не представляет даже в тех регионах, где их почти полностью истребили. Все эти перечисленные животные чаще встречаются в лесистых саваннах, а не в экваториальных лесах — истинных «джунглях», и все они большие, даже громадные, поэтому укрыться могут лишь в очень густом буше, так как их огромные размеры, дающие им преимущество, являются для них и помехой. Буйвола труднее обнаружить, чем носорога или слона, но охотники часто находят их по кружащим над животными белым цаплям — «цаплям стада».

Охотники или, что бывает чаще, охотничий отряд в состоянии увидеть любую из этих огромнейших мишеней издали и сделать более или менее точный выстрел. Если первой пулей не удастся убить животное и раненый зверь бросается в наступление, всегда найдется вре-

мя, чтобы выстрелить снова, а то и выпустить целую очередь. Если раненое животное убегает, чтобы найти себе убежище, то преследователь (а на подобный риск отваживаются только профессионалы) снова получает преимущество, потому что не так уж трудно найти грузное животное, которое не может хорошо спрятаться и не в состоянии ступать бесшумно, как львы или леопарды, и найти его становится легко.

По этим причинам я просто обязан поставить трех гигантских травоядных в конец списка Большой Пятёрки, который мне так не нравится. Пустоголовый и сильно близорукий черный носорог заслуживает жалкого пятого места; осторожный и обладающий превосходной физической силой южноафриканский буйвол более опасен и потому достоин четвертого места. Страдающий слабым зрением слон — мишень гигантских размеров — все же в состоянии проявить хитрость, до года его отслеживают. К тому же природа снабдила его смертоносным оружием — массивной головой, хоботом, бивнями и гигантскими тяжелыми ногами, поэтому он вполне годится для твердого третьего места. Хочу заметить, что если охотник не в состоянии попасть в мишень из слоновьего ружья калибра 450—600, то он уподобляется тому, кто стоит на железнодорожных путях в ожидании столкновения с локомотивом, и, следовательно, так ему и надо.

Льва, также обитающего в саваннах, я ставлю на второе место. Умный, как слон, сильный, как буйвол, он был создан специально для того, чтобы охотиться, а не щипать траву или пастись. Он быстро бежит и очень проворен. Для охотника он представляет мишень гораздо меньших размеров. И если первая пуля не остановит льва, то у неумелого охотника вряд ли останется время, чтобы выстрелить снова. Лев может сбить его с ног, сильно изувечить и даже убить, прежде чем другие охотники успеют выстрелить в него. Но у льва есть недостатки, которые являются для него роковыми: он ленив и са-

монадеян. Стоит себе посреди открытой саванны, самодовольно наблюдая за охотниками, и легко подпускает их к себе. Такое поведение не только не позволяет ему занять высшую строчку охотничьей, никому не нужной Большой Пятерки, но и ведет к полному вымиранию его вида и подвидов.

Животное Номер Один не совершает тактических ошибок, не имеет ни одного физического недостатка и никогда не позволит подобраться к себе ни человеку, ни зверю — он подбирается сам. Обитая в лесистой саванне и в густом экваториальном лесу, Чуи ухитрится оставаться неуловимым повсюду. Необыкновенно осторожно крадется он среди ночи, убивает добычу, обедает, вешает обглоданный скелет на дерево, а днем прячется в укрытии — среди скал, в пещере или в самой непроходимой чаще. Если укрытие ему чем-то не подходит, он забирается в такие места, куда даже домашний кот не пролезет. Ведь у леопарда необыкновенно гибкое тело и замечательная окраска-маскировка. Он прыгает по деревьям похлеще, чем Тарзан, и не боится воды, забираясь порой на поросшие лесом островки посреди огромных рек или озер.

Если охотник, увидев висящую на дереве добычу леопарда или его свежие следы, попытается выследить животное, то обычно никого не находит. И уходит в полной уверенности, что Чуи покинул эти места. А тот тем временем скорее всего наблюдает за охотником с равнодушным презрением. Чуи редко снисходит до того, чтобы нападать самому. Зачем? Если он уже видел людей и слышал выстрелы, то знает, чем ему это грозит. Но даже не встречавшийся прежде с людьми Чуи всегда держится настороже: белые люди с оружием в руках не похожи на его обычную добычу и не являются частью привычного пейзажа. Их внешность, запах, одежда, снаряжение и даже манера передвигаться вызывают недоверие у этой необычайно умной кошки. Охотники явно представляют собой опасность. Чуи не из тех, кто идет на риск



просто так, поэтому предпочитает или наблюдать за происходящим из укрытия, или быстро и незаметно уйти.

Редко, правда совсем редко, он охотится за охотником сам. Такой крайне необычный поступок может совершить лишь леопард, когда-то раненный или совсем дряхлый, который не в состоянии поймать себе более проворную и осторожную дичь. Тем не менее, даже отчаявшийся, он не станет нападать на человека в том случае, если тот не один или если Чуи не имеет возможности атаковать с тыла. Если зверь решает напасть, охотнику быстро приходит конец: никому не удастся победить леопарда или остаться в живых после нескольких минут поединка. Чуи впивается зубами в загривок и рвет его в клочья; острыми словно бритва когтями он раздирает плечи жертвы, а задними сильными лапами превращает ягодицы и бедра жертвы в месиво.

Леопард нападает спереди лишь в том случае, если охотнику повезет (или не повезет!) застать животное врасплох и загнать его в угол или же если он успеет выстрелить и ранить зверя. Тогда Чуи вцепляется зубами в шейную вену, раздирает плечи жертвы передними лапами, а задними вытаскивает наружу кишки. Сзади ли нападет леопард, спереди ли — все равно, мало кто после этого остается в живых, если только кто-нибудь не придет жертве на помощь. В отличие от льва, который, сбив жертву с ног, может на том и остановиться, особенно если сыт, Чуи не оставляет врага в живых и с целым брюхом.

Учитывая присущие леопарду осторожность и ночной образ жизни, охотиться на леопарда организованно практически невозможно ни в Африке, ни в Индии. Но исключительно ради того, чтобы утолить ненасытное желание своих клиентов убить леопарда, профессиональные охотники частенько устраивают постыдный фарс, лишенный и достоинства и риска. Они вешают на дерево для приманки часть туши антилопы или зебры, а

на безопасном расстоянии сооружают бому — укрытие для охотников. Иногда для приманки они привязывают к колышку козу или собаку. Если леопард приходит к приманке до рассвета, — а обычно он поступает именно так, его можно подстрелить из винтовки с оптическим прицелом, причем без всякого риска для спрятавшихся охотников. Почему-то такая охота называется спортом.

Подобная «охота на леопарда» с приманкой из-за заграждения была показана в январе 1967 года в телевизионном сериале «Американский спортсмен». Киноактер Джон Саксон играл роль неустрашимого охотника-любителя, который, сидя на корточках в боме вместе с проводником, целился в леопарда сквозь оптический прицел и убивал его. Будучи в Африке новичком, он поверил заверениям охотников, что такая охота — настоящая.

Критик Кливленд Амори назвал этот «спектакль» в «ТВ Гайде» «Белые Охотники во всем своем блеске»:

«...как легко, оказывается, показать по телевизору самое отвратительное шоу. Я считаю явление под названием «Американский спортсмен» ужасающим и не принимаю в ответ никаких доводов, никаких аргументов, даже малейшего сомнения в моей правоте... В этом шоу каждую неделю уничтожают медведей гризли, леопардов, слонов, носорогов и других животных. Если люди, возглавляющие Эй-би-си, получают удовольствие от такого рода «спорта», то это очень грустно, но это их личное дело. Но когда подобные взгляды навязываются публике под видом «занятия спортом», подобное оскорбление зрителей становится делом общест-венности...»

Старая пословица о риске во время охоты теряет свой смысл, когда так называемые охотники прячутся в укрытии. Ведь истинной целью такого рода охоты на леопарда является не желание просто пощекотать себе нервы, а стремление добыть желанный трофей. В Аф-

рике охотники-любители охотятся исключительно по этой причине. Турист, заиклившийся на коллекционировании и на желании выставить напоказ свои трофеи из Африки, делает все, дабы доказать, что он настоящий охотник. И ради увековечивания его побед над членами Большой Пятерки, таксидермисты сооружают из слоновьей ноги корзину для мусора или стул для бара, из копыта носорога — пепельницу, а от африканского буйвола или льва остаются головы, висящие на стене. Голову Чуи тоже любят водружать на стену, вставив в нее стеклянные глаза и прикрепив к небу пластмассовый язык. Но, в отличие от других членов Большой Пятерки, леопард ко всему прочему обладает и роскошной пятнистой шкурой.

О том, что происходит с этой шкурой, рассказывает Верной Барлетт в своем стихотворении «Леопардовые шубы», которое впервые было опубликовано в «Ньюс Стейтслен»:

«Однажды Тот, Кто Выше Всех,  
Соблаговолил  
Мне леопарда показать,  
Бегущего на воле.  
И теперь  
Он может ждать,  
Что я сумею обладать  
Его терпимостью  
И с равнодушием взирать  
На тех проклятых женщин,  
Что любят шкуры надевать  
И тихо кофе попивать?»

Большинство леопардовых шкур, идущих на шубы, шляпы и различные аксессуары, добываются, однако, отнюдь не во время театрализованной охоты. Число лицензий на отстрел леопардов крайне ограничено, поэтому дефицит в шкурах пополняется с помощью посредников, которые приобретают их за жалкие гроши у африканских браконьеров. Издавна существующий са-

фари-рэклет вынуждает браконьеров ставить на леопардов и других зверей проволочные силки. И попавшимся в них животным приходится умирать долго и мучительно, иногда даже на протяжении нескольких дней, до тех пор пока не явится браконьер, который их и добьет. Шкуры контрабандой вывозятся из Африки, главным образом через Сомали, и продаются на западных рынках по бешеным ценам.

Те, кто поставляют эти шкуры, и те, кто охотится на Чуи ради того, чтобы якобы испытать сильные ощущения, являются единственными животными, нападающими на взрослого леопарда, за исключением разве только трусливых гиен, которые, по слухам, иногда осмеливаются поймать потерявшегося леопарденка. И все же, по сравнению с другими животными, Чуи редко становится добычей человека. В тех ареалах, где львы и другая крупная дичь окончательно стерты с лица земли, леопард еще водится. И если эта бойня будет продолжаться, леопард вскоре окончательно докажет свое превосходство: он останется единственным уцелевшим в живых из Большой Пятетки.

А с уроженцами Африки, которые для Чуи более знакомы и предсказуемы, леопард ведет себя гораздо бесцеремоннее. Подкравшись к деревне, он может утащить коз, свиней и собак, поймать гуляющего ребенка или, что бывает редко, убить и уволочь зазевавшуюся женщину. Но при встрече с взрослым мужчиной, даже безоружным, он всегда хорошо подумает, прежде чем напасть.

Тот факт, что Чуи редко нападает на людей, частично объясняется опять-таки присущей ему осторожностью. Правда, мне всегда казалось, что на самом деле леопардам, да и другим хищникам семейства кошачьих, не очень-то по вкусу человеческая плоть, они предпочитают любое другое мясо. По вполне объяснимым причинам я не проводил специальных экспериментов, но эта теория не так давно была подтверждена авторитетом вы-

сокого ранга. Доктор Льюис С. Б. Лики, всемирно известный антрополог, который обнаружил в Олдувайском ущелье в Восточной Африке останки наших предков, выдвинул предположение, что человеческие запах и вкус, в отличие от приятного аромата плоти павианов, вызывают отвращение у крупных кошачьих. Он также обратил внимание на то, что шимпанзе редко подвергаются нападению, так как они своей анатомией, физиологией и запахом более похожи на людей, чем на павианов. Вероятно, человек сумел выжить и эволюционировать в доисторическом мире в какой-то степени благодаря сомнительному вкусу своего мяса.

Насколько мне известно, единственные, кто относится с пониманием к характеру и образу жизни леопарда, — это пигмеи бамбути, проживающие в лесу Итури, местности, где леопарды кишмя кишат. Бамбути — своего рода кочевники, которые не строят постоянных деревень. И когда они обнаруживают, что близ их временной стоянки бродит леопард, то отпугивают его криками, угрожающе размахивая луками. Если пигмей, пробираясь в одиночку через абсолютно непроходимый буш, неожиданно натывается на леопарда, он размахивает своим малюсеньким, в три фута, луком и громко кричит: «Огу, огу, муради!» — «Прочь с дороги, дедушка!» Изумленный и смущенный леопард спасается бегством. А нахалюга пигмей топает себе дальше, чтобы потом при случае заявить, что заставил леопарда «поджечь хвост, словно собака».

Когда я жил с отрядом пигмеев в секторе леса Эбуйа, то как-то раз воспользовался кличем бамбути. Я собирал грибы с женщинами и оказался на небольшой полянке. Шел я, внимательно разглядывая землю. Внезапно ощутил на себе чей-то явно не человеческий взгляд и, подняв голову, увидел, что в двадцати пяти футах от меня на поросшей мхом земле сидит взрослый леопард и наблюдает за мной с нескрываемым любопытством. Прожив много лет в чаще леса, он наверняка никогда не встречал

белого человека. Но у меня в руках, за исключением корзины с грибами, не было ничего, что напоминало бы оружие, а одет я был в знакомое ему облачение пигмеев — потрепанную набедренную повязку. По всей видимости, бедный зверь изо всех сил старался понять, кто же я такой.

Решив сыграть роль пигмея до конца, я сделал шаг вперед и заявил: «Огу, огу, муради!» «Дедушка» резко кашлянул и заворчал, но абсолютно не смутился и даже не подумал поджечь свой, в три фута длиной, хвост. Он лишь еще пристальнее уставился на меня. Я не был склонен к тому, чтобы менять тактику, поэтому поменял язык на тот, который выучил за год недавнего пребывания в Соединенных Штатах. «Дедуля! — прогремыхал я по-английски. — Катись отсюда!»

Леопард развернулся и исчез в буше. Чуи почти всегда так поступают. И так же ведет себя каждый так называемый опасный хищник, когда оказывается лицом к лицу с человеком и пугается. Правда, только если ему предоставляется возможность ретироваться. А люди — может потому, что по субботам смотрят слишком много фильмов о «джунглях», — до сих пор верят в то, что звери один за другим выскакивают прямоком из кустов, чтобы напасть на прохожего. И похоже, они так и будут в это верить, хотя сей миф не однажды развенчивался. Об этом упоминал и выдающийся натуралист и писатель Айвен Сандерсон. Вот что он остроумно написал в своей «Книге Великих Джунглей»:

«Всем этим существам я просто говорю что-то вроде «Бу-у!», очень громко и повелительно, и они исчезают бегом марш... Честно говоря, за время моих сорокалетних скитаний по джунглям... на меня не нападал ни один зверь крупнее муравья».

Пигмеи не только сошлись с Айвеном Сандерсоном во мнении, но и перещеголяли его. Мутуки, старый джентльмен из Эбуйи, однажды объяснил мне, что клич-приветствие леопарду на самом деле не предназна-

чен для того, чтобы его напугать. Пигмеи таким образом выражают ему свое сыновнее почитание. Давным-давно, как рассказывал Мутуки, леопард укладывал спать своих котят, но обнаружил вместо них выводок болтливых пигмеев. Папа-леопард стоически отнесся к ситуации, но после того, как на свет стали появляться одни бамбути, он потерял терпение. «Либо прекратите болтать, — сказал он своим детям-пигмеем, — либо идите прочь и живите как хотите». Пигмеи, которые, возможно, самые говорливые, самые шумные и самые веселые люди на земле, тотчас же удалились. И теперь, когда бы они ни встретили своего далекого предка, всегда напоминают ему о старых семейных узах.

Другие представители человеческого населения Великого Леса, племена Судана и банту, придерживаются иного мнения о Чуи. В их народных сказках леопард выступает как злобный, алчный и беспощадный царь-тиран. В этих легендах звери, «люди буша», живут по тем же законам, что и люди, представители различных африканских племен. Звери с фатальным пессимизмом попустительствуют леопарду и позволяют ему совершать свои злодеяния точно так же, как в прошлом племенные царьки эксплуатировали свой народ, продавали его в рабство и даже поедали детей. (В 1871 году немецкий ученый Георг Швайнфурц случайно набрел в Итури на племя магбету, которым правил король Мунда. Швайнфурц посетил королевский двор Мунды и, к своему ужасу, обнаружил, что правитель магбету придерживается диеты: «одно упитанное дитя в день».)

При встрече с леопардом обитатель какого-либо племени банту обычно визжит, разворачивается и убегает, иногда держа курс к ближайшему дереву. Подобные действия крайне опасны при встрече с любым животным, ну, а если имеешь дело с необыкновенно умным представителем кошачьего рода, это еще и абсолютно бессмысленно. Ведь этот зверь замечает любое проявление слабости, обладает врожденным инстинктом ки-

даться на все, что движется, и запрыгивает на деревья гораздо быстрее и ловчее, чем человек.

Принимая во внимание подобное поведение, диаметрально противоположное тактике дерзких пигмеев, тот факт, что взрослые мужчины время от времени подвергаются нападению леопарда, не вызывает очень уж сильного удивления; поразительно то, что Чуи нападает так редко.

И вот однажды при встрече с леопардом ужас охватил целую шеренгу носильщиков племени бананде, в результате чего мне пришлось пережить близкую встречу с леопардом, какой у меня не бывало ни с одним диким африканским животным. Это случилось вскоре после моего приезда к пигмеям в январе 1957 года в местности Уатаминга между рекой Семмеки и северо-западными оконечностями горного массива Рувензори — знаменитых «Лунных гор». Мой караван из шестнадцати человек пробирался по узкой тропе сквозь густой буш к деревне Мурагета. Наш капита, предводитель отряда, шел первым, расчищая мачете путь среди пышной листвы, а я замыкал отряд. Спокойная, даже банальная ситуация для сафари, которая внезапно превратилась в истерический хаос.

Второй от начала колонны носильщик заметил на ветке дерева огромного леопарда. Чуи отлично спрятался, но, по обыкновению, свесил вниз хвост. Носильщик, разумеется, завопил, бросил свой груз, развернулся и попытался дать деру. Остальные вместе с капитой мгновенно исчезли с тропинки: то ли попрятались по кустам, то ли забрались на деревья. А леопард бросился на второго носильщика и опрокинул его на живот. К тому времени, как я успел до них добежать, огромная кошка разодрала человеку плечи и ноги, но до шеи добраться пока не успела.

И хотя я был без оружия да еще и однорукий, я не мог стоять, спокойно наблюдая, как гибнет человек. Поэтому, что кому-то, вероятно, покажется идиотизмом, я



сделал единственное, что мог: набросился на леопарда, в его же манере, а именно сзади. Когда я оказался у него на спине, он попытался развернуться, и мы с ним покатались по земле. Окровавленный носильщик отполз в заросли.

Воспользовавшись изумлением леопарда, я обхватил его и вывернул ему плечи таким образом, что верхние концы его плечевых костей впились ему в шею. Обрубок моей правой руки был достаточно длинным, чтобы дернуть леопарда за правую переднюю лапу, что я и сделал, помогая себе левой рукой. Одновременно я уперся в его задние лапы ногами, пытаясь с силой раздвинуть их в стороны.

Леопард корчился и извивался, хрипел и задыхался. Словно тот человек, который ездил верхом на тигре, я продолжал цепляться за него, а он все катался и катался по тропе и по кустам вместе со мной. И хотя я превосходил его весом в два раза, он таскал на себе мои 250 фунтов так, словно я был обыкновенной игрушкой.

«Кису! Кису! — закричал я носильщикам. — Нож! Нож!»

Но страх перед леопардом был настолько велик, что ни один из перепуганных носильщиков не сдвинулся с места и даже не попытался бросить мне нож. Мало того, целых двадцать кошмарных минут никто из них не шел мне на помощь, в то время как я, фигурально выражаясь, дрался как лев. И когда я уже начал сдавать, капитан малость осмелел и, выйдя из кустов, кинул огромный, длинный нож с лезвием.

Он упал в двадцати футах от меня.

Мне удалось подтащить леопарда поближе к ножу. Тут я отпустил его левую переднюю лапу, засунул ее прямо под него, а сам навалился сверху всем своим весом. В результате я сумел схватить нож левой рукой, при этом правой, изувеченной, продолжал удерживать зверя. Стиснув в руке неудобный нож, я ухитрился возобно-

вить свою хватку. И теперь, кувыркаясь вместе с леопардом, пытался вонзить нож ему в сердце.

Нож чуть не выскользнул у меня из руки. Огромный кот дернулся, и мне с большим трудом удалось удержать его. Я опять взмахнул ножом, но леопард снова попытался вырваться на свободу, и, промахнувшись, я ткнул ножом в грудь себе — холодный металл скользнул по ребрам. Рванувшись в сторону, я вонзил нож ему в сердце. Длинное лезвие вошло в тело Чуи почти по рукоятку, но он продолжал бороться еще три-четыре минуты, пока не умер.

Я лежал на земле совершенно без сил. Леопарду не удалось ни укусить меня, ни поцарапать, но мои руки и ноги были полностью покрыты красными изломанными линиями, будто паутиной. Это были царапины от колючих кустов.

Другие, более известные, поединки леопарда с человеком обычно кончались серьезными травмами или гибелью человека. Такой была схватка Карла Экли, известного американского зоолога и приверженца охраны природы, с восьмифунтовой самкой леопарда. Экли опрометчиво дважды выстрелил в нее из ружья и попал ей в ногу и в шею, и тогда она набросилась на него. Когтями она попыталась вцепиться ему в яремную вену, но ей помешала раненая лапа (как успел заметить Экли), и кошка, промахнувшись, вцепилась зубами ему в предплечье. Он стал ее душить, она же продолжала его жевать, и тогда он запихал ей руку в глотку так, что та была не в состоянии закрыть пасть, после чего ему удалось коленями сломать ей пару ребер, а затем он прикончил ее ножом.

Леопард, с которым я столкнулся лицом к морде, дав ему преимущество в одну целую лапу, был здоровым самцом весом в 120 фунтов, в самом расцвете сил и лет. На его теле я не нашел никаких шрамов от пуль, он, по всей видимости, здорово проголодался, раз решился, несмотря на свою разборчивость в пище, напасть на перепуганного носильщика.

Если бы ему удалось вырваться, эта история имела бы более живописный конец. Он растерзал бы меня за считанные минуты, а потом уволок труп, весом в 250 фунтов, в чашу, вырвал бы из него кишки и закопал их. Начав обглаживать труп с лица, он бы, наверное, насыщался как гурман, — не то что лев, который начинает есть с нижних частей тела. Расправившись с носом, языком, ушами, сердцем, печенью и легкими, при этом проглотив немалое количество кожи и плоти, леопард поместил бы останки в развилине дерева. Принимая во внимание мой вес, ему бы пришлось повозиться, но, как известно, леопарды могут затаскивать на дерево добычу, весом в три раза превышающую его собственный, например, жирафенка, весящего больше 300 фунтов. Затем каждую ночь он бы наносил визит в свою воздушную кладовую, чтобы посмаковать мясо, которое, разлагаясь все сильнее, становилось бы более острым и нежным на вкус. Леопарды и львы обожают разлагающуюся мертвечину и пожирают ее столь же охотно, что и гиена, славящаяся своей дурной репутацией, стервятник или крокодил. И как только предоставляется удобный случай, леопард утаскивает свою добычу подальше от гиен. Из всех крупных африканских кошачьих один гепард терпеть не может мертвечину и редко возвращается к убитой им добыче.

Предубеждение по отношению к гиенам и к другим животным, питающимся падалью, основывается главным образом на их пристрастии к мертвечине и на их предполагаемой «трусости», что абсолютно нелогично. Ведь мы же не осуждаем «лучшего друга человека» — собаку, питающуюся мертвечиной. Не наказываем цыпленка, который клюет дохлятину. Не изгоняем вон из страны птицу — гордость Америки — белоголового орлана, который обожает падаль не меньше свежего мяса. И мы также не предаем анафеме кое-какие этнические группы, например эскимосов, предпочитающих мясо позеленевшее, или каннибалов балега в Конго, которые

выдерживают человеческое мясо под водой, как крокодилы. И уж если оставаться честными до конца, мы с таким же успехом можем осудить и самих себя за то, что поедаем замороженные бифштексы и вонючие сыры, вместо того чтобы впиться зубами в еще трепещущую, только что убитую добычу.

Но вот что еще интересно: стервятники, которые слетаются на падаль уже через несколько минут, редко прикасаются к добыче Чуи, даже если сам Чуи крепко спит в пещере или в зарослях, за полумили от кладовой. Стервятники парят очень высоко, полагаясь исключительно на свое великолепное зрение, позволяющее им обнаружить в саванне умирающих или уже мертвых животных. Возможно, за сплошной листвой им трудно заметить добычу. Подобное объяснение не является таким уж удовлетворительным, хотя оно более походит на правду, чем те идиотские теории, которые я слышал от охотников. Некоторые из них даже утверждают, будто Чуи «заключил сделку» с орлом-скоморохом. Орел якобы целый день охраняет кладовую леопарда от стервятников, а за свою службу ежедневно получает пару фунтов мяса.

Хохлатый, ярко оперенный орел-скоморох обязательно урвет кусок от добычи леопарда, но едва ли по условиям «сделки». Орел-скоморох летает не очень высоко над землей, и потому ему легче обнаружить труп на дереве. Отыскав добычу леопарда, он несколько часов кряду подлетает к ней и отщипывает по кусочку. Размером он меньше стервятников — примерно двадцать футов в длину, и его потребности гораздо скромнее.

Что же касается Чуи, то, как мне представляется, он не станет вступать ни в какую сделку с птицей, разве только в смертельную. Леопард не вступает в сделку ни с кем, не имеет дела даже с другим животным. Помимо прочего, такая «сделка» предполагает, что обе стороны обладают абстрактным мышлением, да и другими чело-

веческими свойствами, которые на самом деле напрочь отсутствуют и у животного, и у птицы.

Конголезцы тоже сочиняют подобные выдумки и басни о взаимоотношениях животных самых различных видов. Некоторые из сказок, на удивление убедительные, основаны на симбиотических или социальных отношениях; другие, наподобие охотничьего фольклора, описывают поведение, более свойственное человеку, чем животному. Легенды подобного рода являются отображением жизни местного населения: звери-персонажи живут в роскошно меблированных хижинах, возделывают поля и вырубают леса, а также занимаются коммерческой деятельностью — ящерицы занимают деньги у леопардов, антилопы подают на крокодилов в суд, а черепахи пишут письма-протесты в Бельгийский районный комиссариат. То есть идет непрекращающийся спор между европейцами и вождями племен, бесконечный поток дискуссий, соглашений, разногласий, вражды и настоящих судов.

В большинстве этих сказок Чуи выступает в суде в качестве ответчика. Часто он обвиняется в похищении собак; в реальной жизни леопарды именно по этой причине нередко попадают в беду — они обожают собачье мясо. Ради крохотного кусочка собачатины, например пекинеса, Чуи, крайне осмотрительное животное, готов пойти на любой риск. Некоторые леопарды не только подходят близко к деревне, но и забираются в хижины; есть и такие, которые даже осмеливаются залезать в сады белых плантаторов и в их дома, а ведь обычно они предпочитают не вторгаться на незнакомую территорию.

Местные сказители считают, что между Чуи и собакой существует стародавняя вражда. По версии, которую я слышал в восточной части Итури, однажды леопард посадил арахис, а некая ящерица его съела. Дабы избежать ответственности, ящерица сказала леопарду, будто она видела, как в поле рылась собака. И разъярен-

ный Чуи бросился в лес на поиски вора. «И по сей день, — услышал я, — он все еще ищет ту самую собаку».

Эти поиски привели к появлению наибольшего количества человеческих жертв. Бесстрашно охотясь на собак, а порой похищая коз, Чуи стал близко сталкиваться с людьми, безоружными, не готовыми к встрече и предрасположенными к панике. Видя слабость человека, стареющий леопард, которому трудно поймать добычу поумнее, готов поедать любое мясо и может превратиться в хронического людоеда.

Если он на это пойдет, то, опираясь на фантастическую хитрость, изобретательность, проворство и силу, Чуи уничтожит огромное количество людей. К тому же его гораздо труднее выследить и убить, чем льва или тигра-людоедов.

В Центральной Африке, где очень трудно вести точную статистику, отдельные леопарды убивали двадцать—тридцать человек в одной деревне, главным образом детей. В Индии, по более подробным отчетам, леопарды из Бхагалпура за три года, с 1959 по 1962 год, уничтожили примерно 350 человек, хотя представители властей, отчаявшись, швыряли бомбы со слезоточивым газом и динамит куда только можно.

Но кошмар в Бхагалпуре все же не сравнится с тем ужасом, который породил один-единственный леопард, вероятно, самый знаменитый и самый страшный зверь за всю человеческую историю. Полковник в отставке Джим Корбетт охотился за ним два года и убил 2 мая 1926 года.

Леопард из Рудрапраяга, оставлявший свойственные только ему одному следы лап, бродил по окрестностям Кашмирского района северной Индии, площадью в пятьсот квадратных метров. Он убил примерно 125 человек, чьи тела утаскивал порой на расстояние четырех миль. Четыре тысячи человек в округе держали оружие официально; еще три тысячи взяли специальные лицензии на его отстрел, чтобы получить огромную денеж-

ную награду, объявленную правительством. Его пытались выследить военные отряды Гарвала; представители властей подсыпали яд на его жертвы, которые сумели найти; жители деревень ставили на него специальные ловушки с захлопывающейся дверцей; а опытные европейские охотники гонялись за ним, вооружившись самым лучшим современным оружием. Но леопард из Рудрапраяга не попадался никому и бесчинствовал *восемь лет*.

Полковник Корбетт убил его, выстрелив из махана — охотничьей засидки. Самый ловкий из всех кошачьих прошлого и настоящего убийца и царь-тиран оказался очень большим и старым. Зубы у него были желтыми и стертыми, язык и пасть черными — вероятно, от яда, который людоед проглотил без всякого для себя вреда, на левой задней лапе был шрам от пули.

Вот что рассказал полковник Корбетт в своей, ставшей классикой, книге «Леопард из Рудрапраяга»:

«Здесь лежал только старый леопард, отличавшийся от других животных этого же племени тем, что его морда была седой, а губы не имели усов. Самое ненавистное животное во всей Индии, которого боялись больше, чем кого-либо другого, чье единственное преступление не против закона природы, но против закона человека заключалось в том, что он пролил человеческую кровь, однако не с целью терроризировать человека, но только для того, чтобы самому существовать...»<sup>1</sup>

Приведенные слова могут показаться ироничными, так как появились человеческие существа, которые для того, чтобы терроризировать человека и убивать его, стали сами взывать к имени и духу леопарда. Я имею в виду знаменитые в Африке тайные общества «Аниото» людей-леопардов, которые и по сию пору существуют в Конго. Прежнее колониальное правительство почти

---

<sup>1</sup> *Корбетт Джим.* Леопард из Рудрапраяга. Перевод с английского С. С. Серпинского. М., Армада-пресс, 1999.

полностью расправилось с ними, но после того, как Конго получило независимость, в племенах леса Итури «Аниото» возродились вновь.

Самый страшный всплеск деятельности «Аниото» пришелся на 1934 год в восточной части Итури, к западу от озера Эдвард. Промышляли они в окрестностях крохотного городка Бени, где я провел первые шесть лет своей жизни, а позже работал вместе с племенами народностей бананде и пигмеев бамбути.

В этих местах люди-леопарды за три месяца лишили жизни сорок два человека, переплюнув тем самым леопарда из Рудрапраяга, который за год убивал в среднем шестнадцать человек. Поскольку они убивали как леопард, трудно было определить, кто на самом деле является убийцей: зверь или человек.

О том, как они это делали, я рассказал в «Китабу о Конго»:

«Аниото» облачаются в черный короткий плащ с капюшоном, испещренный пятнами, наподобие леопардовой шкуры. Сзади они привязывают к ремню настоящий леопардовый хвост. К ремню же прикрепляют и важные для них аксессуары: маленький глиняный горшочек, вырезанную из дерева лапу леопарда и очень острый нож. Убийца дует в горшок, имитируя рык леопарда; оставляет при помощи лапы следы вокруг тела, а потом перерезает жертве сонную артерию. Напоследок аниото пускают в дело главный инструмент — железный браслет с четырьмя ножами. Когда кисть руки расправлена, лезвия прячутся за ладонью, но, как только пальцы сжимаются в кулак, ножи выступают между пальцами, образуя подобие когтей леопарда.

Аниото выходили на охоту в сумерках и ловили своих жертв на лесных тропах или на окраинах плантаций и деревень. Как и животное, которому они подражали, аниото редко нападали на сильного молодого мужчину, способного оказать сопротивление. Их добычей становились старики, дети и особенно женщины. Частень-



ко они убивали своих близких родственников, что являлось обязательным условием для вступления в ряды общества. Как и леопард, аниото нападали сзади, убивая жертву с неслыханной жестокостью. Но затем они обычно выдавали себя: они отрезали у женщин грудь.

Иногда отрезанная грудь доставлялась главе местных аниото как доказательство победы, а иногда грудь съедали. Ко всему прочему люди-леопарды вырывали у своей жертвы глаза, которые использовали для приготовления ритуального напитка — давы. Глаза варили в горшке на медленном огне вместе с ножами-когтями. Варено аниото выпивали, будучи уверенными, что это кошмарное месиво дарует умение видеть в темноте. А когда наступал рассвет, люди-леопарды, точь-в-точь как европейские оборотни, спокойно отправлялись по своим делам и вежливо, даже дружелюбно улыбались».

Примерно лет через двадцать после массовой резни в Бени я беседовал с несколькими африканцами племени бабали, осужденными за участие в новых убийствах, которые совершили люди-леопарды. Они очень досадовали на то, что их удалось поймать, и ни один из них не проявил ни малейшего признака утрызения совести. А человек, которого обвиняли в убийстве, расчленении и пожирании некоторых частей тела своей собственной сестры, сказал: «Ну раз считают, что ее сожрал леопард, значит, он и сожрал».

Мне кажется, что Чуи есть еще чему поучиться в деле людоедства.

У себя дома, во влажном буше, вдали от соблазна и разврата, Чуи добывает пищу более нормальным способом. Обитающие в лесах леопарды охотятся главным образом на обезьян, крыс, птиц и карликовых антилоп. Те же, которые живут в лесистой саванне, ловят наземную птицу, небольших обезьян, импал, детенышей больших антилоп, бородавочников, зебр и жирафов. Могут они подстеречь и бабуина, отбившегося от стаи, но на стаю бабуинов они нападать не рискнут, так как отлично

знают, что эти крепкие, умеющие действовать сообща приматы способны буквально разорвать леопарда на части.

Дабы подстеречь свою жертву, Чуи обычно устраивает засаду на ветке дерева над звериной тропой, но может подкрасться к намеченной добыче и прыгнуть на нее, словно маленький пятнистый лев. Убивает он свою жертву быстро и квалифицированно, не то что гепард, у которого и зубы и когти послабее. Гепард медленно душил свою жертву, а порой начинает ее есть еще живой. С обезьянами, птицами и камышовыми крысами леопард расправляется на месте, ну а тушами животных побольше украшает деревья.

Помимо того, как леопард охотится и питается, мы мало что знаем о нем. Чуи ведет скрытный образ жизни, и изучить его образ жизни в естественных условиях невозможно.

Очевидно, для спаривания у него не существует определенного времени года. Когда Чуи набредает на самку с течкой, он, вероятно, спаривается с ней быстро, грубо, но результативно. Как и другие представители кошачьего вида, крупные и малые, он рычит и держит ее за загривок. Но потом, в отличие от льва, которому присуща отеческая забота, леопард оставляет партнершу по краткому браку, и она становится заботливой матерью-одиночкой.

Судя по самкам, содержащимся в зоопарках, их беременность длится от 93 до 103 дней. Они производят на свет до трех детенышей и кормят до шести месяцев. Так как самке приходится охотиться и заботиться о них самой, только один детеныш становится упитанным и здоровым и, находясь под опекой матери от восемнадцати месяцев до двух лет, достигает зрелости. В Индии рождаются детеныши, отличающиеся меланизмом, то есть черные леопарды, или, как их порой называют, «черные пантеры». Но в Африке леопарды со сплошной черной окраской встречаются крайне редко, если вообще встречаются. Должен заметить, что для съемок «африканско-

го» фильма-эпопеи «Могамбо», с Кларком Гэйблом и Грэйс Келли в главных ролях, азиатский черный леопард был специально доставлен из Милана. Разумеется, было бы гораздо проще найти местного африканского леопарда с пятнами, но черные леопарды выглядят так таинственно и романтично...

Национальные легенды бывают очень полезными, но они не содержат верных сведений о сексуальной жизни леопарда. Я слышал несколько сказочек на эту тему, некоторые из них крайне непристойные. А еще мне довелось услышать абсолютно дикую чушь о том, что леопарды откладывают яйца.

Легенда, распространенная у народности аданде, проживающей на северо-востоке Конго, повествует о следующем. Мадам Чуи как-то раз, прогуливаясь по лесу, встретила с леди Питон. Как и подобает дамам, они остановились поболтать. Мадам Чуи, очень гордившаяся своими красавцами леопардятами, пожаловалась на свою усталость. Словоохотливая питониха самодовольно ответила, что, мол, ей-то хватает ума откладывать яйца и оставлять их на произвол судьбы. Позавидовав товарке, мадам Чуи тоже решила так поступить. И когда пришло время рожать, она отправилась к себе в пещеру, снесла огромную кучу яиц и удалилась. Через несколько месяцев она вернулась проверить, чем завершился сей великий эксперимент. Как же она была изумлена, когда обнаружила пещеру, полную голодных, чахлых леопардят. Едва детки увидели мамашу, они так испугались, что бросились из пещеры врассыпную. И в результате превратились в диких котов, виверр, генетт и сервалов.

Старик, поведавший мне эту байку, добавил в конце, причем совершенно серьезно, что леопарды до сих пор время от времени несут яйца, чтобы поддержать тем самым популяцию малых представителей кошачьего рода. А в Восточной Африке порой утверждают, что Чуи спаривается с гепардами; вероятно, из-за того, что он иногда терпит присутствие гепарда на своей территории.

А в Родезии глупейшим образом уже гепарда обвиняют в том, что он якобы вступает в половой контакт с пятнистой гиеной. (Правда, заявлений со стороны местного населения о том, что леопард, живущий на свободе, спаривается со львом, я не слышал. Хотя некоторые знатоки живой природы утверждают и такое.)

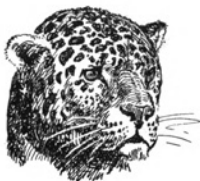
Подобная интеграция в природных условиях не имеет места, а вот в зоопарках может произойти все что угодно. Там ламы спариваются с козами, лоси — с представителями крупного рогатого скота, а самцы дельфинов от одиночества вступают в контакт с самками черепах. Изолированные от представителей собственного вида, одинокие животные идут на все, чтобы удовлетворить свои естественные физические потребности. В зоопарках проводятся и специальные спаривания. Там ученые, с целью составить пару, постепенно и тактично знакомят одинаковых самку и самца, принадлежащих к разным видам. Помещенные вместе в клетку, животные рано или поздно вступают в половой контакт.

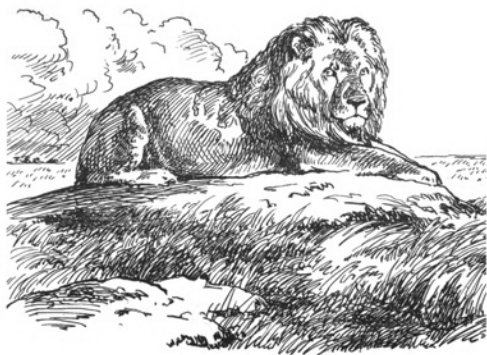
Среди больших представителей кошачьего племени чаще всего на свет появляются «лигеры» и «тигоны» (соответственно от скрещивания льва с тигрицей и тигра с львицей). И хотя их, как мулов и других гибридов животных, считают абсолютно стерильными, они тем не менее производят потомство. Самку лигера в Мюнхенском зоопарке спарили со львом, в результате родился детеныш, которого, наверно, назвали «лигероном».

Возможно, именно теория африканцев обо «всех, кто в пятнах», послужила причиной того, что стали скрещивать в огромном количестве и леопардов. Около шестнадцати лет тому назад в Гамбургском зоопарке имени Карла Гагенбека самка леопарда спарилась с инициативным самцом пумы — на свет появились «пумпарды». В Америке, да и в других странах, примерно в одно и то же время, от союза леопардихи и ягуара родилась девочка «ягулеп». Выйдя замуж за льва, она разрешилась помесью, которая, по-моему, называется «леягулеп».

А в Японии, в Ханшинском зоопарке в 1959 и 1961 годах леопард и львица подарили миру двух малышей «леопонов».

И должен признаться, что, побывав недавно в Японии, я обнаружил, что леопоны — очень красивые животные. Реокичи, мальчик, сейчас выглядит как толстый леопард с бледными пятнами и с косматым нагрудником взамен львиной гривы. Вполне возможно, что наступит день, и он сумеет доказать, что на титул Царя Зверей имеет право претендовать лишь один кандидат.





## СИМБА

### *Джентльмен-лодырь*

Представители племен-воинов Восточной Африки утверждают, что лев не рычит, а произносит на языке суахили: «Нчи, я нани? Янгу, янгу, ЯНГУ» — «Так чья это земля? Моя, моя, МОЯ».

Это предположение — необычайно выразительное и поэтичное. Мне очень хочется поверить в него и также очень хочется провозгласить Симбу, одного из моих самых лучших друзей среди животных, Царем Зверей. Но те же самые африканцы, столь почитающие львиный рык, гоняют «царя» по всей саванне, выкрикивая вслед угрозы, будто он всего лишь лохматая рыжая гиена. Следует учесть еще и тот факт, что организованная охота на Симбу привела к полному его уничтожению в юго-восточной Европе, где лев водился очень-очень давно; к почти полному исчезновению в Индии, где прежде его можно было встретить повсюду и где до сих пор лев яв-

ляется национальной эмблемой; к полному вымиранию на Ближнем Востоке и в Северной Африке — последние берберийские львы были убиты в 1890 году; к полному истреблению в Южной Африке, где огромные капские львы погибли еще сто лет назад. В Восточной и Центральной Африке Симба еще удерживает свою цитадель, но и здесь лет через двадцать—тридцать он тоже может исчезнуть.

В отличие от Симбы, другим разновидностям львиного племени, возможно, и удастся выжить, например, индийскому льву, обитающему в резервате Гирских лесов, и львам, содержащимся в главных зоопарках мира. Но, даже если там Симба и сохранится, Африка может лишиться большого чуда и частицы самой себя. Ведь помимо царственного повелительного рыка, царевой гривы и привычной царской репутации, Симба обладает кое-чем еще — характером истинного джентльмена.

«Джентльмен» — это вежливая, с открытым характером личность, которая никогда не станет обижать других преднамеренно. Данному определению Симба соответствует идеально, как, впрочем, и всякий другой хищник (за исключением человека). Как пишет Карл Экли: «Лев — джентльмен всегда. Если его не трогать, он не тронет и вас». Но существует и иное мнение о джентльмене: это тот, кто беззаботно купается в своем величии, проявляет огромное чувство собственного достоинства, обладает внешностью щеголя, но при этом прилагает все усилия, чтобы ничего не делать. И вот под это определение Симба подходит более всех животных на земле; добивается он такого на редкость ленивого образа жизни с помощью классического способа, присущего его разумным соседям по Африке: у него есть жена, а то и несколько, которые и удовольствие ему доставляют, и работают за него.

Терпеливая, трудолюбивая африканская жена и детей нянчит, и поля возделывает, и маниоку толчет, и одежду стирает, и цыплят кормит. А муж тем временем

полеживает в тенечке, покуривает, вырезает скульптурки из дерева, занимается сплетнями или торговлей и болтает, болтает, болтает со своими друзьями, такими же джентльменами, как и он. И может быть, вы не поверите, но африканские женщины, обожающие своих детей и свои семейные обязанности, никогда не устраивают истерик и не страдают нервными заболеваниями, как это происходит с эмансипированными дамами Западного мира. На это у африканских женщин просто не хватает времени.

Да, если движение суфражисток когда-нибудь достигнет африканских племен, то тогда их мужчины узнают, по чем фунт лиха. Но до той поры африканским мужьям — и львам — можно только позавидовать.

Как только львята окрепнут не падая, львица-жена — Симба Джике, как ее называет местное население, — в окружении своих отпрысков выслеживает, ловит и убивает добычу, в то время как ее царственный супруг, Симба Думе, с одобрением наблюдает за ее действиями. Если жена или жены загоняют огромную и опасную добычу, например южноафриканского буйвола, то он может и помочь иногда. И в том, и в другом случае, как только животное убито, лев немедленно расталкивает все семейство, чтобы получить свою «львиную долю».

Эти основные принципы львиного этикета прелестно описала Джой Адамсон в своей книге «Рожденная свободной». Чтобы вернуть воспитанной ею львице свободу, требовалось познакомить ее с какой-нибудь львиной компанией и их укладом жизни. Для этого надо было найти Эльсе предполагаемого кандидата в женихи и поразить будущего мужа ее талантами домашней хозяйки. Поэтому миссис Адамсон собственноручно приволокла красавцам холостякам труп зебры в качестве подарка, но затем ей пришлось утешать свою сбитуую с толку любимицу, потому что поклонников интересовало мясо, а никак не невеста. Как сухо заметила Джой Адам-



сон: «А львы не обращали на нее никакого внимания, их занимало только мясо»<sup>1</sup>.

Мужские и женские особи других разновидностей кошачьих, которых примерно тридцать шесть, мало общаются до или после спаривания, некоторые из них живут потом вместе, но недолго. Самцы не проявляют отцовских инстинктов по отношению к своим детям-котяткам, а представители одного пола редко дружат друг с другом. Эти животные, начиная с американской пумы, крайне сообразительной и очень независимой, и кончая индийским тигром, зверем храбрым и самоуверенным, чаще всего гуляют сами по себе.

Симбе, на удивление, присущ дух коллективизма. Он единственный из семейства кошачьих живет в стае. В своей небольшой общине лев заключает длительные браки, ухитряясь иметь одновременно несколько жен, которые не враждуют между собой. В присутствии своих отпрысков он любит изображать доброго патриарха и поддерживает дружеские связи с другими взрослыми самцами.

Симба Джике во время охоты или обороны от охотников человеческого вида ведет себя более активно и агрессивно. К тому же она способна поддерживать платоническую дружбу с младшими самцами и нянчить, словно «тетушка», чужих львят-младенцев, пока их родная мать охотится. Частенько она даже выращивает львят.

Представители львиного коллектива, вне зависимости от пола, общаются друг с другом очень дружелюбно. Встретившись после краткой разлуки, во время которой львица охотилась, а бездельник-лев гулял, они трутся носами, лижут друг другу морды или ласково трутся щеками и телами. Самцы постарше ведут себя более сдержанно и пытаются сохранять суровое достоинство, но их хватает ненадолго, и они укладываются с другими львами. Львицы с львятами порой забираются на дерево,

---

<sup>1</sup> *Адамсон Джой. Рожденная свободной. Перевод с английского Л. Л. Жданова. М., 1995.*

цепляясь лапами за ветки, относясь с полным безразличием к распространенному убеждению, что львы по деревьям не лазают. Гораздо чаще вся группа дремлет под тенистой кассией или мимозой. Спать они любят лежа на спине и раскинув лапы. Такая груда кошек с задранными лапами, которую следовало бы называть «кланом» или «компанией», называется «прайдом» («гордость»), что, на мой взгляд, звучит иронично.

Прайд не является постоянным или замкнутым сообществом. В поисках добычи члены прайда могут бродить вместе по ограниченной территории, площадью двадцать пять—пятьдесят квадратных миль, а могут охотиться и поодиночке. Львица с детенышами или супружеская пара с детенышами образуют крошечный «семейный» прайд. Зрелого самца, сильного и опытного — главу или пашу, — его жен и детей различного возраста часто сопровождают благовоспитанные холостяки. Такой прайд я называю «гаремом». Две и более львицы-подруги могут вместе с львятами объединиться в «дамский» прайд. А молодые львы порой собираются в прайд «холостяков», приглашая временами к себе в советники самца постарше, который потерял свою власть и львицу-добытчицу.

При встрече одного прайда с другим может произойти стычка, но только в том случае, когда чужак нарушает границы. Его встречают свирепым рыком «Янгу, янгу, янгу» и почти полным бездействием. Кто-нибудь из местных может сделать вид, что хочет броситься на чужака, и редко, очень редко, действительно подерется с ним. Обычно чужак рычит в ответ — просто для того, чтобы отвернуть морду, — и удаляется, стараясь сохранять достоинство. Ежели оба прайда находятся на нейтральной территории, то чужака принимают любезно. Мало того, обе группы могут перемешаться, провести какое-то время вместе, а затем разойтись в несколько измененном составе. Вероятно, благодаря совещанию лидеров двух прайдов в долине Серенгети

попадают стаи львов, насчитывающие до тридцати—сорока животных, где два, а то и три гарема мирно сосуществуют под правлением своих уважаемых руководителей.

Состав прайда может время от времени меняться, так как львята взрослеют и покидают родителей, чтобы создать свою собственную семью. Уходят, объединившись, и холостяки. Бросить гарем может и недовольная леди, забрав с собой своих львят. Подобная смена состава, правда, происходит главным образом во время периода течки.

Вообще каждый лев обладает только присущим ему характером. Это могут быть личности выдающегося ума или посредственности, попадают и вовсе слабоумные, они могут быть раздражительными или спокойными, игривыми или занудными, безрассудными или осторожными, легко поддающимися обучению или упрямыми, на удивление надежными или мстительными. Но, вне зависимости от свойств характера, поведение льва постоянно меняется, оно зависит и от настроения, и от капризов, и от времени дня, и от состояния погоды, и от времени года.

Так же, как и человек, каждый лев обладает ярко выраженными, индивидуальными чертами лица, по которым его, как и человека, всегда можно отличить от других. Любят они тоже по-разному. Особенно львицы.

Порой Симба Джике проявляет полное безразличие к своим инстинктам и оказывает враждебный прием любому заигрыванию со стороны самца и отгоняет прочь и мужа, и незадачливых поклонников. А временами она соглашается мгновенно. Иногда она превращается в хитрую и дерзкую искусительницу — катается на спине и дразнит, даже мучает всякого мало-мальски пригодного льва. А попадают такие, которые ради самцов бросают своих новорожденных малышей. В Кении в национальном парке Найроби была львица, которая совершала подобного рода «подвиг» каждый год. Ее прозвали Шлюхой Найроби.

Когда Симба Думе подходит к скучающей или враждебно настроенной львице, бывает, он встречает любезное приглашение, а бывает, и отпор. Понаблюдав с якобы каменным равнодушием за тем, как она его дразнит, он может повелительным жестом коснуться ее лапой. Ежели она с презрением отойдет в сторону или даст ему по морде, он подождет подольше, прежде чем возобновит свои ухаживания. Правда, чаще лев тащится за ней с выражением идиотского восторга на лице и с вывалившимся наружу языком и время от времени касается ее лапой. Если львица решает покориться, то ложится на живот, а он карабкается сверху, как и всякий кот, и вцепляется ей в загривок на все время полового акта, который длится пять—десять секунд. После спаривания она в экстазе катается по земле, а лев, пытаясь изобразить бесстрастность, долго пялится на висящее в небе облако, на кассию или на торчащего вдали бабуина. Бывает, что минут через двадцать вся процедура повторяется.

Если Симба Джике кокетничает с холостяком, как это часто и происходит, лежащий на траве ее супруг следит за ухаживанием и спариванием с полным спокойствием, будто эскимос, одалживающий гостю свою жену. Львица может любить и двух, и трех холостяков — ему все равно. Но бывает и по-другому: обманутый муж приходит в ярость и бросает вызов каждому, кто к ней приблизится. Если преисполненный амбиций холостяк считает, что у него есть шанс, он отвечает на вызов противника.

Львы рычат, царапаются и колошматят друг друга лапами — удар такой лапы может убить быка или лишить головы человека, но серьезных увечий они друг другу не наносят. Когда один из них начинает уставать или чувствует, что проигрывает, то отступает, чтобы дать передышку. Если же противник продолжает наступать, он имеет право официально сдаться — перевернуться на спину и принять позу «львиной покорности». Мы в таких случа-

ях кричим «Сдаюсь!», а самцы млекопитающих выражают покорность на языке жестов. Капитуляция принимается, и проигравший спасается бегством по саванне, никем не преследуемый.

Если поражение терпит предводитель и он еще молод, он может найти себе прибежище в другом прайде и даже снова жениться. Но, хотя львы и доживают порой до двадцати лет, — а в неволе они живут и дольше, — в десятилетнем возрасте они уже утратили и скорость, и опыт, и ловкость, ведь всем необходимым их снабжали львицы. Свергнутый владыка уже не в состоянии охотиться сам и поэтому попадает в затруднительное положение. Добычей его становятся греющиеся на солнышке крокодилы, лягушки, мыши, термиты, скорпионы и саранча. Ослабевший и истощенный, одинокий и беззащитный, дряхлый лев становится жертвой гиен. Они окружают его кольцом и терпеливо ждут; едва он покачнется, они набрасываются на бывшего властелина и пожирают его заживо.

Наперекор общепринятому мнению, несчастные, дряхлые львы почти никогда не превращаются в закоренелых людоедов, как это происходит со старыми или изувеченными леопардами и тиграми. Львы-людоеды попадают очень редко. И обычно это крепкие, сильные, молодые и одинокие животные и, похоже, сошедшие с ума. Такими были знаменитые людоеды из Цаво, два безгривых самца, которые терроризировали Южную Кению в 1898 году и остановили возведение железной дороги от Момбасы до Уганды. Прежде чем их подстрелил полковник Дж. Х. Паттерсон, эта злополучная парочка убила двадцать восемь индийских кули и около тридцати местных африканцев, причем большую часть людей они сожрали. Но и после смерти этих убийц людоедство продолжалось. Это промышлял третий лев — хоть он и погубил человеческих жизней чуть меньше, чем леопард из Рудрапраяга, тем не менее заслужил звание самого отчаянного и свирепого людоеда.

В своем легендарном отчете «Людоеды из Цаво» полковник Паттерсон сообщает:

«В округе крошечной станции Кимы рыскал лев-людоед, в котором вдруг проснулось пристрастие к плоти работников железной дороги. Этому необыкновенно страшному злодею было безразлично, кого он ест: начальника станции, сигнальщика или стрелочника. Однажды ночью, пытаясь добыть пропитание, он забрался на крышу станционного здания и принялся отдирать от нее полосы рифленого железа. Перепуганный бабу, прятавшийся рядом с телеграфным устройством внутри здания, послал телеграмму начальнику путей сообщения: «Лев нападает на станцию. Срочно пришлите помощь». К счастью, в битве за станцию льву не повезло, но он так стремился пробраться внутрь, что основательно поранил лапы и оставил на крыше кровавые следы».

В последующие ночные вылазки этот людоед-фанатик уволок рабочего-африканца и несколько других жертв. Тогда один машинист просверлил дырку в железной цистерне для воды и залез внутрь, чтобы ночью подстрелить льва, если тот появится. Эта глупая выходка чуть не стоила машинисту жизни: лев обнаружил засаду, опрокинул тяжелую цистерну и попытался выудить новоявленного снайпера через узкое круглое отверстие сверху. Из своего неудобного положения машинист выстрелил, но промахнулся, правда, людоеда прогнал.

Через некоторое время лев возобновил охоту. В июне 1900 года он сумел избежать еще одной засады, которую устроил ему начальник железнодорожной полиции, мистер Рауэлл со своими белыми друзьями. Втроем они спрятались в инспекционном вагоне, который специально перегнали на запасной путь близ станции. Решив, что Немезида тамошних мест не появится, начальник полиции предложил своим друзьям вздремнуть, пока он будет стоять на страже. И в тот момент, когда самого Рауэлла сморил сон, лев на них и набросился. Оказалось, что он давно за ними следил. Об этом простодушно рас-

сказали оставшиеся в живых: они видели «двух очень ярких немигающих светлячков», то есть глаза людоеда.

Забравшись по высоким ступенькам в вагон, лев отодвинул лапой незапертую дверь и прыгнул на трех спящих мужчин. Схватив злополучного Рауэлла, он стал терзать несчастного, его спутники в панике выскочили через дверь, даже не попытавшись прийти своему другу на помощь. На дверь тут же навалилась толпа вопящих от ужаса кули, но людоед с Рауэллом в зубах выпрыгнул сквозь закрытое окно, пробив стекло и выбив деревянную раму. Он утащил бедолагу на расстояние в четверть мили. На следующее утро частично обглоданный труп был обнаружен в чаще.

Но вскоре последовало возмездие, и лев-людоед из Кимы был пойман, «выставлен напоказ на несколько дней» и должным образом казнен. Карьера его продолжалась недолго — всего несколько месяцев, но она могла бы быть и менее продолжительной, если бы за этого беспечного и глупого льва взяли профессиональные охотники.

Леопард из Рудрапраяга, который ухитрился обводить вокруг лапы своих преследователей восемь лет, испытал бы шок, увидев, как какой-нибудь самец семейства кошачьих выставляет себя на посмешище. Как можно нападать на группу вооруженных европейцев или с грохотом колотить по железной крыше! Но леопард был все-таки леопардом, к тому же в абсолютно здравом уме. Несчастный же психопат, терроризировавший Киму, обладал свирепостью и отвагой, присущими явно душевнобольным животным, а не обыкновенным зверям-людоедам.

Испытывая страшный голод и не имея пищи получше, любой нормальный лев может порой напасть на человека, но потом он опять вернется к привычной диете. Изголодавшиеся гомо сапиенс, даже «цивилизованные», делали то же самое, особенно во время Второй мировой войны. Но периодически вспыхивающее среди львов

людоедство в каком-либо регионе, где полным-полно иной добычи, — на самом деле патология, которой почти нет объяснения.

Существует распространенное мнение, что львы-людоеды, как и другие кошачьи, обладающие здоровым рассудком, обретают «вкус к человечине», попробовав разлагающиеся, незахороненные тела. Такое объяснение звучит нелепо, особенно когда речь идет об индийских леопардах и тиграх. Несмотря на то, что огромное количество представителей кошачьего племени на этом субконтиненте обладает широкими возможностями пообедать трупами во времена эпидемий чумы или голода, привычку к людоедству приобретают лишь те животные, которые имеют умственные или физические недостатки и не в состоянии добыть еду повкуснее. Ну, а в Африке, где многие племена не хоронили своих мертвецов даже в лучшие времена, подобное объяснение вообще никуда не годится. Леопарды и львы веками питаются африканскими трупами, отгоняя традиционных гробовщиков — гиен. Тем не менее совершенно очевидно, что леопардам гораздо больше по вкусу собачатина, а не человечина. Что же касается львов, то, если бы вкус человеческой плоти побудил нормальных львов превратиться в отчаянных людоедов, Симбу давным-давно бы истребили по всему континенту, причем задолго до появления современного оружия.

Разумное предположение было выдвинуто Айвенгом Сандерсоном. Он рассматривал склонность к людоедству у львов как «необъяснимую заразную тягу к совершению преступления, которая возникает временами у целых львиных популяций и главным образом у молодых одиночек».

У меня есть свое объяснение этой странной тяги львов к совершению преступления. Попробуем сравнить испорченный вкус животного, проявляющийся в страсти к человеческому мясу и прямо-таки в фантастическом стремлении добыть именно его, со склонно-



стью человека к наркотикам, которая впоследствии приводит его к совершению преступления. Вероятно, в человеческом мясе существует какой-то химический элемент, который отравляюще воздействует на львов и от которого они попадают в зависимость (некоторые каннибалы племен в Конго утверждают, что от человеческого мяса они «пьянеют»). Так и люди испытывают все возрастающую физиологическую потребность в героине или морфине. У определенных животных появляется необходимость в отравлении организма, и они становятся извращенцами в еде, которая не по нраву и даже вызывает отвращение у нормальных представителей их вида.

В нашем обществе от наркотиков зависит меньшая часть населения — обычно психически неуравновешенные взрослые и беспомощные юнцы из неблагополучных или неполных семей. Другие, более ответственные члены нашего общества могут порой принимать наркотики, например, во время тяжелой болезни или же просто чтобы попробовать, но при этом они обладают достаточной силой воли и разумом, чтобы отказаться от этой дурной привычки. Те, кто испытывает страшную боль во время хронической болезни и принимает наркотики в огромном количестве и долгое время, разумеется, становятся наркозависимыми, но, помимо этих несчастных, те, кто привык к наркотикам, заменяют ими эмоциональное и социальное восприятие мира.

Могут ли подобные или схожие факторы влиять на возникновение тяги к людоедству в львиных обществах?

Внезапное проявление порочных наклонностей Симбы, обитающего в естественных условиях, о чем свидетельствуют эпизоды на железной дороге, в состоянии повлиять на привычное поведение и развитие льва, в то время как безответственная охота людей на прайды львов, ведущих нормальный образ жизни, может сильно повлиять на душевное и умственное состояние членов львиной семьи — особенно после гибели львиц. Взрос-

лые львы и, что происходит реже, львицы сперва совершают единичные преступления, а затем привыкают к своим новым испорченным вкусам. Ну, а молодые львы, в точности как и наши малолетние правонарушители, легче, чем стойкие взрослые, поддаются искушению.

Но эта моя довольно недоразвитая теория представляется несостоятельной, когда речь заходит о другом типе необычного львиного поведения, встречающегося в так называемой ненарушенной естественной среде, то есть в резерватах диких животных — главным образом в Национальном парке Крюгера, — где львы иногда предпочитают убивать и пожирать друг друга, а не человека. Возможно, в этом случае следует принимать во внимание социальные факторы, такие как, например, перенаселение в пределах искусственных границ. То есть львы предпринимают столь жестокие меры, чтобы регулировать численность прайда.

Каким бы ни было объяснение, факт — и парадокс — состоит в том, что такое высокоорганизованное животное, каким является Симба, способен выступить против своего общества или пойти страшной войной против чужого общества, которое он обычно уважает. Вероятно, когда мы научимся понимать самих себя, мы научимся понимать и Симбу.

Результат обычного поединка между самцами, в котором один погибает, почти не имеет значения для оплота львиного общества — дам гарема. Забеременевшая Симба Джике продолжает работать на своего постоянного или нового джентльмена до последних недель беременности, которая длится от 105 до 110 дней. Когда охотиться становится тяжело, она прекращает это делать. И ее, как и старых самок, содержит прайд, выделяя ей кусок добычи. В последние дни беременности львица покидает прайд и находит подходящую пещеру или убежище между камнями или в густых зарослях, находящихся как можно ближе к воде. В этот период она стара-

ется не покидать свое укрытие, так как во время родов на открытом пространстве на нее могут напасть гиены.

Если роды проходят удачно, спрятавшаяся львица обычно производит на свет трех-четырех малышей, хотя иногда у нее рождается только один львенок и очень редко пять-шесть. Так как львица имеет только четыре соска, слабые котята быстро погибают. Мужские и женские особи рождаются в равной пропорции, что поразительно. У людей чаще рождаются мальчики.

Львята появляются на свет длиной в фут и весом чуть больше фунта. Рождаются они с открытыми голубыми глазами, в отличие от домашних котят, которые прозревают через десять дней (хотя бывают случаи, когда львенок рождается с закрытыми глазами, которые открывает через день-два). Их шерсть покрыта атаксистическими пятнами, которые могут сохраняться три-четыре года; хвосты у них короткие и без кисточек; три недели они живут без зубов; лапы у них все время разъезжаются, и они очень смешно падают то на спину, то на бок, то на живот. Ходить львята начинают на второй месяц.

Чтобы накормить своих беспомощных детенышей, Симба Джике должна давать им молоко, а чтобы оно не пропало, ей необходимо охотиться. Таким образом, матери приходится оставлять малышей в укрытии, где их могут найти и растерзать гиены — единственный естественный враг львов. Нападают гиены только на очень маленьких или совсем дряхлых (особенно смертельно раненных охотниками или имеющих старые пулевые ранения). Для последних такой конец может оказаться милосердием. Что же касается львят — и пусть это оскорбит любителей фильмов о животных, в которых никто никогда не обижает пухлого малыша, — это самый простой, хотя и несентиментальный способ контроля за балансом живого в природе. Малышей может спасти от гибели львиная «тетушка» — самка, не имеющая собственных детей, которая иногда приходит понянчить чужих

малышей, пока Симба Джике охотится. Как только львята окрепнут, то есть в возрасте от четырех до шести недель, их приводят в прайд. Но «тетушка» по-прежнему продолжает о них заботиться.

Находящиеся в прайде другие львицы и львята встречают новеньких с восторгом и радостью. Вожак стаи, даже если и не является их отцом, принимает малышей сдержанно, но относится к ним ласково и терпимо. Львята могут толкать его, даже вцепляться когтями в гриву — он все сносит и лишь в крайнем случае поднимается и уходит.

Первые месяцы львята питаются одним молоком и сосут как свою, так и чужую мать. Симба Джике принимает всех, только отталкивает или осторожно откидывает львят постарше, если они мешают подойти к молочному бару малышам. Когда львьятам исполняется три-четыре месяца, их постепенно отлучают от молока. Львица приносит им куски кровавого мяса, и, если они не проявляют к нему интерес, она отгрызает часть полупереваренного мяса для подкормки. Вскоре львята начинают есть мясо в любом виде, затем привыкают к нему и в возрасте пяти месяцев прекращают питаться молоком. Тогда же они достигают размера крупных собак и начинают учиться — Симба Джике берет их с собой на охоту.

Во время первых ночных вылазок (львица никогда не станет охотиться с малышами днем) она прячет их в высокой траве или в овраге, а сама выслеживает добычу. Случается, что они удирают, но обычно остаются там, где их оставили, особенно если их сопровождает львица-«тетушка». Некоторые зоологи подозревают в поведении «тетушки» скрытые мотивы: будто бы она на самом деле мегера, которая торчит близ львят в надежде ухватить кусок и себе. Она, без сомнения, получает мясо, но, принимая во внимание тот факт, что сиделки человеческого племени зарабатывают деньги за каждый

час работы, жестоко осуждать мотивы поведения сиделки львиного рода.

Когда львята становятся старше, сильнее и крепче, Симба Джике обучает их выслеживать и убивать добычу, что они и делают очень неуклюже и смешно. Тем временем мамаше приходится содержать еще и мужа. Иногда он помогает ей, но чаще, лежа на земле, лишь наблюдает за тем, как его жена или весь гарем ловит добычу. Потом он встает и отгоняет свое семейство от мяса. В дополнение к этой несправедливости, к нему присоединяется какой-нибудь холостяк, а львицу и голодных львят они отталкивают в сторону и даже бьют, если те сопротивляются.

Когда добычи мало, еды может всем и не достаться. Если же после львов что-то остается, следующей к трапезе приступает львица. К этому времени она уже *очень* голодная, и теперь уже сама мать награждает подзатыльниками чуть подросших львят, когда они пытаются прорваться к мясу раньше нее. И им приходится ждать своей очереди. Поэтому сытыми они бывают лишь в том случае, когда добыча большая. Если еды постоянно не хватает, львята начинают чахнуть и могут погибнуть от голода.

Подобный пример раздачи пищи полностью соответствует классической традиции людей-африканцев, причем самой ужасной. Население буша не имеет возможности получать мясо в достатке, поэтому первым в семье ест мужчина, и обыкновенно не считаясь с другими. Женщинам мясо достается редко. У детей, которые вовсе лишены мяса, может развиться куашиоркор, или недостаточность протеина, что приводит к их смерти или задержке умственного развития. Только пигмеи бамбути, ведущие примитивный образ жизни, кормят за столом всех, выдавая равные доли и женщинам, и детям, и старикам.

Если львятам все же удастся выжить, связь между ними и матерью постепенно ослабевает. И к двум годам

они становятся полностью независимыми. Самки часто остаются в прайде и, достигнув половой зрелости, что происходит в трех-четырёхлетнем возрасте, превращаются в официальных жен гарема. Самцы, обыкновенно покидающие прайд, чтобы образовать свой собственный холостяцкий, спариваются в этом же возрасте. Но лишь по истечении двух или более лет они становятся сильными настолько, чтобы править гаремом.

Ведя подобный образ жизни, Симба вряд ли имеет право претендовать на роль царя. Но ради почитателей львиного племени, которые начнут переживать из-за развенчания их легенды, я, так и быть, им в утешение награжу льва новым и более подходящим титулом — Царицей Зверей.

Ленивые, добродушные, общительные и даже любящие львы — тем не менее хищники, причем самые большие хищники в Африке. Дамы, которые и легче, и проворнее, достигают восьми футов в длину и весят от 275 до 300 фунтов. Взрослые самцы могут вытянуться до девяти футов и достичь веса до 200 фунтов. Если льва поставить на задние лапы, то ростом он может быть до семи футов. Живущий на свободе Симба ест от одного до трех раз в неделю, поэтому редко достигает веса в 500 фунтов, которым обладают львы в зоопарках, где их кормят каждый день. Зато он в состоянии уволочь тушу коровы весом в полтонны.

Помимо размеров и необыкновенной силы, львы в процессе эволюции приобрели форму, причем превосходную, которая позволяет им выполнять определенные функции: находить, наблюдать, отслеживать, прыгать, хватать, убивать и поедать самую осторожную добычу. Для каждой из этих функций они развили соответствующую силу и снаряжение, которые ярко выражены у львицы и у молодого льва, но постепенно вырождаются у избалованного женами паши.

Обладая превосходным зрением, поразительным слухом и обонянием, гораздо более острым, чем это

принято считать, львы умеют выслеживать добычу и днем, и ночью. Благодаря своему уму и чувству взаимопонимания, доходящего порой до телепатии, львы ухитряются загнать быстроногую антилопу или зебру, которые с легкостью могут их перегнать. Правда, они часто совершают ошибки и остаются голодными только потому, что, вместо того чтобы окружить свою жертву кольцом, они гонят дичь чем-то вроде полумесяца. Кроме того, они постоянно выскакивают из засады с тыла, хотя следовало бы атаковать сбоку.

К ничего не подозревающей жертве лев подползает медленно, почти припав животом к земле, и прыгает, пролетая расстояние в пятьдесят ярдов. Прыжок льва длится медленнее, чем у гепарда, — примерно тридцать миль в час, в отличие от семидесяти миль гепарда. Но в длину его бросок гораздо длиннее, чем у гепарда или леопарда, — от тридцати до тридцати пяти футов. Приземляется лев с ошеломляющей ударной силой, расправляя лапы до восьми дюймов в диаметре. Каждая лапа снабжена четырьмя массивными когтями и коротким зачатком пятого пальца — им одним лев в состоянии выпотрошить человека.

Антилоп малых размеров, уже подранков, он хватается за шею четырьмя огромными клыками и одним вращательным движением перегрызает им горло. Когда льву попадается добыча покрупнее, он хватается лапой за нос и начинает его выкручивать, чтобы животное завалилось на голову и тем самым сломало себе шею. Если этот бульдожий маневр не удастся, льва ждет беда. Удар копыта зебры, лошадиной антилопы, черной антилопы и даже юного жирафа может не только ранить, но и убить льва.

Но хотя подобный риск достаточно реален, он кажется ерундой по сравнению с той опасностью, которая подстерегает льва, когда он нападает на самую огромную и грозную добычу — бдительного, мощного и очень

крепкого южноафриканского буйвола, превосходящего Симбу весом в пять, а то и в шесть раз.

Из-за этой разницы в размерах лев ни один, ни с товарищами не нападает на взрослого буйвола. Идет он на это только в случае сильного голода. Подобного рода работу, как всегда, выполняют львицы, втроем или вчетвером. Им помогает их праздный паша и, если повезет, друг-холостяк. Первым нападает главный — пусть не очень ловкий, но зато самый сильный самец. Он вылетает из засады позади буйвола и вгрызается зубами в его массивную шею. А передними лапами пытается схватить жертву или вывернуть ей нос. Задними лапами лев упирается в землю наподобие рычага, и в то же мгновение один из его товарищей бросается на буйвола сбоку. Остальные, словно стая гигантских терьеров, принимают из всех сил терзать животное, кусать его и драть. В результате огромных размеров враг начинает ослабевать и сдаваться.

Буйвол, стараясь сбросить с себя львов, встает на дыбы, взбрыкивает, скачет из стороны в сторону и носится кругами. Стремясь освободиться, он может даже перекувырнуться, но львы продолжают его терзать, а главный охотник из всех сил старается удержаться у него на шее, продолжая скручивать жертве нос. Если бульдожья хватка не помогает, лев использует другой любимый прием: вцепляется когтями буйволу в горло, дабы убить его тем же способом, какой иногда применяет гепард, — он медленно душит его.

Конец охоты зависит главным образом от количества нападающих. И хотя лев в состоянии порой покончить с взрослым буйволом в одиночку, но обыкновенно после такого поединка Симба превращается в месиво.

Двум львам справиться с буйволом гораздо сподручнее, ну а три, четыре или более обыкновенно сбивают буйвола с ног и, несмотря на свои собственные увечья, убивают его.



Оставшиеся в живых львы получают в награду мясную тушу весом в три четверти тонны. И, как принято, первыми берутся за дело самцы, только теперь еды хватает всем — и львицам и львятам. Присутствующие на банкете откусывают мясо зубами. Челюсти львов устроены таким образом, что двигаться вбок они не могут и работают наподобие гигантских вертикальных ножниц, по краям которых торчат острые, как нож, резцы. Львы слизывают мясо с кости сильно видоизмененными, похожими на терку, вкусовыми сосочками на шершавом колючем языке, но не хрустят костями и не жуют их — у них слабые коренные зубы, даже вырожденные, по сравнению с великолепно отточенными зубами медведей и собак.

Сожрав от двадцати до сорока фунтов мяса заодно со шкурой, они со вздувшимися животами укладываются подремать рядом с добычей и поднимаются исключительно для того, чтобы отогнать стервятников, гиен и шакалов. Через денек-другой они поедят снова, потом еще разок, а затем разлагающийся труп начинает кишмя кишеть извивающимися личинками. Но львы будут продолжать с наслаждением пожирать труп и дальше.

Охота львов на буйвола, от самого начала до самого конца, выглядит не очень приятно, но мне известно воистину отвратительное зрелище, когда на буйвола, исключительно ради трофеев, нападают охотники-туристы. И выглядит эта картина не менее кровавой, хотя охота ведется самым современным оружием. Вот как описал банду таких туристов профессиональный охотник Александр Лэйк, который отнюдь не питает иллюзий в отношении своих клиентов и своего ремесла, в книге «Убийцы в Африке. Правда о животных, лежащих в засаде, и охотниках, врущих в печати».

«Я видел, как три спортсмена выпустили в пятилетнего буйвола четыре пули калибра 450 и одну 510. Он шел рысью примерно в восьмидесяти ярдах от охотников. Когда в него попала пятая пуля, он повернулся к

стрелявшим и понесся яростным галопом, фыркая при каждом прыжке. Двое мужчин помчались прочь и, столкнувшись друг с другом, сели на чайник. Третий, пробежав несколько шагов, остановился, встал на колени, приставил ружье к плечу, но открыл огонь только тогда, когда зверь оказался в двадцати футах от него.

В то же мгновение, находясь в тридцати ярдах от происходящего, выстрелил и я из своего 303-калибрового. Обе пули угодили буйволу в горло. Он перекувырнулся, упал на живот, вытянул шею, все четыре ноги его согнулись под тяжестью тела. Напичканный свинцом, он все еще продолжал жить...»

Принимая во внимание огромную стойкость и мощь буйвола, суметь одолеть его целой компанией — истинная победа, но только в том случае, если сразаться с ним, как Симба, зубами и когтями.

Охотясь на самого Симбу, мясники-туристы совершают такое же героическое деяние, вернее, полагают, что совершают. Часто их проводники инсценируют охоту на львов, и этот фарс еще более постыден, чем так называемая охота на леопарда. Охотник приводит усталых клиентов к львиному прайду, членов которого, с помощью рефлексотерапии, около недели приручали являться по зову в определенное место. Если мое утверждение кому-то покажется враньем, ознакомьтесь с откровенным описанием этого метода, приведенным в книге Александра Лэйка:

«Каждый день кладите для львиного прайда в одно и то же место антилопу или зебру до тех пор, пока львы не привыкнут. Кормите их непрерывно, чтобы они прекратили охотиться сами. Кидая окровавленную тушу в определенное место, свистите в свисток Галтона. Вскоре львы станут ассоциировать звук свистка с едой и прибегать галопом».

Спектакль готов, и Белому Охотнику остается подобрать банду у шикарного отеля в Найроби, рассадить ее в своем живописном «лендровере» и, окольными путя-

ми, дабы было поинтереснее, довести до места. За несколько миль до намеченной цели Белый Охотник обнаруживает вдаль или делает вид, что обнаруживает, кружащих в небе стервятников. «Похоже, там лежит добыча львов, — сообщает он банде. — Возможно, нам повезет». И на бешеной скорости мчится вперед к «фальсифицированным» львам (это мое выражение, а не Лэйка, так как охота, спланированная заранее, или «обнаружение» желанного места подобны открытию золотых жил в фальсифицированных приисках).

Неподалеку от местонахождения львов отважные спортсмены выходят из «лендровера» и под предводительством Белого Охотника бредут якобы на разведку. Когда он приходит к выводу, что они уже «готовы», он дает сигнал местному следопыту, прячущемуся в буше. Тот свистит в ультразвуковой свисток Галтона, или, как его еще называют, собачий. Люди не слышат ничего, слышит Симба. И как собаки Павлова выпускали слюну при звуке колокольчика, объявляющего о времени обеда, так галопом являются львы.

Иногда шайка туристов всаживает в одного льва двадцать, а то и более пуль. Затем они позируют для триумфальных фотографий — документального доказательства того, что они и в самом деле встретили охотящегося льва и загнали его. Чистосердечно веря в опасность этой охоты, они болтают о «моменте истины» и «доказательствах мужества». Белый же Охотник — прирожденный артист — с энтузиазмом со всеми соглашается, чтобы впоследствии позлословить за их спиной. Я прекрасно помню, как один профессионал говорил мне в баре «Торнтон Террас» отеля «Нью-Стэнли» в Найроби, что его хвастливый клиент «мог бы так же охотиться, оставшись дома, зарядив ружье, спрятавшись за холодильником и пульнув по домашней кошке, проходящей мимо к своему блюдцу».

Если бандюги-туристы желают обойтись без живописного «лендровера» и остальных атрибутов старомод-

ного сафари, они могут усовершенствовать техническую сторону дела — поохотиться на львов с вертолета. В прошлом, когда в Конго и в Восточной Африке у власти стояло колониальное правительство, это было абсолютно незаконно, но ныне, в новых независимых государствах, контроль за охотой ослабел, и выследить Симбу и его жен с вертолета можно быстро, безопасно и удобно. Льва можно гонять до тех пор, пока он весь пеной не покроется, а потом опуститься на стратегическое место и, прицелившись, ждать. Вертолетчик же пригонит задыхающегося льва прямо к вам.

К тому же так поступают все знаменитости. Взгляните на роскошную цветную фотографию на странице двадцать семь, вверху справа «Библиотеки живой природы» журнала «Лайф», публикация «Земля и дикая природа Африки». Заголовок гласит: **ОХОТНИК НОВОЙ ФОРМАЦИИ**. Артур Годфри спускается с вертолета, на котором выслеживают дичь и гонят ее напрямик к пулям... и убийство слона сокращается от недели до двух часов».

Рассмотрите и другие фотографии героев на той же странице и на предыдущей. На них изображен киношный ковбой Рой Роджерс (он охотился не с воздуха, а на земле, в сопровождении неизвестного, двух Белых Охотников, двух «лендроверов» и двадцати пяти африканцев, плюс горячая вода и холодильник), торжественно восседающий верхом на убитом водяном козле, сидящий на корточках рядом с трупом бородавочника, поглаживающий рога убитых куду и черной антилопы. На одной фотографии он гордо позирует, поставив ружье около тела десяти- или пятнадцатифунтового дикобраза. Интересно, тот что, на него напал? Во всяком случае, животное на фотографии очень здорово получилось.

И хотя львы обладают и силой, и умом, им приходится гораздо тяжелее, чем дикобразу, когда на них набрасываются с вертолетов, вызывают свистком Галтона, догоняют верхом, натравливают гончих псов (очень попу-

лярный способ охоты в прошлом) или же действительно выслеживают, что, возможно, честнее, Белые Охотники, туристы, носильщики оружия и загонщики. Настоящим спортом является такой, когда человек и лев встречаются один на один и у льва *есть шанс на победу*.

Я назвал бы честным поединком тот, когда охотник, вооружившись мощным оружием, встает ко льву лицом к лицу и не полагается на помощь Белых Охотников, товарищей и носильщиков. Тогда-то он быстро поймет, что имеет дело со «вторым опасным зверем» в Африке, и очень вероятно, что поймет это, когда будет уже слишком поздно. Даже, если опытный охотник-профессионал или хладнокровный стрелок встретится со львом один на один, у него, по крайней мере, имеется шанс сделать смертельный выстрел. Правда, когда меткий стрелок стреляет в 400-фунтового льва из оружия, которое способно уничтожить слона, — это тоже не спорт.

Карл Экли как-то раз дал свое определение настоящей спортивной охоты на львов. «Это копье, — написал он в своей книге «В ослепительной Африке», — а копьем сражается лишь черный мужчина». Он рассказал о племени нанди, проживающем в Восточной Африке, воины которого нападают с копьями и все вместе. Нанди — отважные, очень отважные, но с масаями их не сравнить. Масаи — племя нило-хамитской расы, чем-то напоминающее египтян. Они скотоводы и воины, которые с копьем в руке преднамеренно встречаются со львом лицом к лицу во время одного-единственного поединка.

Когда я рассказываю об охотниках на львов племени масаи, я исхожу не из принятого о них мнения и не из случайных с ними встреч. Я жил с масаями, пил с ними теплую кровь домашнего скота, любил их женщин, танцевал с ними их народные пляски под звук подобного-го сирене рожка куду и был посвящен в воины этого племени. Существует только одно условие, при котором белый человек заслуживает подобного признания: вооружившись копьем, он должен бросить вызов взросло-

му льву на поединок. Я бросил такой вызов, и Симба, который принял его, остался одним и единственным животным, на которое я охотился.

Это случилось осенью 1951 года, за четыре года до того, как динамитным взрывом мне оторвало правую руку. Я уехал из Бурунди в отпуск на шесть месяцев, привел свой пикап в Кению и, свернув с дороги, поехал по каменистой саванне, где находилась огромная резервация масаев, простиравшаяся от границ Танганьики и далее. Я был очень молодым, всего двадцати пяти лет, и очень самоуверенным. И вот я повстречался с масаем, по имени Масака, который говорил на суахили. Это был коренастый мужчина средних лет, абсолютно голый под своей развевающейся ситцевой рубашой. Лицо его и тело были смазаны прогорклым овечьим жиром, цвета красной охры. Жил он в мазанке из коровьего навоза, питался молоком, мясом и кровью, а посуду из тыквы мыл в коровьей моче. Он мне и объяснил, что все масаи — цивилизованные люди, а я нет.

«Мы — единственный народ, который знает, как надо жить, — заявил он с непоколебимой уверенностью. — Мы не то, что кикуйу или вакамба, которые сажают в землю всякую дрянь. Они не воины и ничего не знают ни о скоте, ни о Боге. Про всех этих невежд мы говорим: «Ол Мики». Это значит «дикари» или «местные». Вы, белые люди, знаете побольше этих местных, но вы не масаи».

«А в чем разница?» — поинтересовался я.

Он улыбнулся: «Я иногда работаю для белых людей, которые приезжают на земли масаев охотиться. Они убивают львов оружием, большим оружием. Иногда они даже разрешают женщинам выстрелить из ружья. Разве ружье может превратить женщину в мужчину?»

«А копье может?» — спросил я.

«Да. Раз в три поединка воин убивает льва. В остальное время побеждает лев. Поэтому белые люди сажают наших воинов в тюрьму, когда они идут убивать льва.

Белые люди боятся, что слишком много молодых мужчин умрут, но они не пытаются понять, почему молодые мужчины хотят погибнуть.

И все потому, что белые ничего не знают об эмпиан и олвуаси — мужестве и чести».

Меня здорово возмутило так называемое «несносное высокомерие» масаи. Мы сидели у мерцающего костра как раз за околицей деревни Масаки, огороженной терновником. Однако я устыдился за свою расу, за тех, что называют себя охотниками, а на самом деле вторгаются на территорию масаев, стреляют из ружей и раздают приказания «боям» и носильщикам, которые и являются настоящими охотниками. И еще мне было стыдно за остальных моих соплеменников, которые живут «цивилизованно», не имея ни малейшего представления о жизни реальной, где трудятся не покладая рук от рождения до смерти. Они никогда не бросят вызов, не пойдут на риск ради того, чтобы испытать боль или смерть, ради того, что масаи называют эпгисисата — слава.

«Масака, я хочу убить льва, — вдруг произнес я, — один на один и с копьем в руке».

Он искренне расхохотался. Но потом, поняв, что я говорю серьезно, стал умолять меня забыть об этом. Нкириса — английские власти — посадят в тюрьму всю деревню, объяснял он, если масаи окажутся замешанными в гибели белого человека. «Нкириса не узнают, — настаивал я. — Даже мое правительство не знает, что я здесь. Если лев победит, пусть съест меня. А если мясо белого человека ему не понравится, тогда поживятся гиены».

«Мой народ никогда в это не поверит, — упорствовал Масака, — а если и поверит, то подумает, что ты пумбаву — сошел с ума».

Когда мы отправились спать, он все еще оставался при своем мнении. На следующее утро он вызвался приготовить мне завтрак и выглядел очень расстроенным. А я сказал: «Отлично, хочу свежей крови». Он закатил

глаза и стал молиться на языке масаев: «На-Аи! На-Аи!» — выпрашивая совет и терпение у Небесного Владыки. Но я стоял на своем. И в конце концов добился того, что он вонзил маленькую деревянную стрелу в яремную вену Керете, его любимой коровы, и я залпом выпил из горлянки пинту горячей крови.

Коровья кровь имела резкий запах и необычный вкус. Но мне понравилось, и я даже перестарался в своем рвении выразить восторг: облизал губы, как заправский вампир, чем окончательно убедил Масаку, что я или действительно говорю серьезно, или окончательно пумбаву. И посему, продолжая возносить молитвы к небу, он пообещал отвести меня в маньята воинов, особую деревню, что-то вроде школы для гладиаторов.

Усевшись в пикап, мы протряслись два часа по каменистой саванне и добрались до находящейся к востоку от озера Натрон территории близ границ Кении и Танганьики маньята — пятнадцати хижин с огромным краалем для скота, окруженных терновником.

В деревне, как я обнаружил позднее, жили женщины с детьми и много юных девушек для услаждения воинов. Еще там находились гости — взрослые мужчины. Но всех затмевали мураны, то есть сами воины. Они были разного возраста, от шестнадцати до тридцати лет, и ростом около шести футов. От кончиков завязанных в хвост волос до пяток они были покрыты овечьим жиром цвета красной охры. У каждого имелось длинное копье. На меня они смотрели с поразительным высокомерием и были похожи на американских индейцев больше, чем какие-либо другие африканцы.

Я пришел в восторг при мысли о том, что стану членом столь величественной мужской компании, но Масака отказался переводить воинам, не говорящим на суахили, текст о моих «пумбаву» намерениях, и я малость сник, а потом вообще опешил, когда он выпросил мне позволение остаться в маньята на правах кандидата в придворные шуты, а не товарища по оружию, доложив



муранам, что я «странный» и смотреть на меня будет страшно весело.

В этот день я с тоской наблюдал, как воины масаи тренировались в битвах на мечях и в метании копий, а старые женщины мазали хижины свежим коровьим навозом — имодиок. На обед я выпил пинту жирного молока, а на завтрак следующим утром пинту свежей крови. Я опрокинул ее в глотку так, словно мне не привыкать, и воины посмотрели на меня с большим удивлением.

Я заставил Масаку все им рассказать. Он повиновался, но с неохотой. Воины стали хохотать. А один, очень высокий, с животом, сплошь покрытым шрамами, что-то сказал, и они еще громче захохотали. Масака объяснил мне со смущенным, но-я-же-тебе-говорил, выражением лица: «Высокого зовут Коноко. Он сказал: «Тебе лучше зарядить свое ружье. Белый человек только так убивает льва». Остальные мураны верят ему. Он — единственный в этой маньята, кто сражался со львом. Другие пытались, но погибли. Но олнгатуни, лев, не победил Коноко, он только вырвал немного кишок из него, и Коноко убил его копьем. Мы затолкали кишки ему обратно в живот, замазали дырку овечьим жиром и зашили воловьими жилами. Потом он встал и пошел домой».

Услышав этот отчет, я начал беспокоиться. Но упрямо ответил: «Скажи ему, что у меня нет ружья и что я буду биться копьем, как он, и не уйду до конца сражения».

Коноко ответил: «Ты молод и очень высок. Ты выглядишь сильным и говоришь сильно. Но ты не масаи». И к моему изумлению, предложил потренировать меня. Но вскоре я понял, что таким образом он хотел доказать и себе, и другим воинам, что я всего лишь белый человек, «который сильно говорит».

Для моего будущего поединка со львом Коноко подарил мне три предмета вооружения масаев: щит

элонго, сделанный из буйволово́й шкуры, натянутой на деревянную раму и расписанной яркими племенными знаками, короткий меч олам, который носят на правом боку, и копье арем, с тонким, гибким, в три фута длиной лезвием, из плохо закаленного железа. Мы с моим новым копьем оказались одного роста, и Коноко предложил мне новое имя — Арем.

За три недели я метнул тяжелое железное копье две тысячи раз, держа в левой руке щит, весом в двадцать фунтов. Мишенью служил пучок сухой травы, привязанный к концу шестифутовой деревянной палки, которую Коноко держал на расстоянии восьми футов и наклонял ее в сторону, а потом отпускал. Масака сидел рядом на корточках, читал лекции по стратегии и тактике и вел счет моих псевдобоев.

Если я копьем задевал край пучка, это означало, что Симба ранен и, соответственно, настолько разъярен, что смерть мне гарантирована немедленно. Если я попадал в палку и мягкое копье сгибалось — значит, Симба убивает меня в тот момент, когда я пытаюсь вытащить копье и выпрямить его. И только когда я одним махом срезал траву у основания палки, Масака возвещал, что я попал Симбе прямо в сердце. При этом он неизменно добавлял: «Но, прежде чем умереть, он убил тебя».

Ни мои слова, ни мои действия — ничто не могло поколебать мнение Масаки: меня ждет смерть, и точка. Мало того, за день до дуэли Симбы с Аремом он говорил только об одном: какие роскошные похороны устроят масаи, но не Симбе, а Арему.

«Мы не позволим льву съесть тебя, — мрачно сообщил он мне, — пока не проведем необходимую церемонию. На время мы прогоним его и даже убьем, если он не захочет уходить. Потом мы положим тебя на левый бок, согнув тебе ноги, головой к северу, а лицом к востоку. Твою левую руку мы подложим тебе под голову, как подушку, а правую руку положим на грудь, на сердце.

Мы в последний раз поглядим на тебя и колонной пойдем обратно в маньята, распевая печальные песни о твоём бесстрашии. И скоро все масаи будут знать замечательную историю об Ареме, первом белом человеке, сразившемся со львом! И в память о тебе мы не будем есть ни мяса, ни молока целых три дня. Мы будем только пить кровь в честь нашего мертвого друга воина».

«Масака, — возразил я, — я еще не умер».

«Ты умрешь», — трагически объявил он.

Утром в день поединка сопровождающие меня воины перевязали свои рубахи-туники на запястьях и намазались свежим красным овечьим жиром. Коноко печально натянул на голову оловуару — великолепный головной убор из гривы побежденного им льва, а другие три воина надели свои оловуару. Каждый из них первым бросил копье во время совместной охоты и тем самым завоевал право на гриву. На остальных головах торчали страусиные перья, которые, свешиваясь, обрамляли лица наподобие курчавой черной гривы. Я остался с непокрытой головой и надел помятые шорты цвета хаки и рубашку.

Мы покинули маньята шеренгой. Впереди шел Коноко, за ним я, за мной плелся Масака, а следом длинной вереницей маршировали еще семнадцать человек. Кажется, мы протопали четыре-пять часов, миновав стада зебр, гну и газелей Томпсона. Наконец заметили вдали двух сносных размеров львов, валявшихся у колючего кустарника.

Мы рванули вперед с намерением окружить парочку холостяков кольцом. Как только мы оказались от них в трехстах футах, львы начали отступление. Мы последовали за ними — они опять отошли. Действия их явно не были похожи на манеру поведения бесстрашных, самоуверенных львов национальных парков Конго, Уганды и Кении, где они чувствуют себя в полной безопасности. Эти же звери прекрасно знали масаев и боялись их.

Еще несколько часов мы преследовали львов, пытаюсь взять в кольцо то одного, то другого. На закате мы сдались и устроились на ночлег, вырубив мечами себе местечко среди колючего кустарника. Стараясь не отставать от масаев, физическая выносливость которых не сравнима ни с чьей иной, я безумно устал, но спал плохо.

На рассвете Коноко выслал на разведку два отряда. Через два часа один отряд вернулся в сильном возбуждении. Они обнаружили группу львов — трех одиночек, прятавшихся в густом кустарнике. Два льва были молодыми, но один — взрослый, с красивой гривой. «Нам сильно везет, — сообщил Масака. — Если бы у большого вместо друзей были жены, нам бы не удалось прогнать львиц. Если напасть на львицу, лев ударит, но она всегда остается, чтобы защитить его».

Когда вернулся второй отряд, мы ускоренным маршем двинулись к укрытию львов и через час добрались до места назначения. Коноко приказал десяти воинам обыскать кустарник, остальные остались ждать, выставив перед собой щиты, чтобы перегородить львам путь, ежели они бросятся наутек. И почти в ту же минуту из кустарника выскочили три представителя кошачьего племени. Двум удалось вырваться на свободу, а третий оказался в окружении тел и щитов. Он стоял почти в центре, молодой лев без гривы, весом не достигший и 250 фунтов. Он нервно водил головой по сторонам.

Коноко указал на него копьем: «Тара!» («Убей его!»)

Я заколебался. Предположим, что я накинусь на это животное и одержу победу. И что скажут масаи? «Ну, лев-то был такой маленький...» Я указал копьем на 400-фунтового льва, который остановился в ста ярдах от нас. «Киток!» — ответил я. («Большого!»)

Коноко сердито уставился на меня. Будучи скептиком по натуре, он наверняка считал, что я пытаюсь оттянуть неотвратимое, но повелительно крикнул, и наш круг разбился на две колонны. Маленький лев рванул от нас

прочь по саванне, а мы начали преследование большого. Гонялись мы за ним около часа. Наконец, очень раздраженный, он уселся передохнуть в тени кассии, и нам удалось окружить его. Увидев, что попал в ловушку, огромный лев вскочил, яростно зарычал и приготовился к атаке на круг. В ответ девятнадцать масаев заорали на него как апачи.

Лев отпрянул, явно перепугавшись. Медленно поворачивая голову, он искал брешь в кольце вопящих воинов и нервно топтался у кассии. А круг все сжимался и сжимался, и вот девятнадцать человек стоят в двух или трех футах от него, образуя идеальную арену тридцати пяти футов в диаметре.

Я понимал, что, как только войду в круг, лев настигнет меня в два прыжка. Смахнув пот, заливавший глаза, и вытерев влажные руки о рубашку, я минуту понаблюдал за ним. Затем с щитом из буйволовой шкуры в левой руке и с копьем в правой я выпрыгнул на арену. «Симба! — крикнул я. — Симба, иди ко мне!»

В десяти футах от меня лев стал метаться из стороны в сторону. Масаи медленно выставили копья, а я ждал нападения зверя. Но он нападать не желал. Я сделал шаг вперед и снова заорал. Он мгновенно отпрыгнул назад. Этим прыжком, в двадцать футов длиной, лев сбил моего друга Масаку с ног, будто кеглю. А сам стрелой бросился по саванне. От страха меня мутило, но Масака встал, неистово размахивая щитом. Львиные когти сильно поцарапали расписанную шкуру буйвола, но шкура Масаки осталась цела.

Двумя шеренгами мы двинулись вслед за большим львом. Но он уже стал гораздо осмотрительнее, и нам потребовалось два часа, чтобы найти его. И снова вокруг него сомкнулся круг, и снова масаи закричали от возбуждения. Я опять выпрыгнул на арену, вызывая льва на бой. Он отступил, пытаясь вырваться сквозь противоположную сторону кольца. Масаи угрожающе замахали щитами и стали хором оскорблять его. Он шарахнулся

назад, с тревогой оглядываясь по сторонам. Находился он в двадцати пяти футах от меня и драться со мной совсем не желал.

Совершенно измотанный от сильного напряжения, я выжидал. Рубашка и шорты были мокрыми от пота, дыхание вырывалось из горла с хрипами, сердце колотилось о ребра. Выставив копьё, как это делали масаи, я слегка потряс им, но лев по-прежнему отказывался принимать мой вызов. Перебросив копьё в левую руку, я поднял камень и швырнул его льву в голову. Камень подбил ему левый глаз. Это подействовало. Симба заворчал, повернулся ко мне и двинулся вперед.

В десяти футах он остановился, уставившись на меня озадаченным, но злым взглядом. Мне вдруг стало жалко золотого красавца, которого я собрался уничтожить. Потом я левой ногой сделал шаг вперед и присел, не переставая держать копьё наизготове. Его задние лапы дрогнули, хвост задрожал. Воины замолчали, и наступила полная тишина.

Он прыгнул на меня, как кот на мышь. Найдя взглядом нужное место на его теле, я швырнул туда копьё. А когда Симба с копьём встретились в воздухе, я отскочил в сторону. Львиный прыжок продолжался. Тяжелое копьё уперлось в землю и от удара очень глубоко вонзилось ему прямо в сердце.

Лев перекатился, рыча от боли и гнева, а потом пополз ко мне. Я отступил и вытащил меч. Лев ударился о него — когти чиркнули по металлу. Покачивающееся копьё торчало из его большого сердца. Почти тридцать футов он ковылял за мной, круг воинов двигался вместе с нами. Затем он упал, голова окоченела, язык вывалился наружу, глаза потускнели, и Симба умер.

Масаи от радости устроили безумную оргию. Они визжали, пели и подпрыгивали вверх, словно выпущенные из катапульты. Двоих затрясло, и пена выступила у них на губах — это начался страшный истерический припадок, который масаи называют апуш. Один из них

залаял, как собака, по его подбородку потекла слюна. Окончилось все тем, что они оба повалились на землю в ступоре. А я стоял рядом с мертвым львом и смотрел. И тогда Коноко, уже без скептицизма, подошел ко мне, широко и радостно улыбаясь, и крепко обнял меня. «Ирапол-Маасни», — произнес мой новый брат. («Ты — масаи»).

В «Китабу о Конго» я подробно описал долгое празднование у львиного трупа, триумфальное шествие домой, во время которого мы всю дорогу пели, хохотали и кричали; поразительную встречу, которую мне устроили по возвращении в маньята, — на меня обрушились девять горлянок с молоком: песни и танцы; и награду, которую выдали Арему, воину масаю, две девушки... Но все это не имеет отношения к Симбе.

Симба лежал мертвый в саванне, где-то к востоку от озера Натрон. С ним остались два масая; они вырезали ему сердце, которое предстояло съесть воинам, выражая, согласно обычаю, удовольствие; они отрезали ему массивные когти, чтобы раздать их членам моего эскорта; они сняли с него шкуру, гриву и все остальное, чтобы преподнести их мне.

А то, что осталось от Симбы, ждало стервятников и гиен. Что еще остается мертвым львам?





## МБОГО

### *Бдительный воин*

В своей книге «В ослепительной Африке» Карл Экли писал:

«В отличие от льва, который, сбив жертву с ног или ранив ее, этим и ограничивается, буйвол, преследуя человека, обязательно догонит его и не успокоится до тех пор, пока жертва не расстанется с жизнью.

Один охотник рассказал мне происшедшую с ним историю, в которой буйвол страшно проявил свой нрав. Охотник с товарищем ранили буйвола и двинулись следом за ним в густые заросли. Буйвол же притаился и совершенно неожиданно бросился на них. Они даже выстрелить не успели. Сбив охотника с ног, буйвол ринулся вслед за его товарищем. Первому удалось забраться на дерево, но оружие он потерял. К тому времени друг его был уже мертв. Однако буйволу этого было мало. Два часа он топтал труп ногами и подбрасывал



его кверху, а раненый человек на дереве мог лишь беспомощно на это глядеть. Буйвол ушел только тогда, когда останки погибшего были сровнены с землей. Более мстительного зверя в Африке нет».

Если Карл Экли, известный зоолог, борец за охрану природы и один из основателей Национального парка Конго, называет какое-либо животное мстительным, то что в таком случае остается думать обыкновенным людям?

Профессиональные охотники, как правило, соглашаются с мнением, что южноафриканский буйвол — Мбого на языке суахили — самое опасное животное в Африке и убийца номер один Большой Пятерки, этой бесславной корпорации убийц. А чтобы доказать это утверждение, они заявляют, что буйвол нападает без всяких на то причин — когда его только выслеживают; что он мстительный — если его ранить, он рогами и копытами бьет неудачливого врага до тех пор, пока тот не превращается в месиво цвета кукурузной муки.

Охотники-любители, как попугаи, твердят то же самое, а сами хвастаются друг перед другом впечатляющими трофеями, которые на самом деле достались им от Белого Охотника, застрелившего буйвола после того, как клиент, охваченный паникой, случайно ранил животное, а то и вовсе промахнулся по такой огромной мишени. Временами они столь страстно мечтают убедить всех, что одержали победу над Номером Один, что даже не делают вид, будто охотятся. В книге «Убийцы в Африке» Александр Лэйк сообщает:

«Ежели вам требуются большие деньги, добудьте себе голову буйвола с рогами в пятьдесят семь или более дюймов в размахе. В барах Найроби и Йоханнесбурга околачивается куча липовых спортсменов, которые за буйволиные рога готовы тут же отвалить тысячу долларов. Как я слышал, рекордными по цене оказались рога в пятьдесят шесть с половиной дюймов в размахе. Эти состоятельные, убивающие время в барах спортсмены

согласны отдать все, лишь бы доказать, что они — великие охотники».

Люди, ослепленные блеском охотничьих басен и введенные ими в заблуждение, совершенно не сомневаются в дурном нраве Мбого и отчего-то почти всегда называют этого хитрого якобы убийцу «водяным буйволом», путая его с индийским добродушным, дружелюбным животным, одомашненным. Водяные буйволы, обитающие в Африке, были привезены из Индии в долину Нила, где они тянут плуг и работают при ирригационном орошении. Но людей нельзя винить в этой ошибке, потому что кино, вкупе с телевидением, и в фильмах, и в рекламе, и в благотворительных акциях постоянно называет это животное неверно. Даже в лучших изданиях повторяется то же самое. Возьмем, к примеру, широко распространенную брошюру «Хатари»<sup>1</sup>.

Там напечатана фотография красивого южноафриканского буйвола, под которой следует до боли знакомая надпись: «Водяной буйвол — одно из самых опасных животных в Африке...»

Благодаря охотничьим и голливудским байкам характер и привычки Мбого настолько извращены, что современным языком теперь больше походит на животное, которое Аль Капоне сделал эмблемой резни и убийств. «А на каких животных охотится водяной буйвол?» — спросили меня как-то во время лекций, которые я читал в Калифорнии и Новой Англии. И поинтересовались привычками «африканского буйвола-людоеда». Похоже, что задуренные любопытные даже не задумываются над тем, чего ради превращаться в плотоядного хищника и людоеда животному, которое является родственником обычной коровы.

Домашний скот, быки, водяные буйволы, яки, бизоны, антилопы различных видов, даже овцы и козы — все

---

<sup>1</sup> «Х а т а р и» — «Опасность» (суахили).

они являются представителями одного огромного семейства Bovidae, или полорогих жвачных животных. Они пасутся и едят траву, жуя челюстями, у которых взамен резцов и клыков имеется роговая подушечка. Переваривается их вегетарианский обед в сложном четырехкамерном желудке. Когда они тупо жуют свою жвачку, вид у них совершенно постный. Однако, исключительно ради защиты, природа снабдила их парой рогов, представляющих собой костные стержни, которые медленно, но верно растут из лобной кости черепа. За некоторым исключением, рога развиваются и у мужских, и у женских особей. У быка рога обычно крупнее и длиннее, а у южноафриканского буйвола они еще и образуют у основания массивный выступ, наподобие шлема, от которого мягкая пуля может и отскочить.

Мбого пришлось стать «суперкоровой», если он позволит мне так себя называть, потому что с его подвидом обходятся совсем не так, как с его сородичами. Охраняемый человеком домашний скот разводится для получения мяса и молока, и, как и все домашние животные, коровы и быки послушны и простодушны по сравнению с представителями их рода, живущими на свободе. Мбого же приходится опасаться не только человека, но и льва — единственного хищника, способного напасть на взрослого южноафриканского буйвола. А своих малышей буйволице надо охранять не только от нападения львов, но и от леопардов и гиен. И для того, чтобы просто выжить, Мбого необходимо быть очень сообразительным. Конечно, он не дьявольски умен, как утверждают охотники; ему лишь хорошо известно из личного опыта, что следует соблюдать осторожность и атаковать лучше первым.

В заповедниках и национальных парках Центральной, Восточной и Южной Африки самоуверенные южноафриканские буйволы целыми днями пасутся в открытой саванне, блаженствуют валяясь в грязи, плавают

в реках и озерах, точь-в-точь как настоящие водяные буйволы. И хотя и зрение, и слух, и обоняние у них очень острые, они вежливо терпят или вообще не обращают внимание на наблюдающих за ними людей.

Но благодаря человеку есть и другой южноафриканский буйвол — нервный, вечно находящийся на чеку зверь, который прячется в густых зарослях и выходит попаситься, попить и поплавать по ночам. Днем он всегда держится поблизости от своего укрытия. Некоторые Мбого находят себе пристанище в папирусных болотах или забираются высоко в Лунные горы Рувензори и кратеры покрытых тростником вулканов Вирунга в Центральной Рифтовой Долине. Здесь, на высоте порой более десяти тысяч футов, спасаясь от человеческой жестокости, они нашли себе приют среди миролюбивых горилл и слонов. И вот этот другой Мбого способен напасть на человека, едва только завидев его, так как прекрасно понимает намерения врага. Ну, а если буйвола ранить, он впадает в иступленную ярость, точно «берсерк».

Неделя, да просто несколько дней непрерывной гонки за буйволом могут превратить спокойное животное во вспыльчивого, настороженного и агрессивного воина. И все-таки многие бросаются на вооруженного охотника только после того, как их долго на это провоцируют, в точности так, как это происходит на корриде, где «боевых» быков подстрекают бандерильями, причиняя им страшную боль.

Если стрелок промахивается, Мбого мгновенно удирает прочь. Случается, что он делает круг и, вернувшись к собственному следу, готовится к нападению, но действительно нападает лишь в случае дальнейшей угрозы. Раненый буйвол в большинстве случаев тоже предпочитает ретироваться, а не нападать. Однако же, если пуля большого калибра попадает прямо в кость, он испытывает такую безумную боль, что впадает в бешеную

ярость. И вот тогда он и впрямь способен начать охотиться сам; правда, часто он и в таком состоянии может удрасть, делает круг и затаится возле собственного следа.

Если все же он принимает решение идти в бой, что может случиться в любой момент охоты на него, то, вытянув массивную шею и запрокинув рога назад, он бросается вперед, не сводя глаз с жертвы. В отличие от носорога, голову он наклоняет в последнюю секунду. И тогда, если выстрелы его не останавливают, охотник может успеть отскочить в сторону, как матадор, — только без паники — и рвануть к ближайшему дереву. Мбого несется вперед с такой силой, что не в состоянии остановиться сразу, поэтому человеку хватит времени прицелиться и выстрелить до того, как буйвол повернется к нему.

Когда Мбого настигает жертву, он сначала подбрасывает ее рогами, а потом топчет. А если он еще и ранен, то превращает врага в пятно на траве, но, по-моему, он тем самым не пятнает свою репутацию. А чего еще следует ожидать от огромного рогатого животного, обезумевшего от боли? Хочу заметить, что в Америке лоси и олени частенько поступают так же, причем имея на то гораздо меньше оснований. Как мимоходом сообщил Эрнест Сетон-Томпсон, описывая бой оленя с человеком: «Однако, если олень одерживает победу, он будет бить, бодать и топтать жертву, пока она не погибнет». А в период гона похотливый олень даже преследует женщин. Однажды в нескольких милях от Сан-Франциско самец во время гона загнал на дерево двух женщин, но почему-то оленя в Америке не называют мстительным или порочным — наверное, потому, что они так славно смотрятся на рождественских открытках с ленточками.

Беспричинно на человека могут наброситься: старый буйвол, который хорошо знаком с охотой, — так

называемая уклоняющаяся форма; самка, отрезанная от своего теленка и готовая пройти сквозь все круги ада, дабы воссоединиться со своим перепуганным детенышем; крупный буйвол, переболевший чумой и повредившийся от этого в уме, но физически здоровый; буйвол, страдающий от ран, которые ему могли нанести и львиные зубы, и пули белых людей, и стрелы или копья местного населения, и гвозди, камни и прочий мусор, которые африканцы забивают прямо в дула своих ружей старого образца.

Как-то раз, безоружный и в полном одиночестве, я встретил стадо буйволов, количеством более ста животных. Они бежали мимо меня. Когда я внезапно ринулся к ним с криком «Бу-у! Пошли отсюда!» — вернее, я кричал на суахили «Тока! — то или благоразумно, или, возможно, с их точки зрения благоразумно, быстро скрылись из виду. А в другой раз я оказался прямо на пути огромного стада — их, по-видимому, спугнул огромный лев, и мне грозила куда большая опасность. Если бы я кинулся бегом через открытую саванну (неподалеку от Рутсхуру, южной части долины Руинди в национальном парке Альберта) в противоположную сторону, меня бы, разумеется, догнали, затоптали и забили четыре-пять сотен грохочущих копыт — буйволы обычно движутся со скоростью тридцать пять миль в час против двадцати миль в час самого быстрого человека в мире (а я — не он). Поэтому, вместо того чтобы пойти на самоубийство, я спокойно застыл на месте, раскинув руки в стороны, и притворился новой разновидностью баобаба.

У улепетывавших от какой-то опасности и охваченных паникой животных не имелось достаточно причин для того, чтобы тратить время на изучение неподвижного предмета, который в общем-то угрозы не представлял, хотя это бородатое дерево явно не настоящее. Буйволиный поток делился на два рукава и проструился мимо меня с обеих сторон. И сколько же было грохота и

пыли! Плюс резкий сладковатый коровий запах — более сильный, чем у домашнего скота. И все.

В прошлом стада, поголовьем в сто буйволов, встречались часто; в наши дни стадо в среднем насчитывает от тридцати до шестидесяти коров, телят и молодых бычков под предводительством старого патриарха. Если на стадо нападают несколько охотников сразу и некоторые буйволы погибают, то стадо может встать лицом к врагу, а не убежать как обычно. Тогда выставляются вперед ряды быков, прикрывающих собой буйволиц и буйволят. Но спустя какое-то время они все равно отступят. Зрелые буйволы часто отделяются от стада и собираются группами от двух до шести. И с такими справиться легче, чем с мнительными мамашами с детьми. Старые буйволы ведут порой отшельнический образ жизни, но совсем не обязательно становятся мрачными и жестокими. Как и старых самцов человеческого племени, их, наверно, раздражает семейная суэта и дурацкое соперничество молодых быков.

Дерутся быки в любое время года — очевидно, ради подтверждения своего статуса в стаде, а не ради прелестей самок. Однажды, спрятавшись на краю чащи неподалеку от Малемба Нкулу, болотистой местности Катанга, я наблюдал за такой дракой. Два быка встали друг напротив друга, наклонив головы. Затем оба со всей силой бросились на противника, и их черные рога сомкнулись. И хотя рога сцепились, ни один из них не попытался освободиться. Каждый старался вынудить своего противника отступить. Могучие мышцы на их телах были напряжены. Вскоре бык постарше начал стонать и шаг за шагом отступать назад; наконец он упал на колени. Победивший дуэлянт высвободил свои рога и боднул соперника в шею. Старый буйвол тут же помчался прочь, но «официально» так и не капитулировал.

Поскольку определенного времени года для спаривания не существует, в стаде есть телята различного

возраста. Они появляются на свет после спаривания, которое мало чем отличается от случки влюбленных на скотном дворе: быка и коров. Но чаще Мбого зачинает детей во время африканского лета, и его дама рождает одного-единственного буйволенка между январем и мартом. Буйволица прячет своего лохматого, красно-бурого, как и она, ребенка в высокой траве и, бросив стадо, лежит вместе с ним около десяти дней. Малыш следует за своей матерью шесть месяцев и лишь потом получает частичную свободу.

Взрослея, бычок постепенно приобретает черную, как уголь, окраску и достигает половой зрелости на третий год жизни. Живут буйволы, по-видимому, лет тридцать, но в двенадцатилетнем возрасте или около того они начинают седесть, линять и мало-помалу теряют свои замечательные слух, обоняние и острое зрение. Они могут даже ослепнуть, в отличие от близорукого слона, чье зрение, вне зависимости от возраста, редко существенно меняется. Таких дряхлых буйволов, увенчанных огромными и впечатляющими рогами, очень легко одолеть: они не слышат, не видят, не чуют охотников и не подозревают об опасности до тех пор, пока их не пронзит первая пуля.

Как выяснилось, буйволы-затворники обожают кукурузу и просо, растущие на полях местного населения, но банда кочующих быков или целое стадо редко подходят к человеческому жилью. Питаются эти животные главным образом травой, иногда жуют нежные побеги кустов и деревьев, но никогда не отходят далеко от воды. Они предпочитают пастись близ рек и озер, где можно и напиться вволю, и поплавать в удовольствие, и успокоить свою измученную укусами клещей и слепней спину, погрузившись по шею в липкую черную грязь. Но и грязь не спасает их от клещей. И решение столь болезненной и досаждающей проблемы Мбого поручил своему верному другу-камердинеру волоклюю — птице, по-



едающей клещей на животных. Этот поразительный представитель семейства скворцов выполняет еще и обязанности охранной сигнализации — он предупреждает Мбого о надвигающейся опасности, что особенно необходимо старому, почти слепому животному.

О том, каким образом буйвол и птичка-клещеед оказались вместе, объясняет легенда племени батутси, проживающего в регионе реки Кагера на северо-востоке Руанды. Высокие батутси или ватуси — как их обычно называют в кино и в литературе о путешествиях — утверждают, что Бог, уподобившись бельгийскому районному комиссару, решил пересчитать своих пасущихся и жующих траву чад. Ну, а то, что произошло потом, абсолютно типично для местного населения Руанды, где каждый мужчина беспрестанно занимается упрочением своего социального статуса. Там даже бои нанимают себе боев, которые в свою очередь обзаводятся «боями», и все исключительно ради того, чтобы продемонстрировать свою значимость и повысить авторитет.

Бог попросил зверей выстроиться в два ряда: в одном ряду парнокопытные, в другом остальные. Каждый ряд возглавили самые сильные представители вида. Разнообразные антилопы и высокий жираф послушно бросились рысью, чтобы встать после могучего буйвола. Этот ряд протянулся через всю саванну. Второй ряд оказался короче. В конце его стояла зебра, в середине носорог, а впереди слон. Отряд был сплоченным (хотя зоологически неверным).

Пока Бог их пересчитывал, оба ряда начали спорить, кто из них обладает преимущественным правом на траву и кустарник. Они так фыркали, блеяли и мычали, что Бог рассердился и пришел к выводу, что животным необходимы дисциплина и организация. И он сообщил буйволу и слону, что с этих пор они назначаются начальниками и Его личными представителями, которым Его Божественным изъявлением дается право судить, по-

средничать и определять необходимое наказание. «Вы справитесь со своими обязанностями? — озабоченно спросил Бог. — Вам требуется моя помощь?»

Верный и уверенный в себе слон сказал, что справится без совета и без помощи Бога. Но буйвол промычал: «Я не смогу править животными, если у меня не будет своего представителя. Кроме того, правление займет слишком много времени, поэтому мне необходим кто-то, кто станет докладывать мне о нуждах племени, передавать мои приказания и следить за племенем слона. А в свободное от работы время он должен выуживать из меня клещей».

Бог пришел к выводу, что сие требование вполне разумно, и, согласившись, кивнул. После этого он созвал всех птиц, обитавших в саванне, и велел буйволу выбрать среди них себе помощника. Тот изучил каждую птицу: послушал, как они поют, и проверил, как они умеют ловить клещей. Наконец он остановился на бурой птичке с красным клювом. Она сказала «чиррр» и очень профессионально вытащила всех клещей, проявив при этом бдительность и дружелюбие.

«Теперь ты — официальный представитель буйвола, — сообщил Бог птице. — Повелеваю тебе ездить у буйвола на спине, следить, чтобы у него не было клещей, передавать все его приказы и решения и в минуту опасности подавать сигнал тревоги».

«Это очень ответственный пост — ответил волоклой. — Мне тоже нужен свой представитель».

Бог позволил и ему выбирать. Волоклой сделал вид, что подвергает испытанию других птиц, но он заранее знал, что выберет своего лучшего друга — восседающую на спине у буйвола цаплю с белоснежными крыльями. Цапля сумеет передавать приказы, но собирать и поедать клещей ей не по силам: она предпочитает мух.

И с того дня по Божьему повелению волоклой и цапля постоянно сопровождают Мбого. Если вы видите их у

жирафов и антилоп, объясняют батутси, это означает, что они передают приказание начальника. А если вам покажется, что они переметнулись в лагерь зебры или носорога, то знайте: они находятся там только потому, что шпионят для Мбого. Правда, умница-волоклый никогда не рискнет следить за самим слоном, это задание он поручает цапле. В этой легенде очень изобретательно объясняется, почему слоны, имеющие клещей, не выносят волоклую, но позволяют цаплям важно прогуливаться по их широким головам и спинам и ловить мух.

Волоклый — поразительно преданный помощник и часовой. Его неистовый клич «чиррр, чиррр» звучит не просто как сигнал бедствия, а является настоящим призывом к действию. Я видел собственными глазами, как кричащий волоклый не переставал биться всем своим тельцем о массивную голову дрыхнувшего буйвола, который полностью его игнорировал, — буйвол был седым, облезлым и, наверное, глухим. Даже когда буйвол лежит мертвый, изрешеченный охотничьими пулями, верный волоклый прилагает все усилия, чтобы поднять его. Но что поразительно: когда птица сидит на спине домашнего быка, она не обращает на приближающихся людей никакого внимания, так как отлично знает, что это не охотники.

Исполняющую обязанности представителя волоклую цаплю, или цаплю стада, едва ли стоит считать верным и преданным охранником. Клич тревоги она издает, не адресуясь к кому-либо конкретно, и от опасности улетает. Вообще-то при появлении цапель буйвол убегает, так как, кружа над стадом, цапли своими белоснежными крыльями, сверкающими в лучах солнца наподобие гелиографического сигнала, выдают местонахождение животных и белым и черным охотникам.

Белые люди, помешанные на риске и трофеях, считают голову Мбого самым главным призом. Копыта переделываются в пепельницы, а буйволовая мошонка

аккуратно срезается, высушивается, обрезается, и из нее делают кисет для табака, столь почитаемый спортсменами. Именно при виде таких штучек юнцы в конторах или охотничьих сторожках вопят от восторга. Но профессионалы и любители других частей останков буйвола могут удовлетворить иную свою физиологическую потребность — в отличие от жилистой, вонючей плоти леопардов и львов, обожающих мертвечину, мясо травоядного буйвола такое же вкусное, как и мясо техасского бычка. Оно только более жесткое, поэтому его лучше выдержать или замариновать. А гурманы могут попробовать язык, почки и ножной костный мозг, по виду напоминающий паштет из суккулент. Носильщики и бои с аппетитом поглощают вырезку, готовя из нее бифштексы и супы. Как бы то ни было, основная часть туши выбрасывается и достается хищным животным, обитающим в стране, где люди умирают из-за недостатка мяса.

В прошлом черные охотники, испытывая естественную потребность в мясе, но не имея огнестрельного оружия, редко посягали на буйволиное племя. Большинство африканцев не очень-то охотились на грозного Мбого; они рыли ямы и ставили ловушки, сооружение которых требовало гораздо больше времени и труда, чем установка современных капканов браконьеров. И ловушки и ямы были изобретены племенем пигмеев батуга в Руанде. Этот крепкий, находчивый народец создавал очень сложные ловушки из деревьев и скрученных лиан. А ямы они выкапывали в двенадцать футов длиной и в десять футов глубиной, которые прикрывали сверху ветками с листьями. На дне ям торчали острые колья.

Настоящие пигмеи лесов Конго никогда не роют ям и не ставят ловушки ни на одно животное. Лишь иногда, вооружившись копьями, они объединяют свой ум и силу против красных лесных буйволов Итури. Представители этой малой разновидности — не столь громоздкие, как южноафриканский буйвол, и посему гораздо осторож-

нее и опаснее. Особенно они страшны вооруженным копьями людям, чей рост в среднем достигает лишь четырех футов и шести дюймов, а вес не достигает и ста фунтов. Красный лесной буйвол убивает тех, кто пытается ткнуть в него копьем. Зная это, отважные, но неглупые пигмеи редко охотятся на него. Но случается, что их заставляют идти на подобный риск нуждающиеся в мясе негроидные племена, установившие для бывших пигмеев-кочевников феодальную от них зависимость.

Другую разновидность охоты с копьем практиковали в прошлом в Руанде честолюбивые ватуси, и совсем по иным мотивам. Обожающая кино публика приходит в восторг при виде их обворожительной внешности и их роста, кстати, чрезвычайно преувеличенного. На самом деле в среднем они чуть ниже шести футов. Но ватуси во всех отношениях не такие честные и чистосердечные, как пигмеи, которых частенько очерняют.

Нило-хамитские обычаи и религия запрещают есть дичь, поэтому аристократы ватуси охотятся на буйвола ради удовольствия со сворами смелых, молчаливых собак басениев, которых подзуживают охотничьими рожками. Собаки изматывают буйвола, а люди, находясь на относительно безопасном от него расстоянии, мечут в Мбого копья. Как-то раз я с отвращением наблюдал за подобного рода охотой на буйвола, которую организовал Рудахизва Мутара, бывший король Руанды. В этом виде спорта ватуси могут состязаться с Белыми Охотниками. Они даже хуже — банда из высшего общества черных, хотя и пешая, но загоняющая добычу и звуками рожков, и собаками. Мясо мертвого буйвола было, разумеется, брошено псам.

Мои братья масаи из Восточной Африки, которые родственны ватуси по нило-хамитской расе, презрительно бы расхохотались, услышав о такой охоте. Некоторые из них и сейчас еще охотятся на буйвола, которого называют илосовани, но сражаются они с ним честно,

с копьём в руке. Они могут и погибнуть, но прятаться за сворой злобных псов они не станут. Как и ватуси, они дичи не едят и охотятся по причинам практического толка: буйволовая кожа идет на щиты воинов. Рога они отдают целителям, которые смешивают порошок из рога с целебными травами, рога им также нужны для изготовления волшебных талисманов. Тем не менее масаи тоже выбрасывают огромное количество мяса.

Однако черные охотники остались в богатом и захватывающем прошлом Африки. Они убивали южноафриканского буйвола отважно, как масаи или ватуси, но убивали мало. В наши дни местные охотники и браконьеры, под все увеличивающимся влиянием западной торговли, денег и в сфере рэкета сувениров сафари, уничтожают буйвола сверхмощным оружием и в огромном количестве. Шкуру, рога и часть мяса они продают, но большая часть мяса пропадает зря. Дело в том, что на каждого буйвола, которого убивают, разделявают и уносят, приходится еще четыре или пять раненых животных, которые убегают и умирают в укрытии. А полученное мясо без холодильника может сгнить, если мясники не найдут покупателей.

Существующая среди африканского местного населения потребность в мясе и колоссальный недостаток протеина часто используются как повод для бесконечного добывания дичи. Численность буйволов, как и численность других животных, сократившаяся за последний век на 90%, теперь уменьшается с еще большей скоростью, а африканцы все так же голодают. Если в Африке безответственная резня так и будет продолжаться, а заповедники будут и дальше открываться для безответственных белых, то местное население испытает еще больший голод.

Близкие родичи Мбого из иных частей света, похоже, также движутся навстречу неизбежной гибели. На Целебесе несколько еще оставшихся в живых аноа, кар-

ликовых буйволов, скрываются высоко в горах. За ними охотились ради их шкуры, рогов и мяса, и теперь они почти полностью истреблены. На Филиппинах скотоводы и «спортсмены» Манилы уничтожили карликового буйвола, численность которого теперь составляет менее ста животных. В Малайе гигантских гауров, или индийских бизонов, самых больших животных из семейства бычьих, осталось всего лишь триста особей. На Тибете диких яков местное население уничтожает европейским оружием. А в Камбодже численность волоподобных купреев, редких животных, которые стали известны науке лишь в 1937 году, уже сократилась до двухсот; и, по всей видимости, эта разновидность достигла грани исчезновения, прежде чем ученые сошлись во мнении, как именно ее классифицировать.

Живущие на свободе европейские зубры, которые на самом деле были бизонами, продержались до двадцатого века. Стадо из более семиста голов бродило в Беловежской Пуше в Польше до 1914 года, но было целиком уничтожено во время Первой мировой войны. Благодаря усилиям польского правительства было собрано стадо из отдельных зубров, уцелевших в зоопарках и частных питомниках, где за ними отлично ухаживали. Их выпустили на свободу, и около шестидесяти полудиких бизонов теперь обитают в Беловежской Пуше. Если им повезет, то вполне возможно, что они доживут до Третьей мировой войны.

Когда Соединенные Штаты после Гражданской войны вступили в период экспансии Запада, численность огромного североамериканского бизона, который когда-то являлся самым часто встречающимся видом на земле, по всей вероятности, достигала шести миллионов. К 1889 году бизонов осталось всего лишь *тысяча*, большая часть которой укрылась в Канаде. Американского буйвола уничтожило в столь колоссальных количествах огнестрельное оружие («ремингтоны-44» и

«шарпы-40») и железнодорожные компании («Юнион Пасифик» и другие), которые дали возможность перевезти часть убитых животных.

Языки бизонов морем уплывали в Нью-Йорк и в Лондон, а шкуры по железной дороге уезжали на восток для изготовления модных «бизоньих рубаш». Что же касается мяса, то, скорее всего, на каждый фунт съеденного пропадало около тонны. В американских прериях гнили миллионы тонн бизоньих туш, отравляя воздух зловонными миазмами, а обожравшиеся койоты, волки и канюки ворочали от трупов нос.

Убивали бизонов главным образом конечно же ради денег. Но существовала и еще одна причина поголовной их резни, которая ясно продемонстрировала, как иногда из-за убийства «обычных животных» страдают люди. Доктор Уэбб Б. Гаррисон в своей книге «Необычные связи между животными и людьми» честно рассказывает:

«Последние исследования показывают, что тотальная война против бизона велась не только по причинам экономического характера. Несмотря на то, что в документах того времени немного есть указаний, подтверждающих это предположение, совершенно очевидно, что некоторые белые убивали буйволов, дабы нанести вред индейцам, принимавшим участие в военных действиях...

...В 1875 году, выступая против политического движения за охрану уцелевших в Техасе бизонов, генерал Шеридан сообщал: «Охотники на бизонов за несколько месяцев совершили гораздо больше для заключения мира с индейцами, чем это сделала вся армия за тридцать лет!»

На склоне лет охотник старой формации Франк Мэйер подтверждал, что военные пограничники бесплатно выдавали амуницию убийцам бизонов. Любой человек в форме подписался бы под заявлением: чтобы



победить индейцев, необходимо уничтожить полностью животных, от которых зависит их жизнь.

Уцелевшую тысячу косматых кузенов-янки Мбого, казалось, ожидает окончательная гибель. Но американские защитники живой природы в конце концов добились закона об охране бизона. И тогда сами животные быстро размножились, как и свойственно бычьим, совершили чудо: нынешняя их численность достигла 25 тысяч, и стада, обитающие на ограниченных территориях, приходится время от времени искусственно сокращать.

Оглядываясь назад на наше «цивилизованное» прошлое и Европы, и Америки, едва ли мы вправе требовать мудрости, симпатии и дальновидности в отношении к животным от неискушенных африканцев. Мы сами лишь начинаем понимать, какое значение имеют животные для нашей естественной среды, мы только-только начинаем осознавать, что они тоже имеют право на жизнь. Африканцам крайне чужда каждая из этих концепций, но, в отличие от нас, они действительно нуждаются в своем буйволе, да и в другой дичи, являющейся главным источником жизненно необходимой пищи.

Решение этой вопиющей проблемы отношений животного и человека можно найти, если попытаться одомашнить южноафриканского буйвола.

Белые Охотники и их поклонники будут, естественно, потрясены тем, что разрекламированного убийцу Номер Один можно заставить работать, можно доить и сгонять в стадо, как обычных коров. Но индийцы уже доказали, причем весьма убедительно, что это вполне реально. Их баинша, или одомашненный буйвол, физически так же силен, как и их арна, буйвол, живущий на воле, — осторожное, раздражительное животное, схожее по характеру и привычкам с Мбого. Спасаясь бегством, арна даже может сбивать с ног слона. Если африканцы последуют примеру индийцев, у них появятся огромные

естественные ресурсы мяса: южноафриканский буйвол более мясистый, чем костлявые местные коровы, дает в достаточном количестве очень вкусное молоко, в состоянии тащить груз в два раза тяжелее, чем любой рабочий вол, и его легче пасти.

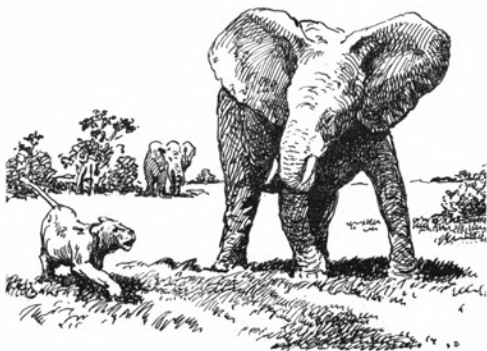
То, что Мбого можно приручить, воспитать и одомашнить, абсолютно не вызывает сомнений. В национальном парке Альберта в Руанди Плейнс и других резерватах диких животных еще недавно не подпускающие к себе никого буйволы после десяти — двадцати лет спокойной жизни стали гораздо спокойнее и терпимее относиться к человеку. А те животные, которых поймали юными и вырастили с лаской и добротой, не более опасны, чем обычные коровы, также заслужившие доброго отношения. Если с ними жестоко обращаться на скотном дворе или дергать за кольцо в носу, коровы и быки тоже бодают и топчут людей.

У меня был свой ручной буйвол. Ему исполнилось восемь-девять дней, когда я купил малыша у местного охотника, застрелившего его мать. Я держал этого крошечного Мбого в собственном частном охотничьем уголке близ Мугваты в провинции Конго Киву, примерно в двадцати милях от границы с Руандой. Поначалу он был немного робким, но вскоре стал приветливым, как любой герефордский теленок. Дружил со своими смотрителями и все подталкивал меня сзади, выпрашивая соль, которую я держал в заднем кармане. Чем больше он вырос, тем сильнее становились его толчки, но злость он никогда не проявлял. Однажды, когда буйволенок уже подрос, он в шутку кинулся на проходящего мимо местного африканца племени бахунде. Несмотря на то, что мой маленький Мбого находился в пределах крааля, человек метнул в него копье и порвал ему ухо. И с тех пор буйвол, хоть и продолжал доверять своим смотрителям и играть со мной, как ласковый щенок, при виде незнакомца приходил в ярость.

Если бы черные африканцы, которые никогда и не пытались одомашнить этих животных, сумели бы проявить терпение, понимание и желание, им бы удалось наладить мирные взаимоотношения с южноафриканским буйволом. Он же все-таки больше корова, чем убийца, — даже его имя Мбого напоминает глубокое, жалобное «му-у» — и потребности его малы: хороший выпас, достаточно воды для купания и прежде всего доброе отношение соседей-людей. Ведь до сих пор он видел лишь жестокость людей — как черных, так и белых.

Да, Мбого живет «бдительно», но только по классическому утверждению Вольтера, которое более всего подходит именно к южноафриканскому буйволу: «Этот зверь — очень злобный: когда на него нападают, он защищается».





## ТЕМБО

### *Гражданин с твердыми устоями*

А это животное способно и смеяться, и плакать; оно может напиться вдрызг и грубо разыграть приятеля; оно влюбляется, женится и проводит медовый месяц; оно умеет принимать слабительные средства, ставить себе припарки и выдергивать больные зубы. И еще оно в состоянии зарабатывать себе на жизнь, работая лесорубом, возницей, строителем, почтальоном, охотником, солдатом, актером, акробатом и даже ловким контрабандистом.

И хоть это животное — не человек, в Индии, на Цейлоне, в Бирме, Сиаме да и в других странах Востока его признают и почитают как человеческое существо. А индийские брахманы искренне верят, что, когда хатхи — как там его называют — на рассвете и на закате молча созерцает небо с задумчивым видом, это означает, что он молится. Буддисты и иные азиаты не сомне-

ваются в том, что это уникальное животное обладает собственной примитивной религией, и потому уважают и почитают его. Но в Африке, где на языке суахили его называют Тембо — это созвучие напоминает нескончаемую дробь барабанов, — его воспринимают как просто ньяму, «мясо». Ну, а для охотников, как белых, так и аборигенов, он всего лишь «большой кабан с огромными бивнями» или «слоновая кость».

Дабы объяснить свое несправедливое отношение к Тембо, люди заявляют, что африканского слона невозможно приручить. Бытует мнение, будто индийский слон — послушный и умный, а африканский — злобный, неприступный, не поддающийся дрессировке и даже кровожадный. Это суждение распространено и в цивилизованном мире Запада, хотя на самом деле виноват-то сам человек. Если внимательно изучить историю отношений человека и Тембо, станет совершенно очевидно, что этот «не поддающийся дрессировке» зверь больше пяти тысяч лет ведет себя *точно в соответствии с тем, как мы приучили его себя вести*.

В 3500 году до н. э. высокоразвитые египтяне, первые в истории дрессировщики животных, обучали африканских слонов ходить под седлом и работать прислугой. Между вторым и третьим веками до н. э. карфагеняне муштровали слонов для военных целей (включая знаменитые полки Ганнибала из тридцати семи слонов, которые промаршировали через высокие Альпы к Риму). Карфагеняне надевали на них пластинчатые доспехи, сажали сверху копьеносцев и отправляли их в сражение. Спустя несколько сотен лет в порочной Римской империи африканские слоны были гладиаторами, акробатами, канатоходцами и актерами бурлеска, где участвовали в непристойных представлениях и плясали двусмысленные танцы. В эпоху XVII века гурманы-французы выучили первого в их стране африканского слона, жившего в версальском бродячем зверинце, макать в суп хлеб и выпивать за день двенад-

цать пинт вина. В XIX веке респектабельные англичане своего первого в стране африканского слона, обожаемого Джамбо, приучили питаться сдобными булочками с изюмом и возить на спине веселую ребятню. Ну а в XX веке практичные бельгийцы заставили слонов из буша Конго ворочать бревна и таскать плуг.

В 1899 году бельгийский король Леопольд II организовал специальные станции по обучению слонов в Кира Вунгу, Апи, Гангала-на-Бодио и Эпулу — районах леса Итури, где слоны водятся в огромном количестве. Для воспитания слонов были приглашены корнаки из Индии — квалифицированные погонщики и дрессировщики, которым надлежало поделиться секретами своего мастерства с конголезцами.

Искусство обучения слонов потребовало большего терпения, чем могли себе представить африканцы. Корнаки-индийцы обыкновенно пользовались стрекалом (хаукусом), которым слегка похлопывали животное или подавали команду, но никогда не били по-настоящему. Им было хорошо известно, что подход к любому животному с позиции силы рано или поздно вынудит зверя воспользоваться своей силой, которая может оказаться гораздо больше силы человека. Что и доказала гибель шести учеников-африканцев в Апи, которые по глупости стали бить и травить Тембо, которое превосходило весом человека в семьдесят раз. Тем не менее некоторые конголезцы не бросили учебу и научились уважать своих слонов-товарищей, применяя методику и традиции индийских корнаков. Станции просуществовали до последних дней правления бельгийского правительства в Конго.

Для поимки нескольких многообещающих юных Тембо люди выстрелами в воздух обращали в паническое бегство слоновьи стада и ловили животных арканами или сетью. Пойманных четырех- и пятилетних самцов приводили на станцию, привязывали к дереву, а затем десять месяцев приучали к виду, звуку, запаху и

характеру человека. Корнаки разговаривали с ними, пели народные песни на хинди, потчевали сахарным тростником, сладким картофелем, ананасами и бананами, мыли их, чесали и скребли.

Пение являлось очень важным компонентом дрессировки. Слоны — эмоциональные животные и чувствуют музыку. Цирковые слоны по сю пору так же реагируют на музыку, как Ханс и Парки, — пара молодых слонов, которых первыми проверили на восприятие музыки. Они выступали в 1798 году в зверинце в Париже. Слоны кружились под звуки марша, радостно трубили в унисон с музыкальными инструментами и проявили необыкновенное умение разбираться в музыке: во время исполнения симфоний они засыпали (так же, как и я). Многие слоны при звуках спокойной мелодии достигают состояния, напоминающего настоящий гипнотический транс. А в обучении слонов военному ремеслу главная наука — искусство боя.

Азиатские слоны наслаждаются более широким кругом профессиональных обязанностей. Они работают почтальонами и таскают на себе и письмоносеца-человека, и пятьсот фунтов почты. Во время охоты они носят на себе паланкины с кучей спортсменов и индийских шикаров, которые организуют такую же фальшивую охоту, как сафари в Восточной Африке. Слоны занимаются и древним ремеслом контрабандиста — сиамские слоны, увешанные кожаными мешками с запрещенным товаром, ходили через границу по сигналу их хозяев. Азиатские альбиносы, например, белые сиамские слоны, выступают даже в роли земного божества. В прошлые времена их вскармливали кормилицы-женщины, умащивали дорогостоящими маслами, потчевали жасминовыми напитками, украшали диадемами из чеканного золота, наряжали в пурпурный бархат с отделкой из золотой и алой бахромы и укрывали от солнца золотыми и красными зонтами. А не так давно для них соорудили специальные поезда, ванны с ду-

шем и электрические вентиляторы, которыми они, вероятно, наслаждаются больше всего.

Воспитанные конголезские слоны, хоть и не добились статуса почтальона или божества, за короткий промежуток времени — четверть века — убедительно доказали, что они столь же способны к обучению и столь же умны, как и их восточные кузены. А скорее всего, даже умнее. Им только нужно дать шанс, чтобы это доказать. Профессиональные служащие зоопарков и цирков утверждают, что африканские слоны более нервные и легковозбудимые потому, что они гораздо проворнее и понятливее своих азиатских родственников, проживших в общении с человеком четыре-пять тысяч лет. Но если принимать во внимание трагическую историю африканского вида слонов, то поведение Тембо окажется вполне объяснимым. Ведь, за исключением бельгийских станций в Конго, со слонами Экваториальной Африки человек обращался совсем иначе. Их научили бояться, спасаться от преследователей бегством и даже сражаться с людьми, которые травят, убивают и разделывают их ради добычи мяса и слоновой кости.

До появления в Африке арабов и европейцев местное население мало интересовало слоновьи бивни. Только несколько племен, например балега в восточном Конго, занимались резьбой по жесткой, но очень прочной слоновой кости и создавали маски и статуэтки. Большинство же ремесленников предпочитали быстро портящееся, но легкое для работы дерево. Бивни порой использовались в качестве подпорок покосившихся крыш хижин или для построек красивого частокола. А пигмеи крошечными молотками из слоновой кости отдирали кору с деревьев для набедренных повязок. Но в буше можно было найти огромное количество «мертвой слоновой кости» — бивней Тембо, которые умерли естественной смертью. Бывали случаи, когда аборигены пытались поймать слона или устроить



на него охоту, если тот разорял их поля или банановые рощи, но обычно слон представлял для них ходячую гору мяса.

Местные трапперы чаще всего выкапывали огромных размеров ямы, глубиной четырнадцать футов, которые прикрывали сверху ветками, тростником и травой. Такие ловушки они устраивали на тропах, ведущих к месту водопоя слонов. Ямы представляли собой воронки с очень узким дном. Угодивший в ловушку слон был просто не в состоянии пошевелиться. И охотники, пользуясь его беспомощным состоянием, копьями, ножами и мачете отрезали от Тембо куски мяса, даже не потрудившись его убить.

В Восточной Африке племена вакамба и вандеробо ставили на слоновьих тропах гарпунные ловушки. Утыканые железными копьями двенадцатифутовые бревна, весом в четыреста фунтов, подвешивались на высоте двадцати футов, и, когда слон касался пускового устройства — лианы или ветки дерева, — тяжеловесный гарпун стремительно падал ему на шею и перебивал хребет. Однако частенько оружие лишь ранило слона, и он убегал, а после либо медленно умирал, либо выздоравливал.

Настоящая же охота, если это мероприятие можно так назвать, а именно «огненное кольцо», велась самыми варварскими методами, известными человеку. Между сезонами дождей, когда матете, или «слоновья трава», высотой в двенадцать футов становится сухой, как трут, обитающие в саванне племена вокруг ничего не подзревающего слоновьего стада поджигают траву на расстоянии до двух миль. Почувяв своим великолепным обонянием отдаленный дым, слоны часто ухитрялись избежать опасности, но иногда им не удавалось уйти. Многие Тембо сгорали или задыхались от удушливого дыма. Другие в отчаянии бросались сквозь пламя. Обоженные и ослепшие, они становились легкой добычей

для ожидавших их орд копыеносцев. Слонов, которым удавалось проскочить и сквозь кольцо людей, ожидала трагическая судьба: сильно обгорев, они умирали медленно и мучительно. А местное население и днем и ночью слышало, как они плакали и стонали в буше до тех пор, пока смерть не брала свое.

Некоторые охотники-аборигены, например вандеробо и валиангулу в Восточной Африке или бушмены Южной Африки, стреляют в слонов из укрытия'отравленными стрелами или, вымазавшись с ног до головы навозом будущей добычи, выслеживают их и колют копьем с отравленным наконечником. (Бытует представление, будто африканцы пользуются трубками для выдувания отравленных стрел, но это — оружие индейцев Южной и Центральной Америки и некоторых народностей Меланезии и Малайи.) В том случае, если яд свежий и сильный, такой, как, например, акокантера, знаменитый «яд бушменов», то слон погибает через несколько часов. Если яд старый, то слону приходится мучиться несколько дней, а то и месяцев. В результате огромная мясная туша в пищу уже не годится.

На севере Африки абиссинцы и арабы-полукровки Белого Нила охотятся верхом, вооружившись огромными широкими мечами. Три-четыре охотника-наездника отрезают слона от стада и гонят его до тех пор, пока он не останавливается, чтобы перейти к бою. Как только он пытается пойти в атаку, один человек, прыгнув с лошади, нападает на него с тыла и старается обезножить животное, перерезав ему ахиллово сухожилие. Если этот маневр удастся, слон становится абсолютно беспомощным. У Тембо имеется своя ахиллсова пята: из-за своего анатомического строения он, повредив одну ногу, не в состоянии ходить вообще. Так что перерезать артерии и сухожилия на другой ноге легче легкого, ну, а затем остается лишь стоять и смотреть, как животное истекает кровью.

На юге в Масхоноланде охотники отслеживают слонов пешими. Убивают они животных, когда те спят, топорами с широкими лезвиями. Но в Экваториальной Африке перерезывание сухожилий никогда не применялось, там традиционным оружием охотников являются копье или лук.

Масаи и другие племена воинов Восточной Африки никогда не охотились на слонов с копьем. Они разводят скот и потому не употребляют в пищу дичь и не возделывают поля, которым могут грозить набеги слонов; они удовлетворяют свои амбиции охотой на львов — врагов их домашнего скота.

Вообще мало кто из африканцев пойдет на здорового слона с одним копьем в руке, но есть народ, который и ныне способен на подобный подвиг, народ, который с самым большим наземным млекопитающим встает лицом к лицу, — это пигмеи Конго, самые маленькие люди в мире.

Книги о путешествиях и охотничьи басни бесконечно повторяют, будто пигмеи стреноживают слонов. И никому не приходит в голову задуматься над тем, каким образом человек, весом в девяносто фунтов, способен нанести удар нужной силы, чтобы рассечь жесткую шкуру, и каким образом этот человек может перерезать сухожилие своим ипе, деревянным копьем длиной в пять футов с восемнадцатифутовым наконечником. Однажды я решил провести опыт с таким деревянным копьем. Я попытался перерезать им сухожилие на задней ноге мертвого слона. И хотя я на два фута выше любого пигмея и мой вес в три раза больше, мне удалось лишь поцарапать шкуру. Даже длинным с железным наконечником копьем масаев совершенно невозможно обезножить слона: это копье не обладает ни достаточно прочным древком, ни достаточным весом.

Пигмеи отлично знают, какая опасность ожидает их во время охоты как на слона, так и на южноафриканского буйвола, поэтому они редко идут с копьями на лесно-

го слона. Только в тех случаях, когда их заставляют это делать негроидные племена, постоянно испытывающие потребность в мясе. Господствующие над пигмеями негры уговаривают их и угрожают, подкупают их помбе — пивом местного изготовления — и бананами. Иногда они дают пигмеям банджи — местную разновидность наркотической конопли, которую охотники курят, как гашиш, перед тем как покинуть лагерь.

В «Китабу о Конго» я во всех деталях описал охоту пигмеев на слона — единственную, насколько мне известно, охоту, свидетелем которой с самого начала до самого конца был белый человек. Мне было очень трудно не отставать от ловких пигмеев, быстро и легко пробирающихся сквозь самые непроходимые заросли. Выслеживали слона они четыре-пять часов. Перед окончательным броском пигмеи, дабы скрыть свой запах, вымазались с ног до головы свежим слоновьим навозом; я тоже был удостоен этой чести, хотя радости мне это не доставило.

В течение всего медленного безмолвного преследования двенадцать пигмеев, образуя полумесяц, двигались через густой буш, подбираясь с тыла к ничего не подозревавшему слону — старому самцу с маленькими бивнями, объедавшему выкорчеванную мимозу. Главный охотник, его на языке пигмеев называют тебе, вышел вперед из центра полумесяца и последние пятьдесят или шестьдесят футов прошел один. В последнюю секунду, когда тебе, будто истинный индеец, совершенно беззвучно подкрался к слону, животное все-таки забеспокоилось и стало разворачиваться. В то же мгновение пигмей ткнул слона копьём в мочевою пузырь.

Завопив от ярости и боли, слон рванул в сторону, угрожающе размахивая бивнями. Тебе отскочил, и вперед бросились четыре пигмея, они вонзили свои копыя в живот и бока слона. Через несколько секунд все охотники набросились на животное, словно злющий пчелиный рой. Тембо бросился бежать сквозь мелколесье, раска-

чивая хоботом и бивнями. Охваченные жаждой убийства охотники мчались следом, швыряя копые за копьем. Вскоре слон не мог даже пошевелиться, копыя, торчащие из него, задевали о кусты и деревья. Испытывая страшные муки, он на некоторое время застыл на месте. И тогда пигмей метнул копые в верхнюю часть чувствительного слоновьего хобота.

Тембо попытался броситься на человека, но мешали копыя, поэтому пигмеем удалось убежать. Тем временем остальные стали вытягивать петли кишок, вывалившихся у слона из живота. Слон упал на колени и неистово забился в конвульсиях, ногами животное колотило по земле, кишки опорожнились, бедняга перекатился на бок, его огромная голова приподнялась, а затем ударилась о землю. Потом он, слава тебе, господи, умер.

Все охотники остались в целости и сохранности, поэтому двенадцать пигмеев продемонстрировали традиционный танец победы вокруг возвышающейся туши. Плясали они около часа под звуки пронзительной, бессвязной мелодии, которую исполняли на своих деревянных охотничьих свистках. Они кружили, топали ногами вокруг мертвого слона и маршировали единым строем прямо по телу, оставляя крошечные кровавые следы на туловище и на голове. И вдруг праздник прекратился. Появились властелины-негры — человек сто — с пустыми плетеными корзинами для мяса.

Пигмеи прорубили в слоне гигантских размеров дыру, и двое малышей влезли слону в живот, чтобы срезать мясо изнутри. Оставшиеся, усевшись на корточки, отрубали мясо с боков и укладывали в корзины. Бесконечная на вид шеренга негров уносила одну промокшую корзину за другой. Хобот, сердце и печень достанутся вождю и сановникам, но и остальные, возможно, съедят в этот день десять — двенадцать фунтов мяса, после чего отправятся спать. Двенадцать охотников, победивших слона, получили в награду тощую гроздь бананов, котел с пивом и несколько кусков кожи на суп. Вот и все.

Но, несмотря на муки, которые местные охотники и трапперы доставляют отдельным слонам, значительную брешь в слоновьей популяции они не наносят. Их методы охоты, начиная с ям и ловушек и кончая охотой с копьями, требуют много времени и усилий, а в качестве приза — единственный слон. Исключение составляло огненное кольцо вокруг целого стада, но оно зажигалось нечасто.

Настоящая бойня слонов началась в начале XIX века, когда арабы и метисы арабо-негроидной расы, называемые «суахили», двинулись из Занзибара и других прибрежных оплотов на запад. Им требовалась белая кость — слоновая, которую вырывали из челюстей Тембо, и «черна» — рабы, которых сначала заставляли нести на себе бивни на побережье, а потом продавали на невольничьих рынках.

Местные вожди продавали арабам бивни и людей за блестящие стеклянные бусы, медную и оловянную проволоку, железные цепи и «извергающие огонь трубы», как они называли устаревшее оружие, которое заряжалось через дула. В начале вождям не составляло труда добывать необходимое количество требуемого товара: они посылали свой народ в буш собирать «мертвую» слоновую кость, а в рабство продавали взятых на войне пленных. Но запасы и того и другого быстро истощались. И вожди стали торговать своим собственным народом, а оставшихся заставляли охотиться на слонов всеми традиционными методами плюс новым оружием, заряжаемым через дула. Арабы умели обращаться с подобным оружием. Меткие арабские стрелки обыкновенно целились в колено слона, дабы покалечить животное. Попав в руки аборигенов, оружие стало смехотворно бесполезным. Пулями этих ружей можно было только сильно ранить, а убить — редко, к тому же вместо пуль ружья начали заряжать гвоздями, звеньями цепей и другим мусором. Сами же охотники мало понимали или вообще не понимали, что делают. Большинство из них

сначала заговаривали оружие у местных нганда, или целителей, потом заталкивали внутрь слишком много пороха или патронов, а затем, вместо того чтобы прицелиться в самое уязвимое место на теле животного, просто палили куда придется. Когда раздавался выстрел, от грохота и огромного облака черного дыма охотники буквально сходили с ума. И поэтому, спустив курок, они тут же швыряли свои ружья и напрямик неслись в укрытие и возвращались они лишь после того, как дым рассеивался.

Слоны, которые прежде не видывали и не слыхивали ничего подобного, неслись в противоположную сторону. Некоторым животным удавалось уйти целыми и невредимыми, но некоторые уносили в боку или в животе пулю или кучу железа. Иногда слоны действительно погибали от руки такого охотника, но по большей части случайно, а не от меткого выстрела. Правда, число таких погибших было ничтожно мало по сравнению с теми Тембо, которые пали жертвами традиционной охоты.

Походы арабов за белой и черной костью продолжались до 1892 года, когда двенадцать сотен полков вновь образованных Свободных Штатов Конго, под предводительством горстки бельгийских офицеров, двинулись против тридцатитысячной армии вооруженных арабов, осевших к тому времени как в Конго, так и в других опорных пунктах, основанных ранее на берегах озера Танганьика. Эта одна из самых отважных войн против фантастически превосходящих сил противника закончилась 22 сентября 1894 года, когда самый последний арабский работорговец либо сдался в плен, либо улетел на восток, в Занзибар. К аборигенам Экваториальной Африки пришел мир, но слоновье племя, сильно истощенное погромами арабов, снова оказалось втянутым в войну, причем менее чем через три года.

Вражеский авангард — вы не поверите — состоял из одного-единственного человека: англичанина У. Д. Белла,

который прибыл в 1897 году в страну, называющуюся теперь Кенией, с любимой потрепанной книгой Диккенса «Записки Пиквикского клуба» и с отличным оружием. Он был действительно таким, каким сам себя описал, — «первым человеком, посвятившим свою жизнь исключительно охоте на слонов, и первым, кто продемонстрировал мощь современного огнестрельного оружия».

Сравнивая себя с охотниками-аборигенами, Белл в своей книге «Сафари Карамоджо» объяснял:

«Охотясь, я основывался на накопившихся за века знаниях о том, как убивать разумно, опираясь на законы природы. Моя винтовка намного опережала любое оружие, которое был в состоянии создать черный человек, хотя в использовании ядов, ловушек, копий и стрел ему нет равных. Более того, мой разум был более способен понять, что мою крошечную, несущую смерть пулю необходимо внедрять в такую часть толстокожей анатомии, чтобы желаемый результат был достигнут самым быстрым и надежным способом...»

Белл, прозванный «Карамоджо» по названию его любимого района охоты, был действительно метким стрелком. Он редко посылал «в молоко» свою «крошечную, несущую смерть» пулю — снаряд с круглой головкой, весящий от 215 до 250 гранов и вылетающий из винтовок калибра 256, 275 и 303. Но более всего ему повезло в том, что слоны оказались в полном неведении о цивилизованной охотничьей тактике.

И он «просвещал» стадо за стадом, причем крайне удачно:

«Если земля достаточно ровная, сделайте следующее. Предположим, вы осторожно приближаетесь к трем самцам слонов, обгладывающим дерево. Труда подойти к ним близко не составляет. Первым выстрелом прямо в мозг вы спокойно убиваете одного. Второй слон поворачивает голову на звук выстрела, и вы быстро стреляете ему в голову — он падает. Третий бросается прочь, вы за ним... Нет ничего приятнее, чем услышать хлопок по-



следнего выстрела, когда пуля попадает убегающему слону в мозг».

Хотя многим соотечественникам Карамоджо Белла была по вкусу слоновья нога, приготовленная прямо в шкуре, из которой мясо вычерпывали, как сыр стилтон, его, как и арабов, интересовало отнюдь не мясо. Карамоджо охотился за тем, что он называл «большим сыром».

За один день в анклав Ладон он убил девятнадцать самцов и добыл 1440 фунтов слоновой кости. На равнине Пибор он перебил десять самцов и получил, по его словам, «классное большое сырье» — 1463 фунта слоновой кости, которая впоследствии принесла ему 900 фунтов стерлингов на аукционе Хейла в Лондоне. Еще из пятнадцати слонов он вырезал примерно 1400 фунтов слоновой кости, которая пошла на изготовление бильярдных шаров, клавиш для роялей и пианино, крестиков и безделушек. Четвертое сафари в районе Карамоджо, длящееся четырнадцать месяцев, из которых сама охота заняла шесть, подарило ему 354 бивня, выдранных из челюстей 180 слонов, что в целом составило 18 762 фунта слоновой кости — «первоклассного сырья», пользующегося спросом у индийских купцов, которые платили за фунт семь рупий, то есть примерно десять шиллингов». Доход от одного сафари составил, как он докладывал, 6000 фунтов.

Карамоджо Белл действительно был первым и самым хладнокровным профессионалом, который свое мастерство вкупе с современным оружием посвятил «разумному убийству» слонов Экваториальной Африки. Да, он был первым, но по его следам хлынули орды белых охотников и браконьеров. Они истребляли стадо за стадом, но одновременно научили животных, оставшихся в живых, быть более осторожными, пугливыми, мстительными и даже свирепыми.

Если слона преследовать, то наступит момент, когда и он начнет преследовать охотника, превращаясь тем

самым в прямое отражение человека. Некоторые слоны, особенно те, которые носят в себе пули большого калибра, набрасываются на нового мучителя, затаптывают его до смерти и разрывают тело на части. Но, тем не менее, ни один африканский Тембо не последовал стандартам морали якобы цивилизованных людей, которые убивали и до сих пор убивают слонов, чтобы продать или добыть в качестве трофея их зубы.

В этом смысле, и только в этом, африканский слон остается абсолютно «не поддающимся дрессировке».

Несмотря на рекорды охотников, у нас на Западе всегда восхищались и интересовались слонами. «Толстокожие», как называют их шоумены, являлись любимцами публики зоопарков и цирков во все времена. Их повадки всегда вызывают бесконечное любопытство. К ним неизменно относятся со снисходительной нежностью и даже с любовью, какую редко выказывают к большим и потенциально опасным животным. Главным образом эти чувства вызывает азиатский слон, во-первых, потому, что публика чаще видит именно его, а во-вторых, потому, что у него очень смешная внешность.

С обвисшей кожей, выпуклым лбом, болтающимися маленькими ушами и покатою спиной бедный родственник Тембо всем своим видом походит на задумчивую старушку, которая всю жизнь только и делала, что скребла полы. У азиатских слоних бивней нет, только «клыки» на уровне с челюстями, а у слонов бивни редко превышают четыре-пять футов и загибаются как попало. У некоторых вырастает лишь один бивень, а слоны на Цейлоне — все мукнасы, то есть без бивней. Азиатский слон более волосатый, на кончике его хобота имеется выступ, напоминающий палец, которым он щиплет траву. У Тембо, которому пастись приходится больше, есть два красивых маленьких «пальчика», которыми он может взять ветку и сорвать с нее целый пучок листьев.

Кожа у Тембо более крепкая, лоб ровно-покатый, уши напоминают огромные развевающиеся паруса, а задние ноги выше центра спины. Это животное — гораздо больше и сильнее азиатского. Самцы достигают высоты в среднем десяти с половиной футов в плече и весят пять с половиной тонн. Патриархом всех современных слонов, гигантом среди гигантов, был слон из Анголы, которого убили в 1955 году. Чучело его теперь находится в Смитсоновском музее в Вашингтоне. Высотой он был тридцать футов и два дюйма и весил *двенадцать* тонн.

Ну а вымершие слоны затмевали собой и ангольского патриарха. Американский императорский мамонт, обитавший во время ледникового периода на юго-западе Америки и в Мексике, был пятнадцать футов ростом, весил, по всей видимости, двадцать тонн и напоминал лохматый двухэтажный автобус, снабженный вместо бамперов бивнями четырнадцати — шестнадцати футов длиной. С этим фантастическим существом за титул самого большого в мире наземного млекопитающего мог тягаться только балуцитер — родственник носорога из Монголии, который был длиннее и выше, но, вероятно, полегче, так как своим скелетом он походит на очень толстого жирафа. Однако обоих огромных млекопитающих значительно превысили гигантские динозавры, вес которых составлял от пятидесяти до шестидесяти тонн. Но все исполины прошлого и настоящего — просто карлики в сравнении с невозмутимым великаном, самым большим животным в мире — стофутовым и стопятидесятитонным синим китом.

Сам Тембо представлен двумя разными подвидами, отличающимися размерами: большой, или слон буша и саванны, весящий в среднем от пяти до шести тонн; и лесной слон — именно на такого охотились мои друзья пигмеи, — который более темнокож, более лохмат, с круглыми ушами и нередко достигает веса пять тонн и высоты восемь футов. Слонихи обоих видов обыкновенно весят на тонну меньше самцов.

Так называемый карликовый слон Итури, по-моему, не существует. Различные ученые утверждают, что карликовый слон реален, ему даже дали название по-латыни, но, скорее всего, они принимают за него лесных слонов-подростков. И, хотя на его отстрел и выдают лицензии, еще никому не удалось найти ни мертвого, ни живого взрослого карликового слона. Когда я жил в Итури, я спрашивал пигмеев об этом слоне. Но ни один из них и слыхом не слыхивал о карликовом уку — так они называют лесного слона, и подобное животное не сохранилось даже в их легендах. Напротив, единственный слон, фигурирующий в их сказках, — это Пиобо, огромное чудовище, которое одной ногой может раздавить целый лагерь. Но, несмотря на его грозную репутацию, никто не боится встретиться с ним, так как он — всего лишь герой волшебных сказок пигмеев.

Африканский «водяной слон», который якобы обитает в болотах неподалеку от озера Леопольд II в Центральном Конго, — миф, сочиненный белым человеком. Говорят, что у этого невероятного животного кожа гладкая, как у гиппопотама, длинная, узкая шея, бивни отсутствуют, а хобот короткий, два фута. Какие-то европейские «свидетели» заявляют, что видели его, но я подозреваю, что они специально мистифицируют туристов, заманивая их своим «лох-несским чудовищем». По моему разумению, их отчеты достоверны в той же степени, как и дурацкие сказочки прелестной «Книги о слонах», популярной в Америке в 1963 году. Я имею в виду ту, в которой было написано: «Почему слоны переплывают реки, лежа на спине?» Ответ был, разумеется, следующим: «Чтобы не промочить свои розовые теннисные туфли».

Настоящего Тембо, обитающего в лесу и в саванне, природа наградила довольно занимательной анатомией. Хобот, уши, череп, ноги, мягкие части — все они в результате естественного отбора и образа жизни сильно

видоизменились. Так произошло с его гигантскими «клыками», которые, по существу, вовсе ими не являются, как и клыки гиппопотамов, бородавочников, китов и нарвалов — животных, которых тоже убивали ради их кости. У слонов клыков нет. То, что называют клыками или бивнями, на самом деле два верхних резца, единственные резцы у них имеющиеся. Сверху они покрыты эмалью и представляют собой сплошную слоновую кость, внутри сквозь весь резец тянется нервный тяж. Резцы растут на протяжении всей слоновьей жизни, но снаружи торчат лишь две трети бивня, остальная часть является корнем и находится в черепе.

Что касается максимальной длины бивня африканского слона, то, по крайней мере, один превзошел шестнадцатифутовый рекорд длины бивня мощного императорского мамонта. Гордон Камминг, ученый девятнадцатого века, упоминал о бивне, длиной двадцать один фут девять дюймов. Другие авторитеты того же времени утверждали, что один бивень достигает длины четырнадцати футов и весит 250, 300 и даже 400 фунтов. Этим фантастическим заявлениям нельзя полностью не доверять. Как писал в своей вполне достоверной работе «Животные Восточной Африки» Клив А. Спинадж: «Размер, которого достигают бивни слона в процессе роста, зависит преимущественно от наследственности, и совершенно очевидно, что нынешние слоны Восточной Африки обладают бивнями меньшими, чем обладали пятьдесят лет назад, и все из-за того, что большие особи постоянно подвергались отстрелу».

Таким образом, люди не только выдрессировали африканского слона вести себя как дикое животное; охотники, выбирая себе жертву, повлияли тем самым и на физическую эволюцию слонов.

«Официальными» рекордсменами по длине бивней является пара из Кении — у одного одиннадцать футов и пять с половиной дюймов длиной, у другого один-

надцать футов. Самая тяжелая пара бивней была у слона, который, до того как попасть в Британский музей, обитал на склонах горы Килиманджаро. Они весили 226 и 214 фунтов. Бивни в паре всегда немножко отличаются друг от друга длиной и весом, так как слон обычно предпочитает копать и рыть каким-нибудь одним. Большинство Тембо — «правши», как и мы, именно поэтому арабы называют праворукий бивень «эль хадам слуга».

Как-то раз в национальном парке Альберт в Конго я видел слона, у которого маленькие бивни росли с одной стороны головы. Возможно, это был каприз природы, но за такие капризы чаще всего ответственен человек: когда пуля неумелого охотника повреждает бивень, начинается абсцесс, и из раненого места могут порой появиться шесть или семь крошечных и абсолютно бесполезных бивней.

Тондо, или африканские слоны без бивней, как и цейлонские мукнасы, — обычно неполноценные самки. Однако, правда очень редко, и взрослый самец может не иметь бивней. Таких отклонившихся от нормы слонов преследовали некоторые племена Восточной Африки, а порой и белые охотники, только потому, что верили в необычную местную легенду о существовании Слоновьего Камня.

Так, например, один охотник на слонов прежних времен, Джон Альберт Джордан, который сам называл себя «самым плохим браконьером в Восточной Африке», утверждал, что «бивни тондо, растущие не снаружи, а внутри, образуют слоновий камень, в точности как жемчужина в устрице». Камень «больше, чем Кох-и-Нур, и чудесно сверкает», заявлял он, несмотря на то, что Кох-и-Нур, как и вообще бриллиант, представляет собой невыразительный кусок угля, пока его не огранят и не отшлифуют.

В своей книге «Слоны и слоновая кость» Джордан рассказывает:

«Однажды мы с вандеробо подстрелили слона без бивней. Этот большой слон всю ночь пролежал в лесу, и я весь потом обливался в ожидании утра, чтобы расколоть ему череп. Утром вандеробо разрубили ему череп топорами, и в правой части черепа, где обычно начинается бивень, обнаружился огромный шар слоновой кости, размером и формой с кокос. Я отпилил его ножом, веря в то, что внутри шара Камень, но там ничего не оказалось, одна слоновая кость. Но мне очень хочется думать, что камень существует».

Слава Богу, что нет легенд ни у местного населения, ни у белого — вообще никакой мистики — о слоновых коренных зубах. Никто не охотится на шеститонных гигантов, чтобы выдать за трофейный бивень или за осколок слоновой кости их коренные зубы, каждый из которых представляет собой восьми- или девятифунтовое скопление сплошных дентиновых пластин, состоящих из чистой кости, покрытой тонким слоем костной ткани, называемой цементным веществом зубов.

У Тембо только четыре больших коренных зуба — два в верхней челюсти и два в нижней. Когда он грызет твердые ветки, верхушка каждого зуба постепенно стирается до простой оболочки, и корень разрушается, но взамен четырех испорченных коренных зубов в деснах вырастают четыре новых. Как только новые зубы появляются, старые безболезненно выпадают. И слон может их проглотить, даже не заметив. Но вот когда ему приходится вытаскивать больной бивень, тогда наступает катастрофа.

Из-за того, что процесс смены коренных зубов проходит настолько легко, ученые никак не могут прийти к единому мнению, сколько коренных зубов может иметь за свою жизнь один слон. Некоторые полагают, что коренные зубы меняются у него шесть или семь раз. Другие считают, что у слона четырнадцать раз вырастают молочные зубы, и лишь потом появляются постоянные коренные. Однако все соглашаются в том, что коли-

чество имеющихся в наличии коренных зубов зависит от еще более поразительной цифры — прожитых лет слона.

Некоторые ученые, предполагающие, что зубы у слона меняются шесть-семь раз, считают, что живет он от шестидесяти до семидесяти лет. Те, кто приписывает ему четырнадцатиразовую смену зубов, полагают, что он в состоянии дожить до 120 лет и более. Другие, определяющие возраст Тембо не по зубам, а по бивням, называют еще большие цифры прожитых лет, потому что бивень живого слона в среднем увеличивается всего лишь на три четверти фута в год. Если взять за основу этот показатель, то 226-фунтовый бивень, хранящийся в Британском музее, принадлежал слону, прожившему 300 лет. 300-и 400-фунтовые бивни, подлинность которых не подтверждена, наводят на мысль, что слоны могут жить и пятьсот лет. Но, что парадоксально, ни один слон в неволе не прожил более шестидесяти — семидесяти лет.

Именно этот факт обычно служит главным доводом для утверждения, что *все* слоны живут семьдесят лет, как и человек. Я с этим не согласен. Продолжительность жизни слона, обитающего на свободе, нельзя сравнивать с продолжительностью жизни животных в зоопарках, потому что и в старых, и в новых зоопарках слонам не хватает подвижности и нужного количества особой пищи, которые необходимы для долгой жизни.

В африканских лесах и саваннах слоны питаются всевозможными листьями, травами, ветками, фруктами и кореньями. Поскольку их огромные желудки и кишки переваривают лишь 40—45 процентов поглощаемой пищи, самка может съесть в день 800 фунтов растительности, а самцы полтонны. Тем не менее они периодически постятся и очищают кишечник от глистов. Для этого они бивнями разрыхляют слабительное средство — разложившийся известняк или глину и принимают его в огромном количестве. Роют они землю и в поисках воды, потому что воды им требуется по меньшей мере пятьдесят галлонов в день, и при первой же возможнос-



ти они бредут к рекам, озерам или болотам, чтобы поплавать и охладиться. Чтобы совершать этот нескончаемый круговорот приема пищи, питья и купания, слонам приходится проходить двадцать миль в день, все это время наслаждаясь общественной и семейной жизнью. Животные же в зоопарках двигаются мало и питаются неправильно. Обыкновенно они получают 100 фунтов люцерны в день и в качестве добавки — хлеб, фрукты, овощи плюс арахис, орехи, шоколад и то, что им удастся выпросить у посетителей. И никому не известно, какой именно пищи им не хватает, до какой степени укорачивается их жизнь и по какой причине ухудшается их характер.

В людоеда превратиться может только психически ненормальный слон, и такое в самом деле произошло, но не в Африке, а в Швейцарии, в Цюрихе. Этот несчастный случай был описан У. К. Тепплером из Де Мойна, штата Айова, в письме, опубликованном в октябре 1958 года в журнале «Истина»:

«Избалованный слон восьми лет Чанг был лишен за непослушание ежедневной прогулки по зоопарку и посажен в слоновий ров. Молодая девушка-служанка решила утешить своего любимчика и вечером после обеда пошла к Чангу с хлебом, но домой не вернулась. Утром сторожа обнаружили на дне рва кровь, а в соломе человеческие руку и палец ноги. По непереваренным одежде, шляпе и сумочке было установлено, что Чанг съел девушку. Хозяин Чанга умолил не убивать слона. С тех пор животное держали на цепи, но через три года слон убил хозяина, забив его до смерти о прутья решетки. После этого Чанга расстреляли четырьмя пулями в голову. Это был первый и единственный слон, который превратился в людоеда».

Хотя никто не сравнивал поведение слона из Цюриха с поведением других слонов, известно, что самцы, содержащиеся в неволе, часто страдают от периодической депрессивной болезни, которая называется муст. Две

крошечные железы, расположенные прямо у висков, посередине между глазом и ухом, вдруг опухают и воспаляются. И оттуда начинает медленно сочиться темная дегтеподобная секреция, которая покрывает пятнами все слоновье лицо. Больное животное либо сильно возбуждается, либо впадает в апатию. И такой слон может изнасиловать слониху или попытаться проткнуть ее бивнями, он может озвереть и убежать, топча все, что попадется на пути, даже своего любимого хозяина. И ведет он себя подобным образом до тех пор, пока приступ сумасшествия не кончается. У самок симптомы этой необычной болезни проявляются редко.

Никто не знает, почему слоны внезапно заболевают мустом, но одно очевидно: живущие на свободе животные также временами страдают выделением дегтеподобной секреции из их височных желез, но с ума от этого сходят редко. Значит, в их естественной среде обитания существует нечто, что позволяет им оставаться спокойными.

Из-за муста самцов редко держат в цирках и зоопарках, и от этого у самок возникают физиологические проблемы. Им редко выпадает шанс для спаривания. А если они и спариваются, то почти никогда не производят на свет потомство. По этой причине им, как и бездетным женщинам, грозят рак и другие болезни, к тому же бесплодные слонихи предрасположены к физическим недомоганиям, врачам неизвестным. Существуют и психологические причины болезни, особенно в старых зоопарках: умные животные содержатся в темных маленьких помещениях, где нечего делать и нечему радоваться. От одиночества и тоски они даже умирают.

В общем, как мне кажется, африканские слоны могут прожить на свободе и сто лет, и больше, а в неволе шестьдесят или семьдесят, в зависимости от условий содержания. Когда дело касается слонов, так же как львов и людей, надо всегда иметь в виду, что все они очень раз-

ные. Большая часть людей живет не менее семидесяти лет. Однако в Соединенных Штатах примерно две тысячи человек достигли столетнего возраста, а самым старым человеком, по официальным сообщениям, был француз из Канады, Пьер Жубер, доживший до 113 лет, то есть он прожил столько же, сколько в среднем живут слоны.

Сколько лет прожил двенадцатитонный патриарх из Анголы, пока его не застрелили в 1955 году? Двести лет? Больше? Сколько потребовалось лет, чтобы ныне хранящийся в Британском музее бивень стал весить 226 фунтов? Сколько лет было полулегендарным бивням XIX века? Очень интересные вопросы, но ответа на них мы так и не получим, если белые охотники будут и дальше безжалостно уничтожать Большие Бивни — самих слонов, которые и сумели бы ответить на эти вопросы.

Возможно, срок жизни Тембо определяется по коренным зубам, но у него имеется еще одна важная часть анатомического строения, которая ему необходима, чтобы жить. «Хобот» слона, как мы его называем, на самом деле нос и верхняя губа, которые, соединившись, вытягиваются в крепкую, ловкую и очень чувствительную руку. Он дышит ею, нюхает, касается, ощущает, питтит от восторга, трубит от ярости, гладит и целует других слонов, засасывает воду в рот и даже высоко поднимает, будто дыхательную трубку, когда переходит реку по дну или плавает. Но, что важнее всего, он добывает ею еду.

Если слон лишается нижней части своего хобота, что может произойти после ранения или болезни, он по-прежнему в состоянии дышать оставшимся обрубок, пить воду из реки и озера и погружаться в воду по челюсти. Но брать этой культей пищу и класть себе в рот он не в состоянии, он не может собирать листья или траву ртом, так как рот слишком глубоко расположен за бивнями и мясистой частью хобота. И теоретически, по-

пав в такое ужасное положение, ему остается только одно: умереть от голода.

Я говорю «теоретически» потому, что однажды видел в национальном парке Куин-Элизабет в Уганде обитающего на свободе совершенно здорового и даже упитанного слона без хобота. Я сидел у колеса своего пикапа, наблюдая за небольшим стадом слонов, которые перемещались по бушу в ста милях от меня. Их было семеро, и ничего примечательного в них не было, как вдруг из чащи бамбука появился еще один слон и тут же исчез в других зарослях. И при виде этого живого парадокса я ахнул от изумления и, подскочив на месте, бросился вслед за слонами.

Стадо двигалось медленно, и мне удалось разглядеть свою «добычу». Хобот слона заканчивался огромным шрамом чуть ниже бивней. Наверное, он поранился во время поединка с другим самцом, и после серьезной болезни часть хобота отвалилась. На вид шрам был старым, но у слона и по сю пору был вполне цветущий вид.

Я нашел для себя ответ на эту загадку, но для подтверждения мне пришлось идти за стадом почти два часа. Наконец они остановились в мимозовой роще, все стали ощипывать деревья, а слон без хобота просто стоял и не двигался. Сначала все слоны подходили по очереди к своему другу-калеке и протягивали ему пучки веток с листьями. По-видимому, они так поступали уже несколько лет. Он же с готовностью открывал рот. Стараясь накормить его первым, два слона даже столкнулись друг с другом. Остальные терпеливо ожидали своей очереди. В результате они приволокли своему подопечному столько еды, что он был даже не в состоянии ее тщательно пережевывать. Какое-то время он жадно глотал, а потом крепко сжал рот и отказался от веток, отрицательно покачивая головой. И только тогда его друзья стали есть сами.

Случай необычный, но подобные товарищеские отношения у слонов обыкновенно являются правилом, а

не исключением. Люди нередко видели, как два слона пытаются спасти своего раненого товарища, поддерживая его своими телами. Эти животные очень часто обеспечивают социальной помощью своих старых граждан, особенно тех, чьи слух и обоняние ослабевают. Один-два самца помоложе, которых в Восточной Африке называют аскари, или слоновыми «полицейскими», сопровождают дряхлого старца, находясь с подветренной стороны, чтобы сразу учуять надвигающуюся опасность. Ни молодой, ни старый слон не видят далее сорока футов, но те, кто находится в расцвете жизни, при ветре ощущают человеческий запах на расстоянии более мили. Когда какой-нибудь запах вызывает у аскари подозрение, он гонит старого господина в укрытие. Если опасность грозит с противоположной стороны, аскари бросается на защиту своего подопечного.

Таким долгожителем, которого всегда сопровождал молодой телохранитель, был знаменитый Мохаммед, или Слон-Призрак, из резервата Марсабит в Кении. Как сообщали аборигены племен туркана и самбуру, у Мохаммеда были такие длинные и тяжелые бивни, что он был не в состоянии поднять голову и двигался задом: если он шел передом, бивни застревали в земле. Об этом слоне местные жители поведали мне в 1951 году, когда я ехал на север из резервации масаев к излюбленной территории Мохаммеда. Я несколько дней бродил по бушу в надежде увидеть его хоть глазком, но Слон-Призрак оправдал свое имя. С тех пор величественного старого самца и его аскари видели еще несколько раз — оба они шествовали с торжественным видом. Потом, в 1960 году, Мохаммеда наконец отыскиали, но уже умершего, по всей вероятности, от старости. Измерения показали, что он был двенадцати футов высотой с парой бивней, весящих вместе 250 фунтов.

Слон действительно может пробираться сквозь буш спиной, но лишь пребывая в сильном расстройстве чувств. Если пуля попадает ему в бивень и рана начинает

гноиться, то этот гигантский зуб становится настолько чувствительным, что любое прикосновение листы, растущей по обеим сторонам тропы, даже куст под животом слона причиняют ему невыносимую боль. А гниющий бивень, кишасший червями, вызывает и социальный остракизм: постоянно ощущая своим острым обонянием страшную вонь, другие слоны прогоняют больного из стада.

Если обломок поврежденного бивня достаточно длинный, Тембо пытается его выдернуть. Закрепив бивень клином в развилине дерева, животное дергается назад и таким образом выдергивает себе зуб. Боль он испытывает адскую — я однажды видел, как плакал, кричал и ревел от боли лесной слон, а ему порой приходится несколько раз совершать подобную процедуру, прежде чем бивень выскочит. Если обрубок слишком мал, ничто слона уже не спасет, даже другая пуля. Черные охотники избегают животных со сломанными бивнями, так как знакомы со слоновьей злобой. Белые же охотники, которые платят за лицензии сотни долларов, готовы на все, чтобы получить за свои деньги трофей.

Еще одного слона, знаменитого старого самца по кличке Метузелах, охранял, как и Мохаммеда, слоновий аскари. Метузелах обитал в национальном парке Мерчисонских водопадов в Уганде и постоянно пасся в одном и том же месте у реки, где росла нежная зеленая трава, но сфотографировать его так никому и не удалось. При появлении человека молодой телохранитель Метузелах свирепо трубил и отгонял прочь и егерей и зевак. Когда слон умер, все стадо столпилось вокруг его тела, чтобы оплакать. Они упорно отказывались расходиться — пришлось стрелять в воздух.

Часто стадо или отдельный слон, чтобы похоронить умершего, засыпают его ветками или корнями. Говорят, что, когда они тащат огромное тело в чашу, тщетно пытаясь спасти труп от гиен или от искателей слоновой кости, по лицам слонов текут слезы. Иногда животные,

на свой слоновий манер, сооружают сносную могилу и охотнику, которого победили в сражении. Мало того, будучи раненный сам, слон все равно засыпает человеческое тело ветками. Охотники, оставшиеся в живых после поединка Тембо и испытавшие на своей собственной шкуре слоновий похоронный обряд, впоследствии называли слона «злым» — наверное, потому, что животное не рыдало.

Смехотворные похороны описал Джордж Адамсон, главный егерь в Северном пограничном районе Кении, муж Джой Адамсон, автора «Рожденной свободной». Пожилая женщина народности тускана заблудилась и заснула под деревом. Посреди ночи ее разбудило стадо слонов. Один молодой сильный самец осторожно ощупывал хоботом ее тело, очевидно пытаясь удовлетворить свое любопытство. Старушка закричала на него — скорее всего «Пошел вон!» — на языке тускана, он скрылся, но потом вернулся опять. Она снова стала кричать и ругаться, и он опять скрылся. Но затем слон, должно быть, решил наказать ее за ругань: он оборвал колючее дерево и сложил ветки поверх громогласно протестующей пожилой леди, после чего он еще и пописал на нее. В целостности и сохранности, но вся мокрая, возмущенная жертва провела в западне несколько часов, и только утром ее освободил проходящий мимо козопас.

По моему разумению, этот слон зло подшутил над женщиной. Другой слон, которого не оскорбили, а ранили, выказал такой же черный юмор, устроив эксцентричные похороны не кому-нибудь, а нильскому крокодилу. Эта схватка, описанная С. Стоксом в его книге «Заповедник», была на редкость примечательной.

Очевидно, крокодил не на шутку проголодался, потому что даже весящие тонну представители его вида редко нападают на взрослого слона, да и слоненка трогать не рискнут, если поблизости взрослые. Во всяком случае, большущая рептилия схватила огромного слона за заднюю ногу, когда тот принимал ванну. От злости и бо-

ли слон заорал, зовя на помощь товарища. Второй слон стал топтать крокодила. Первый же, некоторое время повозмущавшись, схватил отдающую концы рептилию, вылез со своей ношей на берег и сунул большое тело в развилину дерева высоко над землей. Эта грубая шутка была явно преднамеренной, но, по-видимому, слон таким образом предупреждал на будущее весь крокодилий род — так таможенники прошлого вешали приговоренного к смерти контрабандиста на берегу.

У слонов устраиваются и поминки и похороны, но кладбищ слонов в природе не существуют. Несмотря на избитый миф, будто Тембо, ощущая дряхлость или приближающуюся смерть, совершает мистическое путешествие на некую Лесную Поляну в Африке, это не так — на самом деле он делает абсолютно противоположное. Как и старый Метузелах парка Мерчисонских водопадов, он временами, устроившись поблизости от удобного источника воды и пищи, нежит постаревшие ноги и челюсти. Но чаще он просто тащится позади стада, стараясь сносить все невзгоды. Да, кости его находят редко, но не находят также и костей южноафриканского буйвола, жирафа, носорога — никого из тех, кому приписывают постройки мифических кладбищ. Скелеты всех этих огромных животных остаются неразрушенными, почти вечными только в музеях. А вот в буше кости любого размера исчезают очень быстро. Сначала их грызут гиены, шакалы, дикобразы и крысы, потом за них принимаются хищники поменьше, такие как термиты, муравьи, паукообразные, жуки, многоножки и другие членистоногие с пилообразными зубами. А еще через некоторое время дождь, пожары, наводнение и гниение уничтожают все.

Твердая слоновая кость бивней более стойкая. И хотя она часто бывает поцарапанной или отмеченной зубами дикобразов и крыс, во влажном лесу она может гнить от пятидесяти до ста лет. Правда, это ей удастся редко, так как известно, какую большую роль мертвая слоновая



кость сыграла в истории Африки. В XVIII веке один из первых исследователей этого континента, шотландец Мунго Парк, рассказывал, как «часто собирают в лесах поцарапанные зубы слонов». И последующие исследователи, путешественники и охотники сообщали то же самое. Даже Карамоджо Белл рассказывал в начале XX века, что бивни «до сих пор лежат в буше, где лежали годами». Тем не менее миф о кладбищах для слонов существует до сих пор — и он более прочный, чем сами кости Тембо.

А на Востоке состряпали легенду почище, чем западная байка о заросшем мхом кладбище. По индийской легенде, слониха-дама выкапывает «яму любви», наполняет ее соблазнительными фруктами, ложится на спину посреди ароматных плодов и призывно трубит каждому проходящему мимо слону. Когда очарованный самец спускается в яму, они занимаются любовью целый месяц, иногда прерываясь, чтобы угостить друг друга фруктами.

Как ни смешно это звучит, но у этой сказки есть своя подоплека. Чуши в ней содержится порядком. Во-первых, слоны мужского и женского рода чаще падают в ямы, чем копают их. Во-вторых, они никогда не спариваются, лежа на спине и лицом к лицу, как киты или бобры. И в-третьих, случка занимает лишь несколько минут, а не несколько дней, недель или целый месяц, как принято считать. А вот период ухаживания длится долго. Влюбленная пара в течение нескольких месяцев угощает друг друга фруктами, протягивая их хоботами, и спаривание предлагает слониха. Что же касается романтического медового месяца, когда счастливая пара вместе гуляет, собирает фрукты и дарит их друг другу целых десять месяцев, — да, такое вполне вероятно, но только не в яме. Брак полигамного типа у слонов саванны временами длится годами, а маленькие лесные слоны, по всей видимости, моногамные и женятся один раз и на всю жизнь.

Любовные отношения слонов состоят из отдельных фаз: периода якобы платонической дружбы, затем стадии ухаживания, во время которой животные весело подталкивают друг друга головами, шаловливо пощипывают друг другу губы и любовно сплетают хоботы. Кульминация наступает, когда у самки начинается течка.

Слабые или молодые самцы иногда вступают друг с другом в настоящую гомосексуальную связь, которая, правда, длится недолго. Но сей факт удивления не вызывает, потому что многие животные, помимо человека, вступают в половую связь с представителями своего же пола. Этим славятся самцы приматов и павианов, домашний скот и лошади, а пара самцов дельфинов может стать неразлучными и даже отгонять прочь самок.

Но обычно самцы слонов выступают в роли соперников. Слониха, за которой ухаживают два слона, сначала может кокетничать с обоими, но затем делает выбор и уединяется со счастливицом для серьезных отношений. Тем не менее бывает, что молодая слониха продолжает водить за нос обоих, тогда приходит беда.

Соперники колотят друг друга головами, толкаются и наносят раны бивнями до той поры, пока один из них не отступит или не сдастся на милость победителя, опустившись на колени. Если же ради женских чар в бой вступает вожак стада, сдаваться не хочет никто. Жестокая битва длится до тех пор, пока один из соперников не получит серьезную рану или, что, правда, случается редко, не погибнет. Проигравший слон, как и побежденный лев-паша, может найти себе приют в другом стаде. Если у него это не получится, он превращается в бродягу, хотя и не обязательно с дурным нравом. Победителю в награду достанется его дама.

Такую влюбленную пару слонов я встретил в 1957 году, они находились в стадии собирания фруктов. Я брел через лес к лагерю пигмеев неподалеку от Могу-ды, как вдруг услышал возбужденные крики обезьян. Меня охватило любопытство, и я принялся продираться

сквозь колючий кустарник — казалось, он специально хватает меня за ноги. Протащившись четырьест футов, я уперся в огромное дерево и тут наконец узнал, о чем сплетничали обезьяны.

Примерно в пятидесяти футах от меня простиралась маленькая полянка, которую оккупировали два влюбленных слона. Стройная, маленького роста слониха весила тонны три, у нее были очень короткие бивни, лет ей было двенадцать — тринадцать, и она только-только входила в период половой зрелости. Самец весил примерно пять тонн, что для лесного слона много, и обладал тяжелыми симметричными бивнями. Она кружила по полянке, делая вид, что колеблется, и неискренне отбивалась. Когда он приблизился, она взмахнула хвостом, повернулась, прижалась к нему всем телом и стала гладить его хоботом, ласкала уши и бока, задерживаясь хоботом на нижней части его тела. Слон заурчал и потянулся к ней, но она отступила. А потом самым жестоким образом повторила весь эротический массаж сначала.

Продолжались эти игры еще минут десять. Наконец слониха перестала отступать. Слон подошел к ней сзади и на классический манер всех четвероногих мужского пола поднялся на задние ноги, положив передние ей на спину. Она хрюкнула, взвизгнула и раздвинула ноги. Следующие пять минут он нервно трубил в поисках своей цели — вагины слонихи, которая расположена не там, где у других женских особей млекопитающих, а почти в том же месте, что и пенис у самца. Опустившись на задние ноги, почти усевшись, он наконец добился своего. Соединившись, пара молча застыла в этой странной, чуть ли не в вертикальной позе на несколько минут. Его передние ноги покоились на заду партнерши. Затем он отошел с видом полного безразличия, а слониха захлопала ушами и нежно затрубила.

Медовый месяц длится до тех пор, пока самка не забеременеет. Обычно это происходит на девятый или десятый месяц. Тогда она теряет интерес к любовным

играм и становится холодна к своему партнеру. Он принимает эту ситуацию с восхитительным спокойствием и пускается на поиски другой любимой, временной или постоянной. А самка тоже ищет другую особь женского рода, но с иными намерениями: ей нужна подружка, «тетушка», которая составит ей компанию на весь период беременности, длящейся у слоних саванны двадцать четыре месяца, а у лесных — шестнадцать.

Рожает она в окружении стада. Слоны обступают ее рядами, глядя в сторону, будто британские солдаты в кадре, и обеспечивают ей защиту и от хищника-зверя, и от хищника-человека. Роды проходят быстро и обычно без осложнений, потому что близнецы появляются на свет редко, так же как и детеныш, лежащий в неправильном положении. Мать и «тетушка» осторожно отделяют плаценту от новорожденного, и на свет является дитя, в три фута ростом и весом от 150 до 200 фунтов, покрытое толстой «гусиной кожей».

Слоненок начинает ходить примерно через час, но это все, на что он способен. Его короткий слабый хобот абсолютно бесполезен. Как и человеческому детенышу, который несколько месяцев не умеет справляться со своими руками и не может даже взять погремушку, так и слоненку требуется время, чтобы научиться хватать предметы хоботом. На это уходит более шести месяцев. А сначала хобот для него одна обуза: когда он, привалившись к материнскому боку, пытается пососать ее своим ртом, хобот ему мешает, и все время приходится его куда-то девать. У слонихи между ее передними ногами расположена единственная пара сосков, они очень быстро наполняются молоком и своей формой и размерами напоминают женскую грудь.

Иногда слониха носит своего новорожденного на хоботе, но вскоре начинает учить его ходить позади нее. Если он рискует попасть ей под ноги, она шлепает его своим хоботом. Когда ему исполняется шесть месяцев, его отлучают от груди и разрешают шагать рядом или

между матерью и тетушкой. «Тетушка» обычно не отстаёт от матери с ребенком. Она — более альтруистическая дама, чем «тетушка»-львица, получающая за свой труд мясо. Эта слониха сторожит ребенка от хищников, помогает матери подталкивать его вверх по склону и переводить через реку.

Как-то раз на берегу реки Семлики, близ Ишанго, я видел, как с такой проблемой столкнулась обеспокоенная слониха, у которой «тетушки» не было. Стадо состояло из шести слонов: самца средних размеров, трех самок, подростка неопределенного возраста и то ли восьми-, то ли девятимесячного слоненка. Река в этом месте была мелкой, поэтому большие слоны просто перешли ее — вода была им по плечо. Ребенок же оставался на берегу, с сомнением глядя на воду. Он был слишком мал, чтобы переходить реку вброд, а плыть он явно боялся. Мать его, которая переходила реку последней, прилагала, как мне показалось, все усилия, чтобы не обращать на него внимание. По-видимому, она считала, что ему пора все делать самому.

Слоненок сделал несколько шагов вперед и поспешно вернулся обратно на берег. Потом он громко завопил, размахивая хоботом. Обернувшись, его мама несколько минут глядела на него — вероятно, надеясь, что детеныш успокоится и опять попытается войти в воду, но слоненок продолжал орать и размахивать хоботом. Не выдержав, она пошла к нему. Меня очень интересовало, что слониха будет делать: он был слишком велик, чтобы нести его на хоботе. Но скоро она показала мне, как в таких случаях надо поступать. Опустившись передними ногами на колени, она наклонила голову и очень осторожно подсунула свои бивни малышу под живот. Он тут же перестал верещать. Подняв высоко голову так, чтобы бивни оставались в горизонтальном положении, она медленно ступила в воду. Счастливый слоненок стал шлепать по воде хоботом, в точности как человеческий

детеныш плещется в ванне. Перейдя через реку, слониха очень аккуратно поставила его на землю.

Меня крайне поразила эта сцена, но то, что произошло потом, удивило еще больше.

Похлопав хоботом по маминой ноге, слоненок снова стал вопить. Она уставилась на него с выражением явного негодования, потом отвернулась и зашагала к стаду. Слоненок завизжал, шлепнулся на землю, перевернулся на спину и стал кататься, правда, потом поднялся на ноги. И когда она вернулась, на его лице появилось выражение ожидания. Она шлепнула его хоботом, подталкивая прочь от берега. Затем слониха глубоко вздохнула — так они выражают свое недовольство — и опустилась на колени, склонив голову. На сей раз слоненок не стал ждать, когда его поднимут, и сам забрался «на борт».

Терпеливая мамаша вернулась в реку и походила там кругами, а он все плескался. Когда она вернулась на берег и опустила голову, он опять закатил концерт. Слониха подняла бивни, и я на мгновение подумал, что она швырнет его в воду. Но она понесла его к стаду, которое находилось почти в двухстах футах, и поставила на землю, но уже не так ласково. Слоненок начал плакать, но мамаша, не обращая на него ни малейшего внимания и даже не поворачивая головы, пошла прочь. Он все плакал и плакал, но потом, очевидно сообразив, что довел мать до ручки, тихонечко последовал за ней.

Когда молодой слон попадает в беду, на помощь ему приходит все стадо. Один очень старый пигмей рассказывал мне о том, чему оказался свидетелем двадцать—тридцать лет назад. Он охотился на южном берегу реки Итури и, выследив маленького потто, застрелил его стрелой из лука. Потто лазил по ветке высокого дерева, стоящего у слоновьей тропы. Но крошечный лемур — родственник обезьян, который похож на плюшевого пучеглазого медвежонка, — не упал вниз; он, как и все потто, вцепился в ветку такой мертвой хваткой, что отодрать его можно было только после его смерти. Пигмей

забрался на дерево и осторожно пополз за потто по ветке, и тут далеко в буше послышался треск. Небольшое стадо двигалось по тропе к реке. Так как чаша была не густой, они шли по тропе не шеренгой, а топали неторопливым шагом как попало и по дороге щипали листву.

Лежа наверху среди листвы, пигмей видел их спины. Когда они оказались почти рядом с его деревом, раздался внезапный сильный треск ломающихся веток и пронзительный испуганный крик. Молодой слон, лет четырех-пяти, судя по его размерам, провалился в яму, вырытую неделей раньше неграми племени бамбуба. Бамбуба пытались подогнать к этой яме другое стадо, как объяснил мне пигмей, но их загонщикам не удалось пригнать слонов к этой ловушке, прикрытой ветками и листьями, сдобренными слоновьим навозом. На этот раз, возможно, потому, что человеческий запах полностью улетучился, ловушка поймала наконец жертву.

Услышав страдальческий крик молодого слона, все стадо бросилось к яме. Слон топтался беспомощно на самом дне. Он так жалобно плакал, что все стадо немедленно начало действовать. Две самки и молодой самец стали кругами ходить по подлеску, яростно ревя и круша все попадающиеся под ноги кусты и маленькие деревца. Они хотели напугать всех людей, которые предположительно прятались поблизости. Наблюдавшего за ними пигмея никто из них не учуял. Вцепившись в ветку, с потто в руке, он находился слишком высоко и далеко от них.

Другая пара слоних, под присмотром старого самца, который, наблюдая за их действиями, ворчал про себя, стали подрывать бивнями края ямы и ногами сбрасывать землю вниз. Во время работы они издавали горловые звуки, которыми утешали рыдающего пленника. Но время от времени они громко вскрикивали, выражая тем самым возмущение в адрес ловушки и тех, кто ее устроил. Молодой слон истерически негодовал вместе с ними, а земля все сыпалась и сыпалась ему на голову.

Вскоре к двум слонихам-спасателям присоединились три слона, разгромившие буш. И все вместе они мало-помалу соорудили нечто вроде земляной насыпи, которая покато спускалась в яму. Затем они протянули к узнику свои хоботы, за которые он ухватился, и стали вытаскивать его наружу. Старый же слон подталкивал молодого бивнями в зад. Ну, а потом, как сказал мой пигмей, «все уку встали кругом и, перед тем как уйти, серьезно обсудили происшедшее».

Этот случай может показаться неправдоподобным, но лишь тем, кто не видел слона в действии. Подобная сообразительность, живые эмоции и умение делать все сообща, как вместе с сородичами, так и вместе с людьми, слоны демонстрировали не раз в совершенно различных ситуациях. Тембо тоже строят дамбы, проявляя при этом знания инженерии, абсолютно идентичные навыкам дрессированных слонов, которым хорошо известны механические принципы скатов и наклонных плоскостей. Работая почти без присмотра, они подтаскивают бревна к оползням, тщательно укладывают каждое бревно наверху, толкают его передними ногами и с явным удовольствием следят за тем, как бревна шлепаются в воду. А оказавшись в глине или на плавуне, слоны-инженеры находят еще более замечательное решение этой проблемы механики. Они берут широкие доски, брошенные им людьми, и выбирают по узкому мостику, который сами же и выстраивают, постепенно укладывая доску за доской, причем ту, которая остается позади, перекладывают вперед.

Мало того, слоны понимают, что необходимо делать в таких случаях, — это само по себе уже вызывает удивление — поступок подобного рода требует наличия ума и физического координирования, то есть двух свойств, которые свидетельствуют о наличии мышления высокого уровня. Цирковые слоны способны выполнять такие трюки, которые диким слонам и не снились, демонстрируя необыкновенную согласованность дейст-



вий, что впечатляет еще и потому, что слон — животное огромных размеров. Они умеют ходить и на задних ногах, и на передних, переступать по рядам деревянных молочных бутылок и по канату, стоять на голове, балансировать на одной задней ноге на катящемся мяче, играть в крикет и ездить на велосипеде. Одни слоны быстро обучаются трюкам подобного рода, другие медленно, а есть и такие, которым определенные трюки не по силам, но все они являются личностями, обладающими разными мыслительными, эмоциональными и физическими способностями.

Однако в описаниях интеллектуальных способностей Тембо этот факт очень часто полностью игнорируется. В 1957 году профессор Б. Ренч из Мюнстерского университета в Германии проводил опыты со слонами. И когда ученые упоминают о слабых умственных способностях слона, то каждый раз ссылаются на него, потому что тому единственному животному, с которым экспериментировал Ренч, потребовалось 330 попыток для того, чтобы разрешить проблему ящика с секретом. Это, конечно, плохо, но слониха из зоопарка Бронкса в Нью-Йорке проявила поразительные способности, правда, после некоторого приступа дурного настроения. Этот случай забавно описывается в книге Венса Пакарда «Звериное Ай Кью»:

«Под ящиком были протянуты две струны. Сам ящик был с одной стороны темным, а с другой светлым. Слониха знала, что к одной из этих струн прикреплено замечательное яблоко. Но к какой? Задумчиво посозерцав струны, она потянула за пустую. Нет яблока! Сперва она заволновалась, а потом разъярилась. Она стала трябнуть и крайне раздраженно подергиваться.

Через некоторое время, когда слониха успокоилась, ей удалось решить загадку, но все это время психологи нервно цеплялись за ограду, готовясь перемахнуть ее в одно мгновение. Однако, к их огромному облегчению, слониха, серьезно поразмыслив, пришла к верному за-

ключению. И очень скоро она так ловко справлялась с поставленной задачей, что психологи остались без яблок».

Выходит, что допустивший промахи слон профессора Ренча — полный идиот, а слониха из зоопарка Бронкса — гений с характером. Это явное противоречие уже само по себе свидетельствует о наличии высокого уровня мышления у этого вида животных. Только у стоящих на верхней ступеньке представителей животного царства, таких как люди, приматы, обезьяны, собаки и крупные кошачьи, наблюдается столь разнообразное проявление индивидуального мышления. Животные с более слабыми умственными способностями редко отличаются от скучного среднего уровня. Среднего слона, если такое существо и впрямь имеется, следует сравнивать с плотоядными и даже с приматами, но собаку или кошку он превзойдет всеми своими талантами, которые и составляют интеллект.

Но кошки, волки, койоты и им подобные достигли такого уровня интеллекта благодаря тому, что им приходится преследовать убегающую жертву, то есть благодаря своему образу жизни, когда выжить удастся умнейшему. Тембо, который является травоядным, от этих животных-охотников защищен своими огромными размерами и силой. И что комично — на этого тяжеловесного гиганта осмеливаются нападать только самые маленькие существа: вирусы, заражающие его паратифом, пневмонией и простудой; бациллы чумы и трипаномы, вызывающие язвы; огромное количество паразитов, которые доставляют мучения его толстой, но чувствительной шкуре. Это — москиты, клещи, мухи и страшные сьяфу, или муравьи сафари, которые могут проникнуть внутрь хобота, когда слон ищет пищу в густых зарослях или в траве. Они причиняют животному такую безумную боль, что ему приходится во весь опор мчаться к воде. Такое поведение привело к возникновению мифа о том, что мыши «забираются в хобот слону,

чтобы сожрать его мозг». На самом деле это всего лишь миф, и более ничего. Если какая-либо спятившая мышь и попытается совершить подобный поступок, то в скором времени после долгого, громогласного и колоссального чиха она окажется выведенной на орбиту. Однако шевелящийся хобот может напугать какую-нибудь взволнованную кобру, мамбу, гадюку или другую «змею в траве», и она по ошибке укусит животное. От такого укуса слоненок может умереть, а взрослый слон серьезно заболеть.

Никакой «враг» не справится с таким количеством болезней и несчастных случаев, какие выпадают на долю слона. Так каким же образом этому огромному, недоступному, шеститонному травоядному удалось развить столь высокий уровень интеллекта?

Как ни парадоксально это может показаться, но ответ таится в том самом хоботе, который доставляет Тембо столько хлопот. Цепкий, подвижный, энергичный, состоящий из почти сорока тысяч различных мышц, он заканчивается тем, что я уже прежде назвал крепкой, ловкой и очень чувствительной рукой. Обучаясь пользоваться этой рукой — и как род, эволюционирующий веками, и как индивидуум в течение длительного периода младенчества, — слоны тренируют свои мозги воспринимать пространственные величины и механические проблемы на таком уровне, который абсолютно недоступен животным, не обладающим средствами для манипулирования объектами. Обезьяны, приматы и люди, снабженные более искусными руками, чем слоновий рукоподобный хобот, мастерски справляются с ящиками с секретами. А некоторые животные, у которых отсутствуют пальцы, но имеются подвижные, как руки, лапы, например американский очень умный енот, ловко разгадывают тайну ящиков с секретами и другие механические проблемы. Но лишенные рук собаки и кошки, которые так никогда и не развили соответствующие участки мозга, с трудом решают задачи подобного рода и

в естественных условиях не обладают способностями к инженерии. Несмотря на высокие умственные способности, хотя и иного склада, и лев и леопард, угодив в яму, успеют превратиться в кучу окаменевших костей, пока какой-нибудь представитель кошачьего племени догадается соорудить скат для их спасения.

Являются ли способности к механике основой интеллекта человека? По всей видимости, люди считают именно так, давным-давно определив человека как «животное, пользующееся орудием труда». Но подобное определение потеряло всякий смысл, когда люди увидели, как морские выдры камнями раскалывают раковины моллюсков, а тяжеловесные и очень ленивые гориллы, вместо того чтобы залезть на дерево, сбивают фрукты длинной крючковатой палкой; или как предприимчивые шимпанзе разбивают каменными осколками плоды с твердой кожурой и собирают термитов на палку, чтобы облизать ее, словно дети, облизывающие засахаренные яблоки, а еще шимпанзе используют листья взамен туалетной бумаги. И галапагосские вьюрки давным-давно стали членами элитной компании пользующихся орудиями труда, причем только потому, что прутиком, зажатым в клюве, они выковыривают насекомых из разных щелей. Египетский стервятник, которого еще не так давно считали обычным хищником, удостоился заметки в «Тайме». Зоолог Джейн Гудолл сфотографировала его в тот момент, когда он клювом подбирал маленькие камешки и кидал их в устриц с твердым панцирем. Но Тембо никто «официально» не признал как пользующегося орудиями труда, хотя его скаты, дамбы и мостики могут вполне соперничать с достижениями шимпанзе, ну а стервятники или вьюрки в сравнении со слоном и впрямь имеют птичьи мозги.

Дабы соорудить чудеса подобного рода, слоны для работы, требующей точности, пускают в ход рукоподобные хоботы. А их орудием труда являются бивни, которыми они копают как кирками, вырывают деревья слов-

но рычагом, поднимают, держат и перетаскивают грузы будто вилчатым погрузчиком. Но помимо этих «встроенных» орудий труда и великолепного знания о том, как ими пользоваться, Тембо обладает и другими навыками, которые свидетельствуют о том, что слон воистину умеет пользоваться орудиями труда. Он ведь и товарища спасает, сооружая наклонную плоскость, и развилку в дереве использует как клещи для выдирания зубов — всему этому нет до сих пор документальных свидетельств: фотографий. Что же касается метательных способностей египетского стервятника, то я не раз видел, как лесные слоны, опьянев после обеда забродившими фруктами, с удовольствием и хихиканьем подают свечи, словно волейболисты, мокрыми фруктами прямоком в головы и в задницы своих товарищей. Они всего лишь веселились, но принцип-то тот же. Более того, дрессированные слоны классических времен метали дротики с силой и удивительной точностью; а современные дрессированные слоны — восхитительная команда Джона Гиндла в цирке Бертрама Миллса — выучились держать хоботами биты и подавать, принимать и передавать партнерам крикетные мячи. И от этой игры они сами получают огромное удовольствие.

А вот способность к памяти Тембо сильно увеличивается. Утверждение, что «слон никогда не забывает», стало пословицей, но слоны, как и люди, часто забывают то, что не имеет для них большого значения, однако хорошо помнят то, что их научили помнить. В тех случаях, когда для выполнения каких-либо действий или трюков с ними требуется долго репетировать, нам следует вспоминать о том, с каким трудом наши собственные дети учились писать: им приходилось снова и снова писать одну и ту же букву алфавита, прежде чем у них что-то получилось. Но в целом, у слонов прекрасная память, и на арене цирка на них можно вполне положиться, чего не скажешь о нервных кошках, тугодумах медведях и непредсказуемых шимпанзе. Однако, как и

другие способности, память может быть различной в зависимости от индивидуума.

Другой смысл утверждения, что «слон никогда не забывает», состоит в том, что эти животные надолго затаивают злобу против тех людей, которые причинили им неприятности, и ждут момента, чтобы отомстить. Мало того, что это неправда, это еще и чушь собачья. Если бы Тембо действительно затаивал злобу, половина слоновьей популяции в Африке уже бы носилась, охваченная амоком, и мстила бы и черным и белым охотникам, которые постоянно их преследуют. На самом же деле те слоны, которые уже знакомы с охотой, и те, которые носят пулю в своей плоти или кости, все равно не станут первыми нападать на человека. Да, попадают особи с крутым нравом. И такие раздражительные типы могут проявить инициативу, не дожидаясь, когда прежние или новые мучители начнут снова их изводить. Ну а слонов, содержащихся в зоопарках и в цирках, садисты человеческого вида частенько дразнят и даже пытаются. И такие вот слоны не верят никому, за исключением своих верных друзей и зрителей.

Большая часть этих друзей и зрителей от Сиам до Конго разделяет убеждение пигмеев, что «уку разговаривают друг с другом». Они верят в то, что горловые звуки, издаваемые слонами, являются на самом деле примитивной речью, к которой прибавляется чуть ли не телепатическое понимание. Еще они верят в то, что дрессированные слоны при общении с человеком применяют именно свои умственные способности к телепатии. И понимают они куда больше, чем тридцать — срок слов-команд корнака и сигналов рукой и хаукусами.

Наверное, слон обладает развитой до феноменального уровня интуицией, а не телепатией. Во всяком случае, чем бы он там ни обладал, я сам, имея дело со слонами, ощущал у них нечто подобное. Об этом я слышал и от других. Замечательный натуралист Айвен Сандерсон пишет, что «попадались слоны, которые, будучи знако-

мыми со мной меньше часа, выполняли мои команды, *прежде* чем я произносил их вслух, находясь при этом от них на расстоянии». А конголезский корнак Бодeko из леса Итури часто повторял про свою слониху, что «Белла слушает внимательнее, чем люди, и умеет разговаривать бесшумно».

Белла была одной из двух лесных слоних, которых я купил в мае 1959 года на частной станции, неподалеку от правительственного лагеря по обучению слонов в Эпулу. Это была взрослая слониха, весом в четыре тонны и с острыми, четырех футов длиной бивнями. Ее подруга Венера ростом была чуть пониже, а весом на полтонны меньше. У нее были короткие, похожие на обрубки бивни и слегка капризное выражение лица. Купив слоних, я тут же нанял двух корнаков, Бодeko и его брата Бокве. Эти два замечательных человека, пройдя обучение в лагере Эпулу, проявляли гораздо больше интереса, симпатии и понимания к своим громадным подопечным, чем к женам и детям. Они являлись представителями небольшого племени пигмоидов балеze и прежде относились к слонам как к ньяме, мясу. Именно так черное население Африки воспринимает все великолепное животное царство. Но теперь мои корнаки относились к слонам как к людям.

Что же касается самих слоних, я хочу процитировать слова Бодeko, которые он произнес, когда знакомил меня с животными. «Белла — гораздо умнее слона моего брата, — объяснил он. — Она говорит маленькой, что надо делать. Вы только посмотрите, как они разговаривают друг с другом. Но эта Венера! Вечно она голодная. Она ест больше, чем большая, и все равно ей мало. Постоянно волнуется по пустякам и хочет, чтобы ее любили и без конца баловали. Она делает так, что всю черную работу за нее выполняет Белла, а лавры пожинает сама. Настоящий ребенок! Но у Беллы доброе сердце, и она все равно любит Венеру. Они будто две сестры. И я ду-

маю, что если вы одну из них продадите, то они обе умрут».

Я не собирался продавать ни одну из них. Наоборот, по примеру Ганнибала намеревался промаршировать со своими двумя слонихами и их погонщиками через лес Итури, перейти через хребет Митумба — мои Альпы, только низкорослые, — и кручи Кабаша, чтобы добраться до моего будущего парка для животных рядом с границей Руанды. Но, в отличие от Ганнибала, я собирался сопровождать свой отряд, сидя в старом пикапе.

Путешествие заняло восемь дней, за которые мы прошли четыреста миль, при этом слоны шагали в среднем от пяти до шести миль в час, а я ездил туда-сюда, предупреждая жителей городков и деревень, через которые проходил наш путь, чтобы они не паниковали. За эти восемь дней произошла масса всяких историй, о чем я подробно рассказал в «Китабу о Конго». Главное, чем отличался весь наш поход, было изумление местного населения при виде Беллы и Венеры. И то, что произошло в Момбасе, первом крупном городе на пути нашего следования, повторялось повсюду, только с различными вариациями.

По обеим сторонам «главной улицы» Момбасы стояли ряды переговаривающихся жителей, главным образом народностей балеze и бабира. От нетерпения они просто сходили с ума. На улицу под грохот барабанов высыпало все население города плюс жители близлежащих деревень. За исключением нескольких охотников, никто из них не видел прежде слонов. По утрам, когда они обнаруживали, что их поля вытоптаны, а плантации кофейных деревьев опустошены, они проклинали бесовесных животных, которые нанесли им такой урон. Днем же слоны обходили возделанные поля стороной, предпочитая воровать сладкий картофель и сахарный тростник под покровом ночи. И как ни парадоксально, но обитатели родины лесных слонов ожидали их появ-



ления с лихорадочным возбуждением, в то время как белые туристы из местного отеля «Пигмеи» наблюдали за всем происходящим со скупающим выражением лица. Все они не только видели слонов в национальном парке Конго, но и были уже знакомы с ними — или полагали, что знакомы, — по зоопаркам, циркам, кинофильмам, телевидению, книгам и журналам.

Местные жители, столпившись на улице, спорили о том, как на самом деле выглядит слон, и состязались друг с другом в сочинении самых невероятных и самых поразительных описаний. Один человек, который, надо полагать, видел гиппопотама, описывал Тембо как гигантскую свинью с длинными-преддлинными ногами, похожими на стволы деревьев, с длинным-преддлинным носом, который тянется от верхушки головы до пальцев ноги. Слушатели освистали его, и вперед выступили другие местные эксперты. Их описание было еще более необычным: слоны — высокие, как самые огромные деревья, уши — такие гигантские, что могут отбросить тень на всю Момбасу, пастью они изрыгают огонь, а из-под хвоста валит дым.

Я начал бояться, что при виде моих изящных, среднего роста и некурящих леди они разочаруются. Но, когда Белла с Венерой вступили в Момбасу, раздался взрыв восторга. «Тембо!» — кричали мужчины и скакали вверх, как масаи. «Тембо!» — визжали женщины, округлив от удивления большие недоверчивые глаза. «Тембо!» — пищали крошечные детишки, с восторженным ужасом цепляясь за ноги своих матерей. «Тембо! Тембо! Тембо!»

Толпа неистовствовала, слоны оставались спокойными. Белла смотрела вокруг с величественным и чуть снисходительным видом, будто вдова-аристократка на игру в бейсбол, но Венере подобное внимание было явно по вкусу — она тихонечко трубила, а зеваки с восторгом ахали. Бокве усмехался, сидя у нее на спине. Он устроился на подушке, украшенной гирляндой из листь-

ев, в правой руке он держал свой хаукус, а в левой веревку, которая опоясывала массивное тело Венеры, захватывая передние ноги. Толпа глазела на Бокве с Венерой с неописуемым восторгом. Люди сознавали, что в любой момент этой демонстрации обоим корнякам может грозить смерть. Я не удержался и улыбнулся. Прошлым вечером Бодоко признался, что ему приходится стараться изо всех сил, чтобы не заснуть во время долгих переходов.

В Мугвате, каменистой саванне, поросшей деревьями, в двадцати милях к северу от границы Конго с Руандой, Белла с Венерой вместе со своими корняками стали первыми обитателями моего нового парка для животных. Восьмидневный марш через восточное Конго был завершен, и у меня появилась надежда, что африканцы и слоны могут научиться жить сообща — им надо только лучше узнать друг друга. Ум и доброта двух погонщиков народности баледе показали людям, какими благотворными могут быть эти взаимоотношения. А дружеское любопытство, которое неискушенные аборигены проявляли во время всего нашего путешествия, доказало, что «человек буша» средних способностей может в один прекрасный день достичь того же уровня полного взаимопонимания. Но моя надежда была разбита вдребезги, если не уничтожена полностью, в июле 1960 года.

В течение первых дней независимости Конго только в одном национальном парке Альберт было убито более тысячи слонов. Буйволы, антилопы и бегемоты погибли вместе с ними, их перебили в таких количествах, что стервятники и гиены были не в состоянии управиться с трупами. После тридцати пяти лет полной безопасности животные совершенно забыли о том, что такое оружие. И они доверчиво встретили орды местных браконьеров, которые явились их перестрелять, чтобы забрать у них бивни, мясо и рога. Мятежные солдаты конголезской армии тоже приняли участие в этой резне. А некоторые, как доложил мне один бунтовщик, обстреливали слонов

из пулеметов и швыряли в них гранаты «просто ради смеха».

Позже, в июле, после трех недель новой свободы убивать в Конго, я проезжал по национальному парку Альберт, где прежде, как и в национальных парках Америки, охранялись не только животные, но и камни и растения. Теперь же парк превратился в огромную грудку разлагающихся трупов. Недалеко от дороги в секторе Руинди, площадью в двести футов, лежали шесть раздувшихся трупов слонов. Их бивни были вырублены топорами, из челюстей торчали обломки слоновой кости, облепленные мухами. Даже молодые слоники, чьи короткие бивни весили не больше десяти фунтов, были убиты и изувечены.

В южной части парка Рутсхуру браконьер-абориген попытался «договориться» со мной о большой партии слоновой кости. Половина его хижины, стоявшей у дороги, была забита свежими бивнями, которые он добыл за последние три недели. Решив получить официальную помощь, я обратился в территориальный орган управления Рутсхуру, где меня встретил новый администратор из местных жителей. Он был прекрасно одет и хорошо образован, бегло говорил по-французски, но, на мой взгляд, был менее цивилизованным, чем два корнака из леса Итури.

«Миру явилось новое Конго, — сообщил он мне, — и потребности его народа гораздо важнее потребностей диких зверей. Вы тут рассказываете мне сентиментальные истории об убитых слонах, а меня заботит мой народ, которому очень нужны мясо и бивни. Если люди торгуют слоновой костью, значит, им крайне необходимо покупать другие вещи. И если голодные конголезцы убивают и едят слонов, сытые европейцы — лицемерят, если осуждают их».

«А что станет есть ваш народ, когда слоны кончатся? — спросил я. — И буйволы? И антилопы?»

«Такого никогда не случится, — ответил он с улыбкой. — Разве возможно пересчитать слонов в лесу или антилоп в саванне?»

Разве возможно было пересчитать огромное количество бизонов, блуждающих по североамериканским прериям, число которых предположительно достигало шестидесяти миллионов, но после двадцати пяти лет бесконечной резни дошло до грани исчезновения?

И другие конголезские администраторы в Восточной Африке наивно верили в то, что дарам природы нет конца. В поисках быстрых и легких доходов они открывали американским туристам доступ в один резерват за другим, обещая им «гарантированное убийство». А некоторые официальные власти придерживались и другого наивного взгляда. После того как я покинул Африку, я узнал, к своему полному изумлению, о планах «увеличения продукции и национального дохода», выдвинутых специальным членом законодательного органа Уганды Ф. К. Онамой. Как сообщала газета «Аргус» Уганды: «Один из проектов увеличения продукции заключался в том, чтобы закрыть Департамент по охране диких животных и перестрелять всех диких зверей за пределами национальных парков. «Если вам не хватает денег, просто перестреляйте всех слонов и продайте бивни», — сказал он».

В «Аргусе» также писали:

«Вчера на аукционе слоновой кости в Момбасе цены оказались самыми низкими за последние десять лет. После аукциона продавцы привели этому две причины — огромное количество конголезской слоновой кости, наводнившей Восточную Африку, и частичное закрытие одного из самых больших рынков в мире из-за строгих ограничений импорта, введенных правительством Индии. Один торговец обнаружил, что, по крайней мере, 200 000 фунтов конголезской слоновой кости лежат в запасниках частных складов только в одной Момбасе, по

сравнению с 60 201 фунтом вчерашней официальной продажи...»

Двести шестьдесят тысяч фунтов конголезской слоновой кости и больше пушено на ветер. Исходя из количества убитых животных, бивень стоит не более двадцати фунтов, а пара — пятьдесят. Согласно этим цифрам, резцы более пяти тысяч высокоразвитых существ навалены кучей на складах — африканская версия Дахау и Бухенвальда! — чтобы впоследствии быть проданными по цене от десяти до двадцати шиллингов за фунт. Даже если не принимать во внимание чувства человечности и гуманности, конголезские слоны в лучшем случае стоят сто долларов за штуку, а обученные и дрессированные слоны, которых можно продать зоопаркам и циркам, от пятисот до семисот долларов.

Как любил повторять Бокве: «Я думаю, что слоны умнее людей».





## КИБОКО

### *Жирный пролетарий*

Гиппопотам, или, как его называют греки, «речная лошадь», обожает плескаться в реках, озерах, мелких прудах и зловонных канавах с грязью. Он хрюкает, урчит, фырчит, свистит, мычит, рыгает или дрыхнет на отмели, используя в качестве подушки спину близлежащего товарища. Плавают они со скоростью более десяти узлов в час и могут оставаться под водой от пяти до десяти минут. Но, когда наступает ночь, они бродят по земле, и таковой является вторая — ночная пара их водного образа жизни.

Дорожки для игры в гольф города Джинджа, расположенные неподалеку от водопада Рипон и озера Виктория-Ньянза в Уганде, — любимое место прогулок местных бегемотов. Они путешествуют от лужайки к лужайке всю ночь и радостно косят всю траву, оставляя за собой параллельные колеи, выглядящие точь-в-точь

как дорожки с отпечатками от широких колес карта. Игроки в гольф бесновались и ругались до тех пор, пока клуб Джинджи не ввел официально новое правило в игру: если мячик приземляется прямым в след гиппопотама, его разрешается забрать и положить на торф рядом без штрафа.

В лагере Руинди национального парка Альберт в Конго у бегемотов была привычка бродить по округе лунными ночами. Иногда они ухитрялись протопать целую милю от реки Руинди, причем исключительно для того, чтобы постоять рядом с рестораном и поглазеть на жующих, пьющих, болтающих и играющих в карты туристов. Зато днем туристы ходят к реке поглазеть на гиппопотамов.

«Речные лошади» Восточной, Западной, Центральной и Южной Африки очень любят путешествовать, но по пути они лакомятся просом, маисом, рисом, сахарным тростником и опустошают поля местных жителей, нанося им куда больший урон, чем буйволы и слоны. Самые отважные бегемоты пробираются в маленькие городки, чтобы исследовать мусорные ведра и уничтожить цветочные клумбы. Как-то раз в южноафриканском городе Дурбане бегемотиха по имени Хуберта опрокинула на главной улице лоток с фруктами и попыталась пробраться в кинотеатр, чтобы посмотреть фильм с участием Джуди Гарланд. Хуберта странствовала по провинции Наталь и Трансвааль и прошагала сто миль со скоростью в среднем миля в день. За время своих скитаний она посещала деревни, фермы, города, церкви и индуистские храмы. А в буддистском монастыре она прожила три дня, за которые очистила весь сад от кустов и цветов.

Посетителям зоопарков западного мира подобные истории покажутся удивительными. Они привыкли приходить к пруду бегемота и пялиться на расплывчатые очертания на дне. Через несколько минут животное всплывает. И на мгновение взгляду предстают глаза, по форме напоминающие башенки, и ноздри, будто

смотровые щели на раздутой физиономии. Животное вновь уходит под воду. И зрители покидают пруд бебегота, оставаясь в полной уверенности, что это жирное, неповоротливое животное всю жизнь проводит исключительно в воде. Ну, в лучшем случае иногда выползает на берег. И сообщения о том, что бегемот разгуливает по дорожкам для гольфа или по церковному двору, они воспринимают как диснеевский мультфильм или галлюцинацию, вызванную употреблением ЛСД.

Да, Кибoko толстый, но никак не неповоротливый. Он не только мастерски занимается водными видами спорта, но удивительно подвижен и на земле, где гуляет от заката до рассвета, порой и в дождливые дни. Если путешествие затягивается и кожа начинает сохнуть, подкожные железы выделяют что-то вроде «лосьона для загара» — красноватую маслянистую жидкость, которая успокаивает и смазывает его кожу. Именно по этой причине люди еще с библейских времен верят в то, что гиппопотамы «потеют кровью».

Чтобы найти объяснение столь необычному двойному образу жизни — водному днем и наземному ночью, — местные сказители Конго сочинили уйму легенд. Большинство они непристойные, но Кибoko такой толстый... Название его на языке суахили звучит как разухабистая дробь и гораздо больше подходит гиппопотаму, чем дурацкое греческое «речная лошадь».

Как рассказывается в легенде племени азанде, было время, когда Кибoko и днем и ночью жил только в саванне. Но вот наступила сушь, подул знойный ветер, сверкнула молния, и с треском загорелась трава. Несчастный, перепуганный и обожженный Кибoko плюхнулся в ближайшее озеро и с громогласным плеском приводнился среди потрясенных рыб. «Это наша территория, — закричали они. — Захлопни свою зевающую пасть с большими клыками и катись отсюда! Мы не позволим, чтобы съели нас и наших детей».



«Позвольте мне остаться, — взмолился гиппопотам. — Клянусь, что я не буду вас есть. Ночью я буду выходить на берег и жевать траву».

«Так мы тебе и поверили, — прошипели недоверчивые рыбы. — А как мы узнаем, что ты нас не обманешь?»

Гиппопотам стал мучительно размышлять. «Есть только один способ доказать мою честность, — наконец предложил он. — Как только я буду нырять, то стану поднимать хвост и какать. И в какашках вы не найдете ни единой рыбьей косточки».

И Кибоко так и поступает, производя эти странные манипуляции как в воде, так и на земле, но отнюдь не во благо рыб-скептиков. Таким способом гиппопотам помечает обычно территорию и делает это так часто, неистово вертя хвостом, словно маятником, что пруды в зоопарках приходится осушать и чистить каждый день. И что еще интереснее, если бегемот осмеливается нарушить чужую территорию или оказывается там случайно, противники устраивают фантастический поединок: они «стреляют» друг в друга, но не пулями, а дерьмом, размахивая хвостами. И во все стороны летит помет. Затем нарушитель отступает, но по непонятной причине обе стороны приходят к выводу, что честь свою они защитили. В том случае, когда самец помоложе решает бросить самцу постарше серьезный вызов и завоевать тем самым право на определенную территорию — особенно в переполненных ареалах, — они оба вступают в настоящий бой и колошматят и лупят друг друга полночи, впиваясь в бока противника клыками и острыми коренными зубами.

И такую битву можно считать воистину героической, потому что взрослые бегемоты в длину достигают четырнадцати футов, в высоту пяти футов и веса трех тонн. Попадаются самцы, весящие больше восьми тысяч фунтов, то есть они гораздо тяжелее высоких и длинных белых носорогов, которых обыкновенно считают вторыми самыми большими земными млекопитающими. На

эту тему можно спорить бесконечно, но какой в этом смысл? Пусть носорог остается вторым, а Кибoko третьим, но удостоившимся специального утешительного приза — только что придуманного мною титула «самого толстого в мире земного млекопитающего».

Носорога и бегемота по росту обгоняет слон, но эти три гиганта-тяжеловеса не связаны между собой родственными узами. У очень высокого слона имеются родственные связи с дюгонями, ламантинами, вымершими морскими коровами и крошечными даманами, или «кроликами», в то время как носорог имеет отношение к лошадям, а гиппопотам является близким родственником бородавочников, диких кабанов и домашних поросят.

Убедительным подтверждением этих родственных связей представляет собой карликовый бегемот. В отличие от «карликового слона», он — отнюдь не миф, и, хотя своей анатомией очень напоминает большого гиппопотама, и ростом и повадками он сходен с диким кабаном. Шести футов длиной и трех футов высотой, он весит четыреста фунтов, что характерно для свиней, и мигрирует по болотам и лесам Западной Африки, но при этом никогда не собирается в стада и не обитает в реках.

Место Кибoko в природе отчетливо понимали в Древнем Египте, где его называли «речной свиньей». Греки затем превратили его в «речную лошадь», а несколькими веками позже голландцы сделали из него seekoei — «морскую корову». Тем временем арабы называли его словом, которое означало «водяной буйвол», а простой народ в арабских странах полагал его «рыбой». По законам ислама, сходным с верованиями ортодоксальных иудеев, мясо считается нечистым, если животному заживо не перерезают горло. У рыбы, однако, имеются будто прорезанные в маске щели-жабры — «метки от ножа пророка»; таким образом, рыба составляет исключение. Перерезать горло весящему три тонны животному нелегко, но бегемот половину своей жизни

проводит в воде, соответственно, его очень удобно считать кошерной рыбой.

Пытаясь привести в порядок существующие противоречия по этому вопросу, зоологи начала XIX века только ухудшили положение. Они назвали гиппопотамов толстокожими, объединив их вместе со слонами и носорогами в одно искусственное семейство. И это ошибочное наименование, давным-давно исправленное, все еще употребляется обычными людьми и в цирках, где слонов называют в соответствии с классическим стилем П. Т. Барнума, неповоротливыми и толстокожими. Но те, кто видит бегемота впервые, используют еще один эпитет для описания этого добродушного коротышки-толстячка — они с ужасом и отвращением заявляют, что Кибoko «урод», чуть ли не самое уродливое из всех животных.

По моему разумению, это надуманно и ошибочно. Я бы назвал бегемота *joli-laid* — очень удачным французским словом, которое переводится как «очаровашка-страшилка» и применяется по отношению к людям, которые настолько некрасивы, что кажутся прекрасными особой, свойственной только им красотой. Таким на редкость *joli-laid* был Фернандель, комедийный актер с лошадиным лицом. Такими были и Джордж Арлисс, Чарльз Лаутон, Уоллес Бири и другие знаменитые актеры и комедианты прошлого. И я предполагаю, что гиппопотамы, бородавочники, носороги, стервятники, крокодилы, гиены и все так называемые звери-уроды — на самом деле великие комики мира животных. А чтобы удостовериться в этом, вам просто надо за ними понаблюдать.

Кибoko похож на перевернутый бочонок грифельного цвета, обтянутый почти лишенной шерсти шкурой. В обхвате он примерно тех же размеров, что и в длину, поэтому, когда он топает, переваливаясь на своих напминающих обрубки ног, его розоватый живот чуть ли не волочится по земле. Когда он бодро шагает вперед,

левый и правый его борта болтаются совершенно независимо друг от друга. Начинается он с огромной ящико-подобной головы, а кончается дурацким хвостом в восемнадцать дюймов. Круглые уши, расположенные на самой верхушке его головы, — маленькие и ни на секунду не перестают подергиваться. Глаза, как раз перед ушами, торчат в углублениях, напоминающих глазницы перископа, в точности как у крокодилов и лягушек. Благодаря этому он может следить за чем угодно, прячась целиком в воде. Его квадратная морда, шириной в два фута, покрыта щетинистыми волосками и в самой высшей точке увенчана ноздрями, похожими на прорези в маске. Так же как и уши, они могут плотно закрываться по его собственному желанию — это позволяет ему нырять, плавать, ходить и даже спать под водой.

В воду он погружается двумя абсолютно различными способами. Если он решает нырнуть, будучи в воде, то сначала опускает медленно зад, а потом уже весь уходит под воду. Но, если ему срочно надо броситься в воду с высокого берега, он ныряет туда вперед головой — как и первый гиппопотам из мифа азанде — и шлепается в рыбе царство с всплеском такой силы, будто в воде оказался Гаргантюа. Всплывая, он с громким фырканием выдувает из ноздрей воздух и извергает столб воды.

Так выглядит Кибоко, когда рот у него закрыт. Когда же он, просто зевая или угрожая своему врагу на земле или в воде, открывает во всю ширь пасть, то создается впечатление, что голова его раскалывается пополам. Разинутая пасть Кибоко, длиной примерно три фута от одного конца челюсти до другой, выглядит как гигантская красная пещера со сталактитами и сталагмитами из кости.

Он обладает четырнадцатью парами коренных и премолярных зубов, которые ежедневно справляются с двумя-четырьмя сотнями фунтов травы и кормовых растений, растущих на земле, и несколькими видами водяных растений, главным образом лотосами и водяными

лилиями. По обеим сторонам челюстей находится пара слегка изогнутых, длинных и острых клыков. Его бивни, в отличие от слоновьих, являются на самом деле резцами — всего их четыре, по паре в каждом углу челюсти. Изогнутые нижние бивни — очень длинные, у большого взрослого гиппопотама они вырастают до тридцати дюймов и более. Если верхний бивень ломается, нижний лишается опоры и продолжает расти, как клыки у кабанов, достигая длины четырех и даже пяти футов.

Бивни и резцы целиком состоят из высококачественной, очень твердой кости и для пережевывания пищи не используются. Бегемоты щиплют траву своими тяжелыми губами, выстригая ее так ровно, будто прошло стадо овец. Передние зубы они пускают в дело в сражениях, преимущественно между собой, так как ни одно животное-хищник, даже двадцатифутовый крокодил, весом в тонну, не станет нападать на взрослого гиппопотама.

Рыбаки племени багома с озера Танганьика, где крокодилы и бегемоты водятся в изобилии, по-своему объясняют причину, по которой эти исполинские животные мирно существуют бок о бок в реках и озерах Африки.

«Давным-давно, — сообщили они мне, — крокодил заключил с Кибoko договор. «В воде сильнее ты, — заявил он Толстяку. — Но хозяином берега являюсь только я, я один. И если ты вылезешь на берег попасться на травке, я не пущу тебя, пока не пообещаешь мне сослужить службу». «Какую?» — спросил Кибoko. «Поклянись, что ты всегда будешь следить за лодками рыбаков и переворачивать их. Тогда обед будет обеспечен и мне». «Хорошо», — согласился бегемот. И с того кошмарного дня он, как верный друг и товарищ крокодила, помогает ему убивать людей».

В сказке племени багома крайне просто сообщается тот факт, что Кибoko с крокодилом в пище не соперники: травоядный бегемот пасется на земле, а плотоядный

крокодил находит себе обед в воде. Именно поэтому да еще потому, что бегемоты благодаря своим размерам — животные спокойные, они, когда рядом нет малышей, обычно игнорируют своих соседей-крокодилов. Когда рядом дети, бдительная мать бросается на каждого крокодила, проживающего рядом, так как прекрасно знает, что он потенциальный похититель маленьких бегемотиков. И крокодилы поспешно отступают — ведь даже тупоголовой рептилии очень хорошо известно, что пускать в ход свои узкие челюсти против огромной квадратной туши, которая чувствует себя в воде как дома, означает превратиться в перекусанный пополам труп.

Если самку гиппопотамов сопровождает ее ребенок, она может с яростью броситься на каноэ, но в соглашении о ненападении с крокодилами она не вступает. Каждый большой предмет она воспринимает с истерическим подозрением, так как опасается возможной угрозы своему отпрыску. На самом деле она даже способна спутать каноэ с дрейфующим крокодилом, который своей формой напоминает лодку. Кроме того, всплывающий на поверхность бегемот может случайно столкнуться с каноэ и перевернуть его. Очень испугавшись от неожиданного удара по спине, они обыкновенно ныряют, как киты. Но, поскольку мало кто из местных рыбаков умеет плавать, даже те, кто половину всей своей жизни провел на воде, проплывающие мимо крокодилы вполне могут воспользоваться случаем и утащить под воду бедных пловцов или тела уже утонувших.

Вероятно, объяснение повадок бегемота местным населением кажется наивным, но суждения о Кибоко первых исследователей Африки тоже умными не назовешь. И доктор Ливингстон, и Генри Мортон Стэнли, и сэр Ричард Бертон, и Джон Спик, и Пол Дю Шаллу, и сэр Самуэль Бейкер — все они пережили столкновение с преданными мамашами-бегемотихами, и все они отзываются о бегемоте как о злобном звере, преднамеренно

атакующем лодки исключительно с целью убить человека.

Бейкер, один из самых резких оппонентов бедняги Кибобо, путешествовал на пароходе с гребными колесами по Белому Нилу. На гребное колесо налетел охваченный паникой бегемот и сломал несколько лопастей. Намерения его, однако, были куда менее кровожадными, чем самого Бейкера. Страстный гурман, сэр Самуэль с необыкновенным смаком описывал, как поедал мясо и жареные ноги детенышей бегемотов, а потом варил суп из их шкур. Он утверждал, что суп этот вкусом напоминает черепаховый и даже вкуснее. И так ему этот суп понравился, что он остроумно переименовал настоящий черепаховый суп в «фальшивый бегемотовый».

Я, конечно, предпочитаю людей, которые съедают свою добычу, а не развешивают по стенам, но мне не нравится, когда животных презирают за то, что они не лежат на блюде, и особенно мне не нравится манера «гурманов дичи». Сэр Самуэль, по крайней мере, занимался хоть какими-то исследованиями, а вот нынешние европейцы, которые едут в Африку, берут с собой разного вида специи для того, что я называл «сафари гордон-блу». Таких мало интересует обычная дичь, которую Белые Охотники убивают для своего котла, например, бушбок и импала, нет, им подавай сассу, самую замечательную на вкус антилопу. А некоторые из них обожают детеныша дикобраза, филе питона или вареного варана; причем готовят они сами, размахивая над будущим блюдом баночками с орегано или майораном, а африканские бои с восторгом за ними следят. Затем такие гурманы возвращаются в Париж, Рим или Лондон, дабы поделиться своими новыми ощущениями со знатоками.

Менее склонные к путешествиям субъекты остаются дома и получают от специально нанятых для этих целей Белых Охотников партии самого вкусного мяса из Африки: копченую ветчину из гиппопотама весом сто

фунтов. Приготовленная на парú шерри с патокой, она ценится больше, чем павлиньи язычки, которые так восхваляли римляне.

А Белые Охотники, продающие гурманам ветчину из Кибoko, другой конец его тела поставляют спортсменам. Охотникам хватило ума не помещать гиппопотама в список Большой Пятерки, но его голова с бивнями в пятьдесят дюймов до сих пор оценивается в тысячу долларов у любителя, стремящегося получить звание охотника. Мотивы человека, тайно покупающего голову южноафриканского буйвола, хотя бы понятны: ему необходимо доказать, что он якобы победил опасного зверя. Но когда кто-то похвастается действительной или вымышленной победой над животным, которого и выследить-то не приходится, потому что оно целый день лежит на мелководье и подставляет каждому свою спину, — это просто смехотворно.

До появления огнестрельного оружия местные охотники рыли ямы или подвешивали копья на деревьях близ троп или «туннелей» гиппопотама. Такие тропы бегемоты прокладывают себе сквозь густые заросли и высокую траву. Самые отважные охотники охотились с гарпунами, к которым привязывали веревки, чтобы, после того как животное опускалось на дно, как то делают все умирающие бегемоты, вытащить тушу наружу. Африканцы ели мясо бегемота с удовольствием и специями не посыпали. Предпочтение они отдавали салу. Ни одна антилопа, за исключением канны, не имеет того количества жира, которое бы заслуживало внимания, а вот хороших размеров бегемот обладает примерно двумястами фунтами чистого жира. Шкуру животного разрезали на полосы, высушивали, выделывали и отбивали для кнутов — грозных, даже смертоносных фимбо, или, как их позже называли южноафриканцы, шамбоков. Правда, шамбоки лучшего качества делаются из высушенных и растянутых пенисов буйволов и носорогов.



Прибывшие в Африку белые стреляли с речных пароходов по гиппопотамам ради обеда или просто для развлечения. Затем за бегемотов взялись и профессионалы, которым понадобилась их кость. Кость гиппопотамов очень твердая, но не желтая, как у слонов, поэтому она пользовалась спросом для создания искусственных зубных протезов. Стоила она шесть долларов за фунт. Когда дантисты перешли на фарфор и виниловую пластику, этот рынок приказал долго жить, но из зубов бегемота до сих пор делают безделушки, поэтому зубы животного, если и не достигают трофейных размеров, все равно остаются источником побочного дохода профессиональных охотников.

Хорошо известно, что гиппопотамы, обитающие на территориях, славящихся обилием охотников, становятся очень осторожными. Они не являются столь интеллектуальными гигантами, как слоны, но обладают прекрасной памятью и, подобно своим меньшим родственникам — свиньям, совсем не глупые. В тех местах, где они уже наталкивались на ямы и подвешенные копыя, бегемоты с подозрением высматривают скрытые ловушки; там, где они уже poznали предназначение гарпунов и огнестрельного оружия, животные, всплывая на поверхность, высовывают ноздри среди водных растений, быстро втягивают воздух и уходят обратно под воду. Но такая предосторожность помогает мало, потому что им приходится не только вести земноводный образ жизни, но и воспитывать малышей — то есть подставлять свои спины взорам и оружию людей.

Обыкновенно стадо гиппопотамов состоит из десяти — сорока особей, большая часть которого обитает на территории, именуемой *сгеше*, что означает «ясли» или «дневной детский сад». В стаде царит матриархат, им управляют беспокойные самки, полностью поглощенные заботой о своих детях и их пропитанием. Находясь в центре берега или песчаной косы, они охраняют ясли от врагов, в том числе и от самцов гиппопотамов, которые

порой очень страшно избавляются от собственного потомства. Лодку самки воспринимают так же, как человеческие мамочки отнеслись бы к летающей тарелке, флагирующей над детским садом. Лодкам они не доверяют и не пытаются сначала определить, кто там находится: местный ли рыбак, христианский ли миссионер, вроде доброго доктора Ливингстона, или поклонник супа из гиппопотама сэр Самуэль Бейкер. Бегемотихи нападают сразу и не думают о своей собственной безопасности.

Старшие самцы, обладающие высоким социальным положением, обитают на собственных территориях, примыкающих к границам яслей. Самцы помладше вынуждены жить на специально указанных окраинах, вдали от яслей, где им редко предоставляется шанс встретиться и спариться с самкой, достигшей брачного возраста. Таким образом, все самцы бегемотов становятся «бродягами», потому что обязаны находиться вне стада. А обычная болтовня об озлобленных бегемотах-бродягах — всего лишь ничего не значащий вывод, основанный на повадках индивидуумов с дурным нравом.

Как только молодые самцы становятся более сильными и уверенными в себе, они начинают вызывать на поединок хозяев владений, который заключается в стрельбе пометом или в драке бивнями, сопровождаемой ревом. Победитель получает право на территорию близ яслей и на случку с самками, достигшими половой зрелости, в течение года.

Спаривание происходит в воде, самец находится сзади. Помимо кратковременного эротического стимулирования — толкания и обнюхивания, никакого другого ухаживания не бывает, тем более чего-либо подобного сентиментальным медовым месяцам у слонов. Беременная бегемотиха в яслях живет вместе с другими самками и через восемь месяцев рождает одного «теленка», который всем своим видом очень напоминает стофунтового большеголового поросенка в розовую крапинку.

Малыш-бегемотик, появившийся на свет в воде, живет в безопасных яслях и вскармливается матерью тоже в воде. Время от времени он высовывает голову наружу, чтобы глотнуть воздуха. Ему нужно научиться как можно дольше удерживать дыхание под водой. И обучение продолжается до тех пор, пока он не начнет плавать под водой так же долго, как и его мать. Поэтому, чтобы постоянно следить за ним, ей приходится всплывать на поверхность чаще, чем следовало бы. А чтобы уберечь его от крокодилов, она сажает малыша себе на шею, за которую он цепляется своими передними ножками. Став чуточку постарше, он сидит у нее на спине. На берегу она старается находиться с ним рядом и с фанатичным подозрением осматривается вокруг. Когда она дремлет на отмели, то обыкновенно укладывается прямо на малыша, по всей видимости для того, чтобы защитить его от неожиданной опасности. И так поступают все бегемотихи. Они прямо-таки расплющивают своих малюток, которые хоть и визжат придушенными голосами, но остаются целыми и невредимыми.

Материнская опека и интерес к своему ребенку длятся около двух лет. Затем, когда юные самцы становятся похожими на грозного взрослого бегемота, их пинками выгоняют из яслей и предоставляют самим себе. К этому времени они достигают таких размеров и силы, при виде которых любой крокодил, даже длиной двадцать футов, приходит в уныние. И бояться таким гиппопотамам остается лишь человека. Сексуального созревания и самцы и самки достигают в пять лет, а продолжительность их жизни составляет пятьдесят лет. В неволе, несмотря на ограничения, они процветают, хорошо размножаются и живут более счастливо, чем слоны, так как их менее развитый интеллект редко отклоняется от нормы.

Те, кто судит о Кибоко, африканском толстом, но очень добродушном пролетарии, поверхностно, считают его злобным, глупым и уродливым. Полагаю, что это

суждение зиждется на самоуверенном, напыщенном заявлении знаменитого английского эссеиста Томаса Бабингтона Маскалея: «Видел я гиппопотамов и спящих и бодрствующих; и уверяю вас, что и спящий и бодрствующий бегемот является самым уродливым из всех созданий, порожденных Господом».

Подобное заявление больше дискредитирует Господа, чем невинного Кибоко, но я не стану отвечать на эти слова, потому что за меня это уже сделали. Сэр Томас Браун в 1642 году написал с замечательным пониманием: «Я не знаю, почему мы называем жабу, медведя или слона уродливыми; они были созданы таким образом, чтобы им было удобно жить, как им и надо. И они отнюдь не считают, что их постигло наказание Божье, который видел, что все, что Он создал, хорошо».





### КИФАРУ

#### *Несостоявшийся преступник*

Грохоча копытами, в облаке пыли рогатая ярость прямиком несется с цветного телеэкрана. Перевернет ли рогами безжалостное доисторическое чудовище «лендровер»? Превратит ли автомобиль в железное месиво? Сожрет ли Белого Охотника или свечу зажигания?

Обожающие кино зрители разинув рты следят за сенсационной «атакой носорога». Если так называемый африканский фильм представляет собой полное барахло, значит, зрители уже увидели, как, обезумевшие при виде соблазнительного тела Белого Охотника и пышногрудой героини, из влажных, кишасших зверьми джунглей выскакивают львы, обитающие вообще-то в саванне. Прижимаясь друг к другу, герой и героиня прячутся за низким камнем, а мимо мчатся ошалевшие мулы, мастерски раскрашенные под зебр. На лодку влюбленной пары нападают надутые резиновые бегемоты, кото-

рых тянут на невидимой зрителю проволоке, и герои оказываются в воде. Но им удастся спастись от широко-рылых аллигаторов-янки, исполняющих роли нильских крокодилов с узким рылом. С трудом выбравшись на берег, герои подвергаются нападению армии прекрасно выдрессированных азиатских слонов, на чьих выпуклых головах красуются напоминающие веера пластмассовые уши. В общем и целом, за одно короткое сафари герои успевают сразиться с таким количеством животных, какое африканец вряд ли увидит за всю свою жизнь.

Этими цветными кошмарами Черного континента, начиная с мулов, выполненных в стиле оп-арт, и кончая фальшивыми слонами, публику дурачат и щекочут ей нервишки. И вот наступает кульминационный момент — с шумом и грохотом в классическую дуэль с «лендровером» вступает самый хитрый злодей. И у зрителей абсолютно не остается сомнений в том, что реклама, постеры, афиши и буклеты всегда говорят правду — черный носорог, или, иными словами, «рогатая ярость», является самым опасным и ужасным животным Африки.

Никто не станет отрицать тот факт, что черные носороги нападали на «лендроверы», джипы, грузовики и другие транспортные средства, на которых их преследовали. Южноафриканские буйволы поступают так же. Подобным же образом реагируют зебры, гну и очаровательные сернобыки с газелями. У любого животного после долгой за ним гонки начинается истерика, и оно бросится в безнадежную атаку на врага, но чаще всего эта атака равносильна самоубийству. Правда, деятели кино не показывают зрителю покалеченную или задавленную автомобилем газель. Во-первых, это не сенсационно, во-вторых, зрители могут усмотреть в этом садизм. Но носороги — это «отвратительные чудовища», и посему киношники специально провоцируют животных бросаться на них: ведь, по сообщениям прессы, носороги всегда готовы атаковать все попадающиеся на пути автомобили.

Случается, что африканский черный носорог «нападает» на машину ни с того ни с сего. Нападает он еще и на палатки, деревья, кусты, на крыс, лягушек, людей, бабочек и кузнечиков. Иногда он может броситься в атаку, услышав, как позади него падает на покрытый листьями куст его собственный помет. Но в большинстве случаев, и абсолютно без всякой на то причины, тот же самый носорог мчится галопом прочь при виде тех же бабочек, лягушек и прочей мелкой живности. Его страх и гнев совершенно непредсказуемы. Один и тот же носорог может прийти в ужас при виде безобидной местной женщины и быстро удрать, а через несколько минут кинуться на группу вооруженных белых людей. Если туристы открывают огонь, он почти всегда застывает на месте примерно в двадцати футах, некоторое время глядит на них, а потом рысью бежит к зарослям колючего кустарника. Но туристы стреляют, и впоследствии многие из них пребывают в уверенности, что убили животное защищаясь.

Громко сопящее пугало, исполинского топтуна выследить и убить проще простого. Член великой Большой Пятерки, черный носорог, — это мятежник без повода, хронический, но несостоявшийся преступник. Его даже сами животные воспринимают как слона в посудной лавке, попадающего то в одну идиотскую ситуацию, то в другую.

Для объяснения его явно ненормального поведения сказители-aborигены северо-востока Конго сочинили причудливую и трогательную сказку. Давным-давно самые первые животные ходили нагишом, и прикрыть свою нежную плоть им было нечем: ни шкурой, ни мехом. Увидев столь тяжкое их положение, Бог выдал каждому по иголке и велел сшить себе одежду. Предок леопардов, самый умный зверь, соорудил себе очень красивое одеяние. Но Кифару — первый черный носорог и самое молчаливое животное во всем мироздании — уронил

иголку и, пытаясь ее найти, случайно закинул ногой в заросли.

Преследуемый клещами и мухами, голый носорог долго метался в поисках иголки. Но ее нигде не было. Тогда он схватил острую колючку и быстро сшил себе одежду, а затем натянул на себя наспех сделанное одеяние. Но, так как он торопился, вся одежда оказалась в глубоких складках и морщинах. Увидев его, другие звери начали хохотать и издеваться над ним. Вскрапнув от ярости, носорог стал галопом носиться по зарослям и искать свою иголку. Если бы он ее нашел, то сшил бы себе такую же гладкую шубу, как у леопарда. Тогда все остальные звери перестали бы смеяться над ним. Но он каждый раз пробегал мимо иголки и не замечал ее. И тогда он подумал, что иголку украл один из хохотавших зверей. И поэтому начал нападать на каждое живое существо, какое ему только встречалось. И так до сих пор поступают все носороги — надеются найти давным-давно пропавшую иголку.

Как ни странно, но в этой местной легенде куда больше смысла, чем во всех голливудских киноэпопеях об автомобилях и носорогах вместе взятых. Кто еще может быть более неистовым, более сходящим с ума от страха, более подозрительным и более агрессивным, как не весящее три тысячи фунтов животное, обладающее плохим, вплоть до слепоты, зрением, которое постоянно ищет что-то, чего не в состоянии увидеть?

Необычайно любопытный и в то же время очень робкий, черный носорог обладает крайне ограниченными умственными способностями. У него великолепные слух и обоняние, но зрение абсолютно неправильное. Его крошечные глазки расположены по обе стороны большой удлинненной головы, из-за этого он все видит искаженно. Каждая картина, представшая перед его глазами, лежит в широкоугольной перспективе, и при этом расплывчатая — от этого все его мучения. Близорукий Кифару не в состоянии отличить человека от дерева на



расстоянии тридцати футов, на расстоянии пятнадцати — двадцати футов он тоже плохо различает предметы, поэтому ему приходится поднимать и поворачивать голову, чтобы что-то разглядеть хотя бы одним глазом, но этому мешают и форма головы, и огромный передний рог. А двигаясь вперед с рогом, опущенным вниз, он вообще ничего не видит.

И днем и ночью Кифару слышит и чувствует целый мир восхитительных вещей, которых увидеть не может. Из-за любопытства он трогает и протыкает их рогом — все иголку ищет. И это неприятное положение, в котором он находится, вынуждает его бояться, и бояться очень сильно, тех же самых предметов, которые ему так хочется изучить. Он колеблется и страдает, потому что в нем два инстинкта. Он то удирает, то, наоборот, мчится вперед, чтобы узнать, что там такое. При этом столько нелепых, пустых угроз, шума, напрасно потраченной энергии и полного непрофессионализма — вот что представляет собой знаменитая «атака» носорога.

Как-то раз поблизости от национального парка Упемба в Катанге я наблюдал, как очередной безмозглый носорог в очередной раз идиотски атаковал. Носорог был очень занят пережевыванием веток, как вдруг в ста футах от него заквакала лягушка. Он перестал жевать, поднял голову и прислушался — изо рта у него сыпались листья, затем с обеспокоенным видом побрел на звук. Когда он подошел к лягушке поближе, она громко квакнула и случайно прыгнула прямо в его сторону. Полторы тонны испуганной носорожины сделали резкий поворот на сто восемьдесят градусов и ринулись в «безопасное место». Немножко посопев, он пошел обратно. На этот раз лягушка прыгнула в противоположную сторону, чем привела его в состояние боевой готовности: он опустил свой рог к земле и бросился в атаку. Лягушку он на ходу раздавил копытами, но даже не заметил этого. Вернувшись обратно на прежнее место,

Кифару все-таки нашел ее по запаху и потрогал крошечную мякоть с выражением полного изумления на лице.

Славятся носороги и тем, что нападают на железнодорожные поезда. Во времена строительства железных путей Уганды, когда раздраженные львы таскали одного за другим работников станции и сигнальщиков, перепуганный и сбитый с толку носорог нанес удар по вагону, сам упал, но затем встал и побрел восвояси, с озадаченным видом размышляя о пережитом. А еще один поезд сошел с рельсов, когда другой носорог кинулся на локомотив и сбил рогом металлический лист, который попал в колеса. На этот раз носорог не встал.

Столь истеричные реакции, вызванные лягушкой в две унции или поездом в две тонны, нельзя объяснять лишь наличием плохого зрения. Обладающий таким же плохим зрением слон ведет себя с величественным спокойствием и с необыкновенной решимостью. Благодаря своим замечательным умственным способностям он может решить любую проблему, с которой ему приходится сталкиваться, причем решить здраво. Существует мнение, кстати ошибочное, что Кифару является родственником слона (если бы слоны умели обращаться в суд, им бы следовало подать иск за клевету), но ведет себя он в точности как его настоящий сородич — слабоумная, слабовидящая и норовистая до истерии лошадь.

Грация и величественно красивые лошади приводят людей в сентиментальный восторг. Их также превозносят за «лошадиный ум», подразумевая под этим практическую проницательность и грубую мудрость. Но по иронии судьбы лошадь — самое неумное домашнее животное; даже столь оклеветанный осел, чье имя связывается с вульгарной тупостью или глупостью, просто гений в сравнении с ней. При проведении опытов по проверке ассоциативного мышления у животных оказалось, что лошади обладают половиной умственных способностей, присущих коровам. А когда проводились тесты, которые требовали более сложных умозаключений,

то среди собак, кошек, свиней, обезьян, грызунов и других животных лошадь заняла последнее место вместе с гофером — похожим на крысу зверьком.

Лишь слегка умнее Кифару робкая и крайне нервная лошадь, которая лишена бинокулярного зрения и страдает расплывчатой близорукостью. При виде колышающегося газетного листа она паникует точно так же, как носорог при виде бабочки. При встрече с автомобилем лошадь может понести, а носорог внезапно таким же образом может взвиться от необычного звука или вида. Чтобы заставить лошадей работать, им необходимо надевать на глаза шоры, дабы оградить от действующих на их нервы тускло видимых предметов и воображаемых ужасов окружающего мира. Когда в конюшне случается пожар, лошадям требуется завязывать глаза, прежде чем спасать. Иначе в истерической панике они могут броситься в тот самый огонь, которого столь боятся.

Все живущие на свободе лошади, зебры и дикие ослы — в различной степени нервные, робкие и непредсказуемые животные; к ним ко всем не так просто подойти. Их родственники, южноамериканские и малайские тапиры — существа, размером с пони, с подвижными губами-хоботками, — обладают анатомическим строением, схожим со строением своих примитивных предков, от которых произошли и лошадь и носорог. Эти застенчивые, пугливые животные могут запаниковать при виде крошечной собачонки, но бывают случаи, когда они нападают на больших животных, в том числе и на людей, правда, делают это исключительно от страха и расстроенных нервов.

Близкие родственники Кифару отличаются таким же характером, но сам он является самым агрессивным из всех существующих подвидов носорога. В Азии обитают три вида: маленький суматранский носорог, волосатый, с двумя рогами, и только четырех футов высотой; гладкокожий яванский носорог, с одним рогом и на фут выше; и огромный индийский носорог, фантастическое

на вид животное, шести футов высотой и до четырнадцати футов длиной, с одним-единственным рогом и на редкость толстой шкурой со складками, которая напоминает броню.

А соплеменники Кифару в Африке, белые носороги, превышают его своими размерами. Высота до согбенного плеча белого носорога достигает шести футов, длина — от четырнадцати до пятнадцати футов, весит он порой более двух тонн. Среди самых больших земных млекопитающих белый носорог занимает второе место. Различают два подвида белого носорога: симпатичное животное с коротким рогом, обитающее на северо-востоке Конго и в Судане; и носорог с длинным рогом (рекордная длина рога равняется шестидесяти двум с половиной дюймам), обитающий в Южной Африке и резерватах Умфолози и Хлукхле. По иронии судьбы, ни один из видов белого носорога не является белым; они почти такого же цвета, что и черный носорог, — синеовато-серого. Определение «белый» — на самом деле искаженное бурское слово *weit* (широкий), которое употреблялось для описания широкой морды животного, в отличие от круглой морды черного носорога с вытянутой, как у тапира, верхней губой. Менее осторожный, чем Кифару, Абу-Гарн — так белого носорога называют на севере — бродит небольшими стадами и мигрирует по открытым долинам опустив голову, так как щиплет траву.

Меньших размеров, более быстрый и более проворный, Кифару обитает в лесистой саванне, предпочитая колючий кустарник и акациевые гущи неподалеку от реки, ручья или грязевой ямы. Он одиночка, живет словно вспыльчивый отшельник, и, собственно, такой он и есть. Голову всегда держит высоко, потому что питается кустарником. Изогнутой вытянутой губой он отрывает листья и ветки, а передним рогом выкапывает вкусные корешки, соль и воду.

Некоторые особи достигают высоты пяти с половиной футов, длины — двенадцати футов и веса примерно двух тонн, но в среднем черный носорог весит полторы тонны, достигает высоты в пять футов и длины в десять футов. Его передний рог, больший из пары, редко вырастает в длину до двух футов, но рекордный рог был приблизительно четырех футов длиной. Уши у Кифару покрыты шерстью и по виду напоминают лошадиные. Хвост заканчивается кисточкой и частенько стоит прямо. Все четыре ноги, как и у других видов носорога, снабжены тремя пальцами с копытами, средний из которых аналогичен пальцу лошади, который у нее один. Носорог может идти шагом, бегать рысью и галопом, иногда достигая скорости тридцати пяти — сорока миль в час, не то что слон, который не умеет бегать по-настоящему даже со скоростью двадцать миль в час.

Три вида азиатских носорогов с короткими рогами дерутся своими клыками, в действительности являющихся нижними резцами. Они бьются ими, как бегемоты и дикие кабаны. Африканские и черные и белые носороги, не имеющие передних зубов, протыкают и подбрасывают врага длинными рогами. Ни один из носорогов, включая Кифару, не предпринимает решительных попыток затоптать врага ногами, как в таких случаях поступают разъяренные олени и южноафриканские буйволы, но носороги могут затоптать неприятеля на бегу, причем чаще всего случайно.

У охотника-неумехи, которого перебежал носорог, шанс остаться в живых точно такой же, как и у неосторожного калифорнийского пешехода. Если задет необходимо жизненный центр, человек испускает дух. Если же нет, то человек выбирается из передраги со сломанными костями и в созвездии царапин. Половина охотников, столкнувшихся с носорогом, поднимается на ноги и отправляется лечить свои раны и ссадины. Другую половину отвозят на более длительное лечение. И лишь один на дюжину едет прямоиком на кладбище.

Любой боевой бык, которого заставляют продемонстрировать свою силу на аренах Испании или Мексики, наносит рогами матадору гораздо больше повреждений. Его рога являются наростами на черепе, удлинениями на лобной кости, которые покрыты внешней оболочкой природного и очень твердого вещества, и своими рогами боевой бык пользуется с умом. Так называемые рога у Кифару растут прямо из кожи морды, они лишены какого-либо костного покрытия и состоят из густо переплетенных волос. Основой рога Кифару является кератин так же, как и у настоящих рогов, однако по своей структуре он мягче. Обитающие в естественных условиях носороги точат свои рога о стволы деревьев и бетоноподобные термитники, а носороги в зоопарках затачивают рога на кирпичах и прутьях решетки, но, как бы те и другие ни старались, им редко удастся попасть охотнику куда следует. Нападая вслепую, они промахиваются своим рогом и подбрасывают врага головой или носом.

Бедолага Кифару постоянно подвергается насмешкам местного населения Экваториальной Африки. В национальном фольклоре и пословицах он вечно выглядит посмешищем. «Варинга кипсерагета!» — говорят в племени лумбва Восточной Африки. — «Пусть тебя убьет носорог!» Правда, желают это они только своим злейшим врагам. На их взгляд, это самая недостойная, самая трусливая и самая оскорбительная смерть.

Суть заключается в том, что в большинстве случаев встреча с носорогом приводит к смерти или к серьезным увечьям только тогда, когда человек поворачивается к животному спиной и убегает. Неопытный охотник, будь он белым или черным, при виде огромной зверюги, несущейся прямо на него в ставшем уже классикой облаке пыли, может запаниковать, отчего стреляет впопыхах и не убивает, а только ранит животное, затем роняет оружие и пытается победить в гонке разъяренного или обезумевшего носорога. Но ему это не удастся — ведь

Кифару бегают в три раза быстрее. К тому же сам процесс бега уже увеличивает у носорога уверенность в своих силах, а шум, который при этом поднимает охотник, дает полуслепому животному возможность с помощью своего острого слуха исправить угол зрения, который изначально, скорее всего, был неверным. При подобных обстоятельствах даже основательно раненному и, соответственно, имеющему физический недостаток носорогу легко удастся догнать свою жертву.

И это не голая теория. Пеший, один-одинешенек, без оружия и с одной рукой я встречался, причем не однажды, лицом к лицу с носорогом, давал ему возможность нападать на меня сколько душе угодно и выходил из этого испытания без единой царапины. Эти поединки носорога с Халле устраивались не для того, чтобы доказать что-то там о Халле, а единственно ради проверки нескольких основных фактов о характере и повадках Кифару, которые обычно интерпретируются неправильно.

«Кто носорогу действительно необходим, так это психоаналитик, — уверял я своих друзей в Африке. — Где-то далеко внутри за пустыми угрозами, яростью и невротизмом скрывается добродушное животное, которое так нуждается в друзьях».

Но меня никто не слушал. Поверив рассказам охотников, они относились к Кифару как к закоренелому преступнику, а не как к случайному правонарушителю. В надежде опровергнуть эту точку зрения, я в 1959 году купил только что пойманного взрослого черного носорога в Департаменте Уганды по государственным делам, назвал его Пьерро и выпустил в крааль, площадью 250 × 200 футов, в своем парке. Затем я вошел в крааль сам с целью приручить и выдрессировать его.

Как только калитка за мной захлопнулась, Пьерро, находившийся в 150 футах, нервно поглядел в мою сторону. Несколько минут он ломал голову над новой проблемой, а затем принял традиционное носорожье решение — нападать. И начал разгон рысью, держа голову

горизонтально. В такой позиции его и так плохое зрение было заблокировано передним рогом, поэтому, пустившись бешеным галопом, он наклонил голову в сторону, прилагая все усилия, чтобы видеть хоть как-то одним глазом. Промчавшись тридцать футов, он оказался в точке, откуда уже был в состоянии разглядеть мои очертания. Тут он поменял угол зрения, опустил рог и с грохотом бросился ко мне, словно слепой джаггернаут<sup>1</sup> на колеснице, сосредоточенный исключительно на нужном ему направлении.

У меня оставалась секунда, чтобы решить, что делать: реагировать или игнорировать. Ежели случайно он прицелился точно, я успею отскочить в сторону, как клоун на родео. В противном случае я могу спокойно оставаться на месте и глядеть, как он поднимает пыль.

Первая попытка Пьерро показалась мне отличной. И я отпрыгнул в сторону. Он с храпом промчался мимо, высоко задрав свой с кисточкой хвост. Через тридцать футов он затормозил и остановился, затем с озадаченным видом начал метаться рысью из стороны в сторону, пытаясь найти свою мишень. Но я был несколько меньших размеров, чем железнодорожный состав, поэтому он меня не заметил. Тогда я на двадцать футов отодвинулся назад. Услышав шум, он возмущенно чихнул «пруффф!» и снова бросился в атаку.

На сей раз мне не пришлось менять позицию. Пьерро настолько плохо выбрал себе угол зрения, что промахнулся очень namного. Третья его попытка оказалась еще хуже, и через пять-шесть промахов он прекратил свои атаки. Сконфуженный и явно расстроенный, он сопел, ворчал, тряс головой и молотил копытом по зем-

---

<sup>1</sup> Джаггернаут — одно из воплощений Вишну. Во время праздника в его честь, Ратхятра (шествие колесницы), статуя его вывозится на громадной, шестнадцатиколесной колеснице с приделанными к ней двумя деревянными лошадьми, которую тащат на длинном канате толпы богомольцев. Некоторые бросаются под самые колеса и погибают под тяжестью колесницы.



ле. Дав ему десять минут на выпускание пара, я выдал свое местоположение: запрыгал и заухал, как павиан.

Пьерро поднял голову, начал бег рысью по направлению ко мне, но внезапно под углом в девяносто градусов он заметил крошечную кассию и изменил курс. Пыхтя изо всех сил, он домчался до нее галопом и оказался в 150 футах слева от меня. Следующие десять минут он, разыскивая меня, носился взад и вперед, подняв голову. Старался он как только мог, но лишь потратил всю свою энергию на два крошечных деревца и заросли колючего кустарника. Когда же наконец он меня обнаружил, то кинулся, промахнулся, кинулся снова и, разумеется, промахнулся еще больше.

После огромного количества непопаданий безумно усталые полторы тонны несчастной рогатой ярости, ворча, уселись на задние ноги. Тогда с криком масаев я сам пошел в атаку на носорога. Охваченный ужасом, он с трудом поднялся на ноги и уставился на меня. Я находился в двадцати футах. Он в панике помчался к дальнему концу крааля. «Самый великий хитрец во всей Африке», как назвал его Карл Экли, был позорно одурачен.

Эти дурацкие маневры мы совершали еще четыре дня, но на носорога я больше не нападал. Лишь увертывался или стоял на месте. Пьерро же продолжал атаковать... и промахиваться... и снова атаковать. Я, в свою очередь, рассуждал так: если он привыкнет к моему виду, то, как только поймет, что я не опасен, захочет удовлетворить свое любопытство.

Первый намек на взаимопонимание появился в конце четвертого дня, когда я, подходя к нему, оказался в десяти футах от его головы, и он, вместо того чтобы ринуться в атаку или отступить, просто спокойно смотрел на меня. Спустя мгновение он все же заволновался и попытался. Чтобы его успокоить, я с шумом отступил. Он вернулся обратно, но нападать не стал: я целиком находился в поле его зрения и представлял собой уже знакомое, хотя и странное явление. Осмелившись, я сделал

шаг к нему. Он сделал шаг назад. Тогда шаг назад сделал я, и шаг вперед сделал он.

Этот вальс с различными вариациями мы танцевали с ним целый месяц. Мне было на редкость скучно, особенно в сравнении с теми быстрыми и эффектными результатами, которые достигаются в общении с более умными животными. Моего взрослого льва Симбу на арене заднего двора моего дома в Кисении я приручил за два дня и обучил его по команде сидеть, стоять, лежать, кувыркаться, забираться на стойку и прыгать через огненное кольцо за срок менее месяца. Теперь же мы с Пьерро только и делали, что шагали вперед, назад, вперед и снова назад. Мои друзья и семья пророчили мне смерть под копытами носорога, но все явно шло к тому, что погибну я скорее от скуки... или же от низвержения небесного свода.

Наконец, в один прекрасный день, наступила великая победа. Я стоял в паре футах от головы Пьерро. Внезапно он повернул рог, длиной в два фута, ко мне и потерся своей кожаной щекой о мою руку. В ответ я сердечно похлопал его по шее, предполагая, что носорог, как и слон, предпочитает ласку слегка возбуждающей щекотке. Он ткнул рогом мне в ребра и пересчитал их. Я отбежал на дюжину шагов в сторону, с интересом ожидая его реакции. Он начал разгоняться рысью. Я стоял прямо перед ним, но, когда Пьерро стал приближаться, отходить не стал. Когда его рог оказался в двух футах от моей груди, он остановился, поднял голову и с нежностью оглядел меня.

Я перевел дух и снова дружески похлопал его по шее. Затем я побрел по краалю, стараясь находиться впереди, чтобы он мог легко меня видеть. Пьерро послушно следовал за мной, будто трехтысячегунтовый ягненок, — что было, кстати, совсем неудивительно, — и время от времени игриво подталкивал меня рогом.

Через неделю мы с рогатой яростью играли в мяч. Мяч был сделан из бычьей кожи и набит соломой.

Я подавал его Пьерро рукой, а он возвращал мне его ро-гом. Играющие в крикет слоны Джона Гриндла высме-яли бы нас и выгнали с поля, но носорогу этот вид спор-та пришелся по душе, и он с энтузиазмом шлепал по мя-чу, правда, попадал редко. Его физические недостатки мешали ему играть в более мудреные игры: он был слишком близорук, не умел прыгать, даже перебираться через препятствия и был лишен приспособления для «хватки», например, ловкого, как у слона, хобота.

Превратить носорога в скаковую лошадь мне по-казалось более соблазнительным проектом. Несмотря на то, что по сравнению с обычной лошадью Пьерро вы-глядел карликом, своими размерами он походил на зна-менитых французских першеронов — породу лошадей, которых крестоносцы приучили таскать на себе тяжелых рыцарей, облаченных в громоздкие доспехи. Большой першерон достигает высоты в семнадцать ладоней (пять футов и восемь дюймов до плеча) и веса в тонну. Самый большой мерин-першерон за всю историю, по кличке Доктор Ле Жеар, который испустил дух в 1919 году в Сент-Луисе, штат Миссури, на самом деле был больше моего носорога. Великий Ле Жеар в плече дости-гал высоты семи футов (на два фута выше, чем Пьерро), длины — от носа до хвоста шестнадцати футов (то есть на семь футов длиннее), но весил примерно столько же — 2995 фунтов.

Когда я в первый раз забрался на спину носорога, он задрожал, взбрыкнул и, рассердившись, в панике помчался вперед. Сбросить меня, как мустанг, он был не в силах, но, если бы ему захотелось, вполне мог пока-таться со мной по земле. Вместо этого он, шумно выра-зив протест, с явным неодобрением застыл на месте. Я, широко расставив ноги, просидел на неудобной, напо-минавшей бочку, спине, по крайней мере, пять минут, а он все ждал, когда я наконец слезу. Тогда я ткнул его но-гами под ребра, надеясь таким образом его пришпорить. Он пошел... а я, подпрыгнув несколько раз, оказался

прямо посередине колючего куста. К несчастью, на мне были надеты капитула — обвисшие тропические шорты, а не тяжелые доспехи.

В следующий раз я соорудил повод из веревки и, надев его ему на шею, ткнул Пьерро ногами чуть потише. Вместо того чтобы пуститься галопом, носорог побежал рысью, и я каким-то образом ухитрился остаться на борту, крепко держась за веревку. Тем не менее мне никак не удавалось научить его поворачиваться, ускорять и замедлять ход, останавливаться; и чего я только не предпринимал в последующие две недели: постукивал его, толкал, подавал команды жестами и голосом. В результате мне пришлось смириться с фактом, что, если носорог и может позволить мне сесть себе на спину, это вовсе не означает, что он в состоянии научиться менять направление, как это делает его красивая родственница, лошадь. Менее умный и более упрямый Пьерро оказался не першероном.

Однако, как я и ожидал, он был добродушным животным, способным на многое, когда подходишь к нему с добрыми намерениями, а не с оружием в руках. Подружившись со мной, потом он подпустил к себе Бодоко с Бокве, зрителей за животными, аборигенов племен бале, и Беллу с Венерой, двух слоних, живущих «по соседству» в прилегающем краале. Их первые пять встреч происходили в моем присутствии, но потом я открыл двойные ворота между их краалами и позволил им общаться без надзора. Некоторое время Венера с Пьерро погуляли парочкой, совершенно забыв о Белле, которая обиделась и сильно призадумалась. Но, должно быть, двум величественным леди не хватало своих бесед, поэтому через две недели они помирились. Потом носорог находился под каблуком у них обеих — нет, он не был их любовником, спешу вам сообщить, он был их другом.

Обитающие на свободе черные носороги, в отличие от моего домашнего, редко общаются с другими живот-

ными, включая слонов. Старая, убеленная сединами легенда, сохранившаяся еще с классических времен, гласит, что носороги и слоны находятся в состоянии войны, но в реальной жизни два самых больших животных лесистой саванны обычно стараются избегать друг друга. Так как перепуганный носорог — крайне неуверенное в себе животное, рассудительные слоны, дабы избежать неприятностей, никогда не преграждают ему путь.

А вот истеричные Кифару нападают на внезапно встретившихся им слонов, как и на поезда. В большинстве таких случаев носорог затем останавливается и убегает прочь, задрвав хвост и пытаясь даже при быстром отступлении выглядеть впечатляюще. Однако гигантский джаггернаут может совершенно неожиданно с грохотом помчаться вперед и столкнуться с еще более гигантской мишенью. Дальнейшее зависит от того, заденет ли он слегка рогом по мишени и рикошетом отлетит назад, охваченный ужасом, или попадет точно.

Мой друг масай Масака рассказал мне об одном случае, которому он оказался свидетелем где-то в резервации масаев в районе Танганьики. Самец носорога с весьма посредственным рогом накинудся на крупного слона и продырявил ему живот. Слон обхватил хоботом носорога за шею и швырнул его на землю — в точности как поступает лев с южноафриканским буйволом. Затем слон дважды проткнул носорога своими в семь футов длиной бивнями, а затем покончил с ним, наступив ему на голову. Но похоронного обряда, какие устраивают Тембо, носорог не дождался. Слон удалился, злобно бормоча что-то себе под нос и истекая кровью.

Южноафриканские буйволы и другие травоядные обходят сумасбродного носорога стороной. Но вот львы, единственные хищники, достаточно большие, чтобы попытаться это совершить, будто бы нападают на взрослых носорогов и даже убивают их. Сообщения подобного рода, возможно, появились, когда люди увидели львов, пирующих останками носорога, убитого бра-

коньерами, или носорожихи-матери, защищавшей от львов своего детеныша. Даже охотясь стаей, львы, имея дело с южноафриканскими буйволами, уже находятся на пределе своих возможностей, а ведь буйволы весят вполосину меньше черного носорога. Если львы не сошли с ума от голода или не заболели какой-нибудь манией, вроде той, что вынуждала льва из Кимы нападать на железную крышу, у них хватит сообразительности, чтобы поискать себе добычу поменьше.

Единственным реальным врагом Кифару является, разумеется, человек. А единственным другом — волоклрой. Когда трудолюбивая птичка обнаруживает приближающихся охотников, она взлетает и беспрерывно верещит «Чиррр! Чиррр!», чтобы предупредить близлежащего носорога. Если он крепко спит — а носороги дрыхнут, как каменные сфинксы, — птичка продолжает громко кричать. Их «посыльные» — белокрылые цапли, которые обычно или сидят на спинах у носорогов наподобие декоративных украшений, или хватают мух, — предусмотрительно отбывают при первых же признаках опасности.

В награду волоклрой получает личинки подкожных клещей, вытащенных из нагноившихся нарывов. Он вскрывает их своим клювом, затем высасывает гной и выклеывает клещей, размером с боб фасоли, которых находит во всех складках и морщинках шкуры Кифару. Шкура — толстая, но чувствительная, как и у слона, и носорог испытывает боль при этой хирургической операции. Но он все терпит, предпочитая, чтобы его добросовестные друзья облегчали ему страдания и муки, доставляемые паразитами.

Волоклрой могут подавать сигнал тревоги и при появлении другого носорога, и это правильно. Услышав, как с подветренной стороны раздается чья-то поступь, первый носорог может истерично броситься в атаку, другой же тоже, внезапно испугавшись, решит двинуться в яростный бой. Подняв, соответственно, облака пы-

ли, они галопом мчатся друг на друга, а вы, выплевывая песок изо рта, следите за происходящим, ожидая страшного столкновения... но его чаще всего так и не бывает. Выглядящая грозно парочка обыкновенно пронесется мимо друг друга, так как оба они выбрали ошибочный угол зрения, а потом расходятся в разные стороны, чтобы попасть в буше. В том случае, если прицелились они лучше или совершили ошибок поменьше, оба носорога с хриплыми криками вдруг останавливаются на расстоянии двадцати футов друг от друга и идут разными путями, но тоже стараются выглядеть так, будто вовсе ничего не произошло. Каждый из них может иметь свою четко обозначенную территорию, но, когда появляется нарушитель границ, серьезного скандала они не устраивают.

Пытаясь объяснить столь странное отношение Кифару к своему участку, аборигены племени азанде винят в этом тот самый пожар в буше, который вынудил в свое время гиппопотама нырнуть в воду. Опаленные огнем носороги носились по земле под предводительством с трудом передвигающегося атамана своего племени. Как только они оказались в безопасности, вождь носорогов предложил воинам воздвигнуть стену из навоза по краям проложенных ими троп и полить мочой, чтобы склеить, как термиты склеивают слюной свои каменные кладки. И когда пожар возникнет снова, объяснил атаман, все племя целиком сможет спрятаться за стеной наваленного кучами навоза.

Не хочется портить хорошую сказку, но, увы, Великой Африканской Стены не существует. Носорог часто наведывается к своим собственным испражнениям и иногда выстраивает видимые сооружения, отмечающие границы его владений, но он также время от времени и разрушает свои экскременты собственными задними ногами, как собака, тычет в них носом и нюхает. Ученые расходятся во мнениях на этот счет: носорог будто бы таким способом оповещает округу о своем присутствии;

или, наоборот, пытается скрыть свое присутствие. У местного населения имеются свои соображения по этому поводу. Мифы северного Конго утверждают, что Кифару ищет в навозе давным-давно утерянную иглу, так как думает, что он ее проглотил. А легенды юга объясняют, что он проверяет, «все ли колючки выпали из его мозгов».

Я сомневаюсь, что кто-либо когда-нибудь выяснит истинные мотивы такого поведения Кифару, если они у него все-таки имеются, но объяснения местного населения заслуживают того, чтобы отнестись к ним с интересом. «Иголки», или похожие на иголки колючки, играют главную роль почти во всех сказках о носорогах, потому что черный носорог ими питается. Поедая примерно три бушеля листьев и веток ежедневно, он проглатывает огромное количество свежих колючек. И создается впечатление, что от этого он нисколько не страдает. Как ни удивительно это звучит, носорог поглощает толстые колючие листья молочая, от едкого, похожего на молоко сока которого человеческая кожа покрывается волдырями. Мало того, он даже обедает ветками свечного дерева, вида молочая, соком которого представители племен Восточной Африки отравляют стрелы для охоты на носорогов. Ядовитый молочай может отравить Кифару, если попадет ему в кровь, но его луженый желудок этот яд переносит. Фактически молочай является основной пищей носорога в районах, где животное им и убивают.

В местностях, где охотятся редко — в звериных угодьях и национальных парках, — носороги пасутся днем, перебегая рысью открытое пространство, скрываясь от опасности или двигаясь ей навстречу. В тех местах, где на них охотятся постоянно, носороги кормятся, начиная с позднего вечера и кончая ранним утром, а в другое время прячутся в специальных убежищах, которые местное население называет «домами носорогов». Каждый носорог расчищает себе место в самых густых зарослях,



диаметром в пятнадцать — двадцать футов, куда забирается во время дождя.

И пока он спит в своем домике, опытный охотник может подобраться к нему и ткнуть в Кифару отравленным копьем или засунуть ружье прямо в ухо животного. Правда, если поблизости находятся волоклюи, они поднимают тревогу и, в случае необходимости, даже колотят спящего носорога по голове. Тогда Кифару, если успевает проснуться вовремя, выскакивает из своего дома и в ужасе несется галопом сквозь буш.

Если бегущий носорог сталкивается с охотником, он якобы «нападает» на свою «жертву». Если пуля попадает в него, он может помчаться прямо на охотника, но все равно не «нападает», а просто находится в шоке от страха и неожиданности. Однако в том случае, когда охотник быстро стреляет носорогу прямо в глаз, ухо или висок, Кифару, в буквальном смысле, падает на свой собственный след. Он никогда не падает на бок, как большинство умирающих животных, а опускается на землю, склонив голову между вытянутыми передними ногами. И кажется, будто он внезапно заснул.

Непотревоженный носорог просыпается на рассвете или поздним вечером, если небо затянуто облаками, рысью бежит по хорошо знакомой тропе к воде либо к грязевой яме, проглатывая на ходу колючие лакомые кушочки. Вволю напившись и всласть повалявшись в грязи, он другой, отлично проложенной, тропой устремляется к любимому пастбищу в более открытой местности. Там он ошиповывает кусты, выкапывает передним рогом корешки и делает большой вклад в строительство легендарной великой стены носорожьего племени. Когда приходит утро, он направляется к воде, опять же какой-то другой из его троп, напивается и бредет домой, пробираясь сквозь тернистый лабиринт, чтобы проспать весь следующий день.

При встрече с другим носорогом Кифару несколько раз сделают вид, будто нападают друг на друга, а затем,

ежели прекрасно знакомы, касаются друг друга или трутся носами, прежде чем рысью разбежаться по своим делам. Вот таков обычный уклад жизни Кифару, за исключением тех моментов, когда у самки начинается течка.

Спариваются они не только в любое время года, но и в любое время ночи и дня. Когда вступившие в брачный период самки находятся неподалеку, ежедневные привычные дела откладываются на потом. Почувяв амурный запах самки на расстоянии более чем в милю, самец спит и ест мало. Он уходит далеко от своего привычного пастбища и частенько попадает в беду, столкнувшись с местным или с белым населением близлежащих поселений. Ну, а если носорог-самец услышит призывный клич самки, которая кричит фальцетом: «Уииии! Уииии!» — он несется в поисках дамы сломя голову сквозь чащи и храпит.

Когда самец встречает созревшую самку, прогуливающуюся в полном одиночестве, начинается смешное ухаживание. Однако если ее сопровождает теленок, к которому она привязана до тех пор, пока он не станет с нее ростом, то, независимо от его возраста и пола, теленок начинает сам проявлять свою привязанность к матери, что выражается в попытках защитить ее от предполагаемого возлюбленного. Самцу приходится отступать несколько раз, так как ребенок-храбрец кидается в атаку. Ухажеру хорошо известно, что если он нанесет теленку увечье, то самка сама бросится в нападение всерьез. Эта комедия продолжается до тех пор, пока ей не удастся успокоить своего детеныша или пока он сам не поймет, что поклонник не опасен.

Смирившись со сложившейся ситуацией, теленок болтается рядом, но последующее поведение матери и ее ухажера полностью игнорирует. Создается впечатление, что длительное шумное ухаживание носорогов и спаривание вызывают неослабевающий интерес у других зверей. Гну, которым исключительно любопытно все,

что происходит вокруг, являются самыми рьяными наблюдателями; однако и слоны, и южноафриканские буйволы, и гиены, и павианы, и охотники-люди следят за происходящим на расстоянии с очень смешным и увлеченным видом. Правда, увлеченные носороги обыкновенно не обращают на зрителей никакого внимания.

Самка все ходит, и ходит, и ходит, а самец мельтешит рядом с ней. Когда она писает во время течки, он, правильно истолковав значение этого процесса, нюхает и поднимает голову вверх, указывая передним рогом в небеса, и скручивает, наподобие узла, свой хоботок-губу. Временами он тычет ее рогом под ребра, иногда они останавливаются и глядят друг на друга, игриво подталкивают партнера рогами или ласково трутся головами.

Через какое-то время носорог подходит к самке очень любопытной походкой — передние ноги не гнутся, а задние волочатся по земле одна за другой. Затем он испражняется, сопровождая свое действие странными, наподобие маятника, раскачиваниями головы, царапаньем рогом землю и скручиванием верхней губы. Так как те же маневры он совершает близ собственных куч помета, возникло предположение, что таким манером носороги демонстрируют свою половую потенцию.

Самка глядит на все это с застенчивым, по всей вероятности, видом. Но бывают случаи, когда она ни с того ни с сего с громким храпом кидается на него и начинает колотить передним рогом. Поцарапанный или окровавленный самец галопом уносится прочь, но затем возвращается и опять начинает ходить вокруг нее кругами жеманной походкой и раскачивает головой, как маятником. После нескольких циклов такого ухаживания она подпускает его к себе, и он, встав на задние ноги, кладет передние ей на спину. Но не спаривается, хотя этого момента мог добиваться несколько часов. Он просто стоит... и стоит и не делает абсолютно ничего, а рог его и хвост с кисточкой устремлены к небу.

И так он может стоять минут десять. Тогда самка отходит в сторону, а он опускается на землю. Иногда она может треснуть его рогом — и заслуженно! — но обычно просто отходит. И все опять начинается сначала, и опять носорог оседлывает ее и стоит в причудливой позе, и подобное действие происходит раз пятнадцать — двадцать в последующие несколько часов.

Когда в конце концов, по своим лишь ему ведомым причинам, самец приходит к выводу, что пора, он опускает свой с кисточкой хвост. И тогда он берет самку и спаривается с ней полчаса или более, а она время от времени взвизгивает. И в такой момент к ним может подойти браконьер любого цвета.

Наконец она отходит в сторону, он опускается на землю, и они вдвоем начинают жадно есть. Иногда она может прилечь, но ненадолго, носорог ложится рядом с ней. Выглядят они как настоящая супружеская чета, но брак этот обычно длится всего лишь несколько часов, в зависимости от прихоти самки. В отличие от сентиментальных слонов, чьи браки, моногамные или полигамные, длятся долго, носороги, очевидно, предпочитают свободную любовь. И хотя самки могут подпускать к себе одного и того же самца несколько дней подряд или, что случается реже, несколько недель, они в то же самое время ищут и принимают от двух до трех поклонников за день.

Ежели двум или более самцам приходится соперничать за благосклонность дамы, женихи своим поведением показывают, что готовы драться: злобно скручивают верхнюю губу и выпрямляют уши. Но по-настоящему дерутся они редко. Обычно они притворяются, будто собираются атаковать: угрожающе похрапывают и покрикивают, медленно переставляют по земле негнущиеся ноги, испражняются и либо раскачивают головами, либо дергают ими вверх-вниз. Носороги-самцы редко колют друг друга рогами, как это делает самка, но порой они дерутся, пытаясь рогом стукнуть соперника по голо-

ве. В конечном итоге один из них решает удалиться или же самке надоедает ждать, чем кончится этот псевдопоединок, и она удирает с третьим.

Результат их носорожьих колдовских манипуляций появляется месяцев через восемнадцать после периода беременности, которая тянется дольше, чем у других животных, за исключением слонов. Единственный детеныш черного носорога, высотой примерно в два с половиной фута и весом около семидесяти фунтов, словно жеребенок, скачет рядом со своей заботливой мамашей. А вот малыш белого носорога всегда шествует впереди, подталкиваемый и управляемый материнским передним рогом.

К какому бы виду носорогов ребенок ни принадлежал, он всегда ведет себя поразительно и уникально: это единственные юные животные в Африке, которые отважно бросаются на защиту своей матери и порой погибают. Даже в три фута ростом детеныш носорога станет бесконечно нападать на банду местных браконьеров, дабы защитить ее труп, пронзенный стрелой. И его нужно убить или поймать, прежде чем подойти к трупу «чудовища» и отрезать столь желанные рога.

В отличие от слоновой кости, носорожий рог при резке крошится, поэтому он не обладает ни красотой, ни пользой. Но, как ни парадоксально это звучит, стоимость его гораздо выше — около 15 фунтов стерлингов за фунт при вывозе из африканских портов. На Востоке и в арабских странах эта цифра увеличивается во много раз, и скупщики зарабатывают на продаже одного рога от 1500 до 5000 фунтов. Обыкновенно они измельчают его на крупинки и продают суеверным олухам, которые считают, что рог Кифару излечивает все болезни и усиливает половую потенцию.

Так как носорог карабкается на самку очень часто и стоит в этой позе длительный период времени, азиаты веками верят в то, что проглотивший измельченный рог носорога — явный символ половой мощи животного —

волшебным образом получит возможность бесконечно заниматься любовью с женой или с гаремом. Некоторые развратные старики размешивают порошок рога в вине, другие растирают кусочек рога, диаметром в дюйм, в пудру, кладут в муслиновый мешочек и кипятят его в чашке воды. Выпив вино или темно-коричневый носорожий чай, кое-кто из них ощущает прилив сексуальной энергии — точно так же простофили и невротики западного мира чувствуют облегчение при воображаемых болезнях, приняв плацебо или таблетки из сахара, выпитые им исключительно для успокоения. Эффект достигается только благодаря самовнушению, потому что рог носорога усиливает половую потенцию точно так же, как истолченные в порошок волосы или ногти.

Целые рога аккуратно выдалбливаются изнутри и продаются тем, кто достаточно богат и туп, чтобы заплатить несколько тысяч долларов за «волшебный сосуд для питья». По старому суевию, если враг добавит яд в рисовое вино или чай обладателю рога, отравленный напиток либо вспенится и выльется из рога, либо сам рог разлетится на куски. Вероятно, обманутым покупателям уже не суждено пожаловаться.

Носорожьи копыта, шерсть, шкура, кости, внутренности и даже моча идут на изготовление псевдолекарств, магических и религиозных предметов у различных народностей Южной и Восточной Африки. Чтобы получить прибыль от продажи этих отвратительных лекарств и талисманов, на Востоке три подвида носорога были доведены до грани полного исчезновения. Их убивали из засады, из паланкинов на слонах, травили ядами, ставили ловушки и рыли ямы. На сегодняшний день на свете осталось предположительно 40 яванских носорогов, около 170 суматранских и примерно 600 больших индийских на северо-востоке Индии и Непала. Часть оставшихся в живых носорогов обитает в заповедниках и резерватах, но официальным властям очень трудно охранять животных от браконьеров, которые ради полу-

чения драгоценного рога готовы сесть в тюрьму или получить пулю из ружья егеря.

Следует заметить, что в некоторых азиатских странах правительство само подает плохой пример своему народу. Еще недавно в Бирме правительство официально разрешило уничтожать носорогов «для медицинских целей», и, несмотря на то, что все живые животные «охраняются законом», кровь носорога и части его тела продаются совершенно свободно и легально. В Непале, где в долине Рапти обитают 200 больших индийских носорогов и зрителям дозволено стрелять в браконьеров без предупреждения, король Махендра несколько лет тому назад организовал специальную охоту, чтобы принести в жертву носорожьей крови в честь памяти своего отца короля Трибхувана. Там, где сам король пренебрегает законом, трудно создавать заповедники.

Чтобы снабдить Восток фальшивыми афродизиаками и панацеей от всех болезней, а местное население — мясом и шкурой, африканских белых носорогов уничтожали беспощадно. К ним можно было подобраться относительно легко на открытой травянистой равнине. Так как у самок белых носорогов рога были длиннее, чем у самцов, женских особей убивали одну за другой, что губительно для видов животных, размножающихся медленно. На севере сохранилось около 400 белых носорогов в Конго, где у них осталось мало шансов на выживание, еще примерно 600 обитают в Судане, теперь их там надежно охраняют. Есть еще 1000 особей в Южной Африке, где их число возрастает благодаря строгим законам по охране животных и суровым мерам по соблюдению этих законов.

Бедный неуклюжий Кифару, прячущийся в своих любимых зарослях, кажется, далек от вымирания: число черных носорогов достигает 10 000—13 000, большая часть которых обитает в национальных парках и угодьях. Эта цифра обнадеживает и даже впечатляет, но уровень их численности все же уменьшается, так как жаждущие

денег браконьеры продолжают забираться в плохо охраняемые заповедники с оружием, ловушками и отравленными стрелами. Даже масаи, испортившись, к несчастью, как и остальные племена, идут с копьями на э-муни, так они называют черных носорогов. Они утверждают, что делают это ради «защиты», но на самом деле им требуются деньги или — спаси их Господь, — нелегальные наркотики, которые масаи могут получить взамен.

Каждый год браконьеры убивают около 20 процентов обитающих в Африке черных носорогов, а рождаемость у них составляет всего 5 скудных процентов. Резню можно сократить, если установить жесткие меры пресечения среди племен ареалов, в которых браконьерство достигло внушительных размеров. Но в Момбасе носорожьи рога продаются на аукционах совершенно легально и так же легально импортируются на Восток. Именно там лет через двадцать или около того и окажется последний черный носорог в виде «чудодейственного» порошка в муслиновом мешочке.

Тем временем западные охотники, которые с презрением относятся к суевериям Востока, пытаются возвеличить свой профессионализм, убивая и обезглавливая носорогов. Те, кому по какой-либо причине не удалось получить внушительного вида трофей, покупают голову носорога в Найроби или в магазинах таксидермистов в Аруше, привозят ее к себе на родину и выдают за собственное охотничье достижение. Более амбициозные охотники — «завсегдатаи баров» — приобретают огромные и не очень огромные головы из-под полы.

Еще один оскорбительный предмет силы делается из пениса носорога. К нему привязывают вес в три фунта, а потом подвешивают сушиться на солнце, затем растягивают, обрезают и полируют, чтобы соорудить страшный трехфутовый шамбок — одним ударом этой плети можно рассечь человеческое тело до кости. Иногда ее делают из шкуры бегемота — но она не столь жесткая и



эластичная. К тому же, я полагаю, он лишен той самой «магической» силы, которая одаряет половой потенци-ей.

Толстая, но мягкая шкура Кифару, в которую с легкостью проникают пули и охотничий нож, высушенная, становится очень твердой и крепкой. Стоимостью десять пенсов за фунт, она идет на щиты аборигенов, крышки столов, подошвы сандалий и сиденья для стульев. Плоть черного носорога особой популярностью у африканцев не пользуется, потому что животное лишено подкожного жира и мясо его сухое. Однако носорожий окорок часто восхваляют кое-какие рьяные гурманы, а один из них, вышеупомянутый доктор Колб, безумно любил печень носорога. Тедди Рузвельт, первый американский президент, ратующий за охрану животных, рассказывал в своей книге «Тропы африканских диких животных», как доктор Колб, охотясь на севере Кении, перебил огромное количество Кифару ради их печени и потом был атакован и убит раненой самкой носорога, которая «проткнула рогом ему живот». Очень надеюсь, что она попала ему прямо в печень.

Сам Тедди, который охотился за экспонатами для музея, провозгласил плоть белого носорога «превосходной», особенно мясо с заливкой. Африканские аборигены соглашались с ним. Они со вкусом поедают сало белого носорога, которое он накапливает за период с марта по август, отчего его мясо приобретает прекрасный, как у быка, вкус. Мясо Абу-Гарна едят все, но главным образом получают гастрономическое удовольствие от части с заливкой, которое срезается и готовится прямо в шкуре в яме для барбекю.

Для убийства черных и белых носорогов местное население обыкновенно использует все свои традиционные методы: ямы, ловушки, отравленные стрелы и другие приспособления. Арабы в Судане охотятся на носорогов так же, как и на слонов, — верхом на лошадях и вооруженные широкими двуручными мечами. Однако,

как оказалось, Кифару стреножить куда сложнее. Его небольшой рост позволяет ему маневрировать проворнее, чем слону, а в скорости он может конкурировать с самыми лучшими лошадьми. А так как, в отличие от слона, он в состоянии передвигаться с раненой ногой, у охотников возникает необходимость перерезать сухожилия на его обеих задних ногах. Более тяжелого и более медлительного белого носорога, у которого и рога длиннее и дороже, убить легко.

Первые европейские охотники предпочитали охотиться на белого носорога по тем же причинам. Несмотря на то, что охотились они, как и полукровки-арабы Судана, верхом, в отваге и опыте они не нуждались, потому что имели современное оружие, которым убивали с расстояния. Фредерик Кортни Селоус, профессиональный охотник начала XX века, который был признан «величайшим в мире охотником на крупных диких животных», так описывал свою технику охоты на белых носорогов:

«Как правило, стрелять в белых носорогов, сидя верхом, нетрудно, потому что, если скакать галопом чуть впереди белого носорога, он никуда не сворачивает. Поэтому, чуточку его перегнав, можно сделать прекрасный точный выстрел. А вот носороги с губой-хоботком в подобных же обстоятельствах обычно сворачивают, и стрелять приходится по задней их части».

Несмотря на элементарную осторожность, присущую Кифару, он становился легкой добычей охотников, вооруженных огнестрельным оружием и сидящих верхом. Селоус, профессионал самого высокого класса своего времени, ставил черного носорога на низшую ступень Большой Пятерки, на высшую он помещал льва. Лейтенант-губернатор Восточной Африки Джексон, один из наиболее опытных в то время охотников-любителей, тоже ставил носорога последним, а первым местом он удостоивал южноафриканского буйвола. Но сэр Самуэль Бейкер — по всей вероятности спятив

от огромного количества съеденного супа из гиппопотама — заявлял, что черный носорог куда опаснее южно-африканского буйвола или льва.

Даже Тедди Рузвельт, который считал себя новичком в саваннах Восточной Африки, знал больше. В «Тропах африканских диких животных» он тактично заметил, что сэр Самуэль обладал «меньшим опытом», чем другие известные и профессиональные охотники. Свой баллотированный шар на первое место в Большой Пятерке Тедди отдал льву. Он судил разумно, исходя из последствий, а не из размеров и внешнего облика животного. Вот что он писал:

«...за последние три-четыре года в немецкой и британской Восточной Африке и Уганде более пятидесяти белых человек были убиты или растерзаны львами, буйволами, слонами и носорогами, и большинство на счету у львов. В церковном дворе Найроби мне показали могилы семи человек, убитых львами, и одного, убитого носорогом».

Кифару увеличил свой счет жертв несколько лет тому назад, прикончив первого американского белого охотника Чарльза Коттара, друга Тедди Рузвельта. С тех пор, хоть ему и удалось уничтожить случайно какого-нибудь охотника или браконьера, люди застрелили несколько сот тысяч черных носорогов. Местные браконьеры, вооружившись современным оружием, убивают носорогов в гигантских количествах, как и всех остальных африканских диких животных, а заикленные на трофеях туристы и их гиды ежегодно увеличивают число убитых черных носорогов штук на двести каждый год. Один Джон А. Хантер (Охотник), знаменитый профессионал, обладающий соответствующим именем, убил свыше тысячи черных носорогов за период менее двух лет — между августом 1944 года и декабрем 1946 года — с помощью лишь трех местных следопытов.

Хантер не был искателем приключений старого образца, которого интересовала одна прибыль. Это был

честный, ответственный ветеран, находящийся на службе Департамента по охоте в Кении, где ему поручили устроить, как он назвал, «самую большую охоту на носорогов в истории», в округе Макуэни района Мачакос. Племя вакамба, население которого выросло в шесть раз с тех пор, как британское колониальное правительство обеспечило их современной медицинской помощью и запретило масаям их убивать, просило предоставить им новые земли для заселения.

Хантер, будучи не только метким стрелком, но и прекрасным знатоком повадок животных, отправился в заросли колючего кустарника и акации, где нашло себе приют носорожье племени. И этот труд был куда более опасен, чем охота за трофеями, которая практикуется в местах, где природный покров редкий и спортсмены могут заранее выбрать самые большие головы. Но Хантеру все-таки удалось, несмотря на волоклюев, которых он называл «пернатыми шпионами», справиться со своим заданием. Об этом погроме в Восточной Африке он поведал в своей книге «Охотник» и рассказал о нем без хвастовства, сравнивая так называемую в Голливуде «рогатую ярость» с «раздраженным, близоруким старым полковником, который вдруг обнаруживает постороннего в своем собственном саду»<sup>1</sup>.

Впоследствии, когда колючий кустарник и акация были выкорчеваны, а другие живые существа изгнаны группой рабочих, земля стала «голой, как полированный стол», и была передана вакамба для возделывания. Теперь она скорее всего стала бесполезной, так как подобное уничтожение природного покрытия обычно всегда вызывает сильную эрозию почвы.

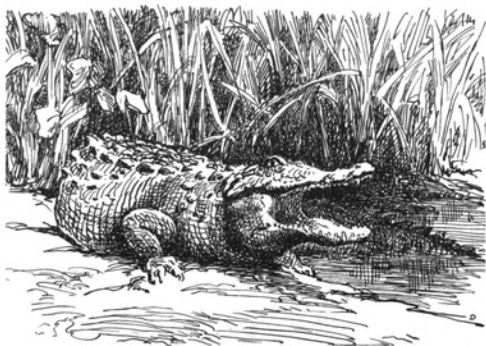
Вспоминая свою тысячу убитых носорогов, Хантер дает следующий комментарий: «Стоит ли убивать этих необычных и великолепных животных исключительно

---

<sup>1</sup> Хантер Джон. Охотник. Перевод с английского В. В. Кривошекова. М., 2001.

ради того, чтобы добавить несколько акров земли людям, чье число постоянно увеличивается? Не знаю. Но я знаю одно: наступит время, когда не останется земли, которую можно будет очистить. Что будем делать тогда?»





## МАМБА

### *Бомж с физическими недостатками*

Самым опасным африканским животным, с точки зрения обычного человека, а не охотника, является не леопард, не лев, не слон, не буйвол и не носорог. Этот зверь убивает больше народу, чем все вышеупомянутые вместе взятые, хотя самого его уничтожить гораздо проще, так как он не может сравниться ни скоростью, ни ловкостью, ни бдительностью ни с кем из Большой Пятерки. По сути, он обладает таким большим количеством физических недостатков, что само его существование в современном мире уже — парадокс и чудо.

Родственные ему динозавры, которых природа создала более приспособленными к жизни, вымерли около 120 миллионов лет назад. Африканский крокодил, которому мешает жить спокойно его же собственная анатомия, не только является продолжателем рода доисторических рептилий, но и главным самым везу-

чим людоедом на континенте. При всем при этом он не может повернуть голову, чтобы схватить человека, его устрашающие на вид челюсти не способны покончить с жертвой, длинная батарея зубов не в состоянии ее разжевать, а узкий пищевод — проглотить человека.

Сконструированный природой как питающийся рыбой, крабами и всяческой тухлятиной падальщик, этот дряхлый бомж рек и озер, как ни странно, превратился в Африке в Государственного Преступника Номер Один. Известный как Мамба на языке суахили — это слово является дальним отголоском названия проворных змей, зеленых и черных мамб — создал себе репутацию исключительно благодаря глупости ставших его жертвой людей.

Сами африканцы, сталкиваясь с единственным представителем животного мира, постоянно обедающим людьми, относятся к существованию этой скрытой угрозы с равнодушной апатией и ведут с крокодилом опасную игру до тех пор, пока сами не попадают к нему на зубок. Люди, которые при виде восьмифутового леопарда несутся прочь с криками ужаса, позволяют себе поспать на берегу, где их поджидает питающееся плотью животное, больше леопарда в двадцать раз и куда менее осторожное. Женщины стирают белье, войдя в воду, и отбивают его о камни, стоя лицом к берегу. Дети, погибающие от зубов крокодила сотнями за год, играют на отмелях без всякого присмотра. Никому из африканцев даже в голову не приходит поставить стражу, а если им это предложить, то в ответ послышатся смех и ругань. Они считают, что эта самая элементарная предосторожность повлечет за собой «слишком много забот».

Но все сказанное совсем не означает, что крокодилов необходимо убивать. Потому что в тех случаях, когда власти пытались истреблять гигантских рептилий в огромном количестве, эти меры приносили не помощь, а вред: хищные рыбы, численность которых контролировали ушедшие в иной мир крокодилы, плодились в не-

сусветном количестве и пожирали популяцию рыб, служивших главным источником пищи местного населения. Жалко, конечно, тех беспечных, которые попадают в зубы крокодилов, но, когда от голода страдают целые племена или, что еще губительнее, становятся не способными жить присущим им образом жизни, это гораздо страшнее.

Белые люди в Африке, которые редко ведут себя так же глупо и почти никогда не гибнут от зубов крокодила, обыкновенно высказывают мнение, которое, по-моему, еще глупее. Они твердят почти как ритуал, что крокодилы «злые», «жестокие», «подлые», «кровожадные» и «отвратительные», и посему они отстреливают крокодилов, когда те просто плавают и греются на солнышке. И проделывают это с пылом добродетели, присущим громящим сарацинов крестоносцам или сжигающим еретиков и ведьм средневековым священникам.

Миссионеры и кинозвезды, браконьеры и сентиментальные любители природы, постоянные жители Африки и туристы — все они хором поносят крокодилов и безудержно, систематически прилагают все усилия, чтобы стереть этих рептилий с лица земли. Охотники-любители, желая испытать риск по своей кредитной карточке, яростно пуляют по ним, ради потворствования своим страстям и получения доходов с продажи их шкур. Не устоял даже непоколебимый поборник защиты окружающей среды Тедди Рузвельт. В «Тропах африканских диких животных» он хвастался, что «стреляет в крокодилов при каждом удобном случае». И титана XX века, сэра Уинстона Черчилля, тоже при виде крокодилов охватывало стремление карать. «Я с раскаянием признаюсь, — писал сэр Уинстон после недолгого путешествия по Нилу, — в настоящей ненависти к этим негодьям и желании их убивать...»

Страх и ненависть к рептилиям, вне зависимости от того, опасные они или нет, являются неотъемлемой частью нашего эволюционного наследия. Наши дальние



предки приматы, должно быть, очень страдали от древесных змей, так как современные обезьяны и человекообразные ведут себя столь же глупо, как и люди: при виде безобидной подвязковой змеи, даже мертвой, их охватывает прямо-таки сверхъестественный ужас, и от страха они чуть ли не сходят с ума. Если бы нашим друзьям-человекоподобным выдали оружие и научили им пользоваться, они бы убивали каждую встреченную рептилию. А если бы у них хватило времени на эволюцию, то придумали бы, наверное, своих крокодилов и змей-чудовищ, как человечество выдумало своих рептилий-«демонов». Например, в Древнем Египте Апепа, злого дракона ночи или крылатого змея, люди скопировали с нильского крокодила. В Вавилоне его родственницей была Тиамат, крылатая демоница. А в Библии лукавым негодяем выступал «дракон, древний змий, называемый Дьяволом и Сатаной».

С доисторических времен крокодилов и змей люди ассоциировали с абсолютным, даже космическим злом. Ни к каким другим животным они не относятся со столь явным отвращением, хотя сами же и обрядили их в маски чудищ. Змеи, если их не трогать, никогда не нападают на человека, но их называют «злыми» только потому, что они временами кусают, причем защищаясь и обычно в тех случаях, когда на них наступают. Крокодилов называют злыми потому, что порой они едят людей, — но они готовы съесть любой протеин, который плавает, дрейфует или попадает им на пути, включая собственное потомство. Тем не менее они не убивают во имя социального положения, ненависти, страсти к наживе или суеверия, следовательно, звание спортсменов они не заслуживают.

Созданный охотиться на более малорослых и более малогабаритных животных, чем человек, Мамба передвигается в воде с помощью четырех лап, согнутых параллельно телу. Боковыми движениями хвоста он помогает себе передвигаться вперед и управлять собственным

телом так, чтобы рыбы, крабы или животный детрит попадали ему в пасть. Он не в состоянии повернуть голову в сторону, так как к его шейным позвонкам крепятся костяные ребра, из-за которых жесткая шея лишена подвижности. Для того чтобы двигаться в строго горизонтальном положении, ему приходится поворачиваться всем телом вместе с челюстями. Если пловцы человеческого рода, которых он пытается поймать, примут в воде вертикальное положение, то вполне могут спастись от его бросков. Если курсирующему крокодилу удастся найти человеческую жертву, он с огромной силой опускает свою верхнюю челюсть и крепко, как пинцетом, хватает свой потенциальный обед нижней челюстью, которая зафиксирована и неподвижна. У других животных в подобной ситуации проблем уже не имеется. А Мамба в этот момент оказывается в затруднительном положении.

Рот-то закрыть легко, но мышцы, которые открывают его рот и поднимают верхнюю челюсть, настолько неэффективны, что крокодилу можно заткнуть пасть куском обычного стебля, потому что его рудиментарный язык, полностью прикрепленный к нижней челюсти, абсолютно бесполезен при приеме пищи. Таким образом, несмотря на батарею грозного вида длинных, конусообразных, расположенных в отдельных ячейках, легко ломающихся и постоянно сменяющихся зубов, древняя рептилия жевать не может. Пользуясь одними челюстями, она не в состоянии убить человека, не говоря уже о том, чтобы съесть его.

О том, как крокодил решает эту проблему, рассказывается в прелестной и до сих пор популярной восточной легенде. Некогда малайцам приходилось делить свою территорию в огромной дельте с обитающими в соленой воде крокодилами. И царь Соломон запретил Нага Безару — Большому Дракону — уносить человеческие жизни. Крокодил повиновался царю, но сделал это так хитро, что и сам Соломон бы не додумался: он затаски-

вал людей под воду и держал их там до тех пор, пока они не тонули. Поэтому он всегда мог заявить, что человека погубили озеро или река, а не он.

Крокодил способен оставаться под водой почти час. Но он не может глотать под водой и, даже если бы мог, в его узкий пищевод не пролезет ничего крупнее собаки или гиены. Поэтому он снова всплывает на поверхность с уже захлебнувшейся жертвой, но еще несъедобной. Зажав ее челюстями, как тисками, он очень сильно трясет жертву, сам при этом резко извиваясь всем позвоночником от головы до хвоста. Если он держит труп за руку, то она вскоре отрывается от тела, и крокодил проглатывает руку, которая легко проскальзывает в пищевод. Потом он принимается за остальное, если только какой-нибудь другой крокодил не успевает стащить этот с трудом добытый обед. И все повторяется заново, но уже с другими конечностями и головой. Оставшуюся плоть он утаскивает под воду и заталкивает в какую-нибудь удобную пещеру — разлагаться. Время от времени он посещает ее так же, как леопард приходит к падали, оставленной им в развилине дерева, — и отрывает кусок протухшей мертвечины, чтобы проглотить его опять же на поверхности.

Привычка крокодила наведываться в свою закусочную вызывает у людей чувства ужаса и отвращения сильнее, нежели какая-либо иная его повадка. Помимо многочисленных комментариев по этому поводу, высказывание Роберта Руарка составляет суть общего суждения. В кратком биографическом очерке крокодила, под названием «Вульгарный убийца», он описывает «немигающий взгляд, молчаливое подлое скольжение под водой, абсолютную непреклонность его целеустремлений, заключительную хватку стальными массивными челюстями и дикий ужас жертвы при мысли о том, что ей суждено оказаться в вонючей пещере в илистом берегу в ожидании того, когда голодное чудовище придет насладиться».

Неужели подобный конец и впрямь является для мертвого «диким ужасом»?

Некоторые африканские племена всегда оставляют своих мертвецов на съедение питающимся падалью гиенам. Да, этот народ считается примитивным, но одна признанная в мире религия признает подобный похоронный обряд уместным, обязательным и даже святым. Парсы — индийские последователи зороастризма — помещают своих умерших в дахмасы, или «башни молчания», выставляя их на пожирание стервятникам и диким собакам. Не так давно, пойдя на уступку другим религиозным группам, некоторые парсы стали сжигать своих умерших электрическим током или помещать тела в цементированные гробы, дабы не загрязнять священные элементы огня и земли. Честно говоря, я не понимаю, почему сжигание электрическим током или упаковка в цементированные ящики — классическая судьба преступников и старомодных гангстеров — является эстетическим или духовным улучшением нравов.

Вероятно, кому-то покажется, что я не испытываю жалости к жертвам крокодила, но все дело в том, что сам я находился гораздо ближе к «дикому ужасу» подводной кладовой Мамбы, чем те, кто пишут о ней с таким оскорбленным негодованием. Если бы крокодилы замыслили пустить мою шкуру на изготовление записных книжек и тувель-лодочек на высоком каблуке, я бы и по сию пору точил на них зуб. Но они хотели всего лишь съесть меня, что вполне понятно.

В сопровождении шести рыбаков народности багома и пятнадцати носильщиков я отправился в местечко под названием бухта Мвекараго, на восточном берегу озера Танганьика, неподалеку от южной границы Бурунди. Вместе со своими шестью помощниками я ловил рыбу, типа сельди, которая на местном наречии называется ндалага. Но взамен традиционных приспособлений для ужения мы использовали динамит. Если бы подобное произошло при других обстоятельствах, я бы, как пред-

ставитель бывшего Бельгийского колониального правительства, привлек бы к ответственности любого, будь он черным или белым, потому что это было чудовищным нарушением строгих законов о защите природы. А на этот раз я тайно нарушал закон сам. Но для подобных действий у меня имелась достаточная причина: после страшной засухи в районе Моссо в Бурунди царил страшный голод.

Я уже перебрал на грузовиках в Моссо семь тонн рыбы, и теперь, 24 октября 1955 года, мы с помощниками приехали на озеро за последней партией. Наши четыре пироги неровным кругом плавали примерно в трехстах футах от берега, а неподалеку дрейфовали зрители-крокодилы в надежде, что и им что-нибудь достанется. Встав в пироге во весь рост, я, чтобы взорвать динамит, поднес к запалу зажигалку... и пламя с шипением пробежало по бикфордову шнуру около фута — шнур оказался с дефектом. Я попытался бросить заряд в воду, но не успел. Двести граммов желатинового динамита взорвались у меня в правой руке. Остальная моя часть свалилась в озеро Танганьика.

От страха оказаться ответственными за внезапную гибель белого человека, рыбаки багома поспешно поплыли прочь к своей деревне, находящейся в двух милях на севере. Но чудесным образом я остался в живых. Наполовину оглохнув, временно ослепнув на правый глаз и медленно истекая кровью из разодранных шеи, груди и обрубка правой руки, я обнаружил, что каким-то образом плыву. И, хотя голова моя кружилась, я находился в полном сознании. Мне уже казалось, что я обречен на съедение этим внимательным зрителям-крокодилам. И если бы я запаниковал при мысли о том, как ведут они себя за обедом или как выглядит их подводная кладовая, Мамбы наверняка бы меня съели.

Два больших крокодила двинулись ко мне. Я видел их серо-зеленоватые рыла и гребни. Их спины, покрытые щитками, пересекали воду, оставляя в кильватере

волны. Я устремился к берегу, загребая нескладным одноруким австралийским кролем. Чтобы уменьшить потоки крови, я согнул правую руку и крепко прижал к ребрам.

В ста футах от берега крокодилы меня догнали. Два больших, которых я заметил первыми, уже почти касались моих пяток. Повернув голову, я увидел еще пятых, поменьше. Они приближались ко мне справа, то есть со стороны моего ослепшего глаза. Тогда я изменил позицию с горизонтальной на почти вертикальную, продолжая двигаться к берегу неловким собачьим стилем, загребая как можно сильнее. Слева возникли еще два крокодила, один из них был гигантской зверюгой примерно в два фута длиной — почти как местный челнок. Он рванул ко мне будто зеленая торпеда, оснащенная хребтом. Спустя мгновение я услышал позади глухое клацанье, напоминавшее звук большого говорящего бабабана. Это лязгнули челюсти. Еще несколько секунд, и клацанье раздалось близ моего правого плеча, и я почувствовал, как крокодил проплыл рядом со мной — его щитки царапнули меня по спине и содрали остатки футболки. Я прибавил скорость. Когда проплывал последние ярды, то думал, что сердце у меня разорвется. Добравшись до берега, я заставил себя пройти еще пятьдесят футов, уже по земле, чтобы оказаться от крокодилов на безопасном расстоянии. И только тогда сел, чтобы прийти в себя.

То, что мне удалось спастись, служит убедительным доказательством того, что наделенные природой физическими недостатками рептилии имеют мало шансов на победу, если их предполагаемая жертва сохраняет хоть мало-мальское присутствие духа. Если бы мне, грязному и окровавленному, каким я и был, пришлось плыть сквозь сборище океанических акул-людоедов или южноафриканских пираний, я бы сейчас вам об этом не рассказывал. Но меня, к счастью, преследовали только

крокодилы, которые плохо приспособлены к пожиранию людей.

Однако эти африканские рептилии были более предприимчивыми и агрессивными, чем их азиатские и американские родственники, которые, за единственным исключением, пугливы и предпочитают вести уединенный образ жизни.

Американского крокодила, обитающего во Флориде, лишь однажды обвинили в нападении на человека. Это произошло в 1930 году рядом с Бискайским заливом, где охотник подстрелил животное длиной в пятнадцать футов и, решив, что убил его, пнул свою жертву. Но крокодил прыгнул, сбил охотника с ног и схватил его за запястье, оставив рваную рану от зубов, которая оказалась смертельной. Другой американский кузен Мамбы, аллигатор, которого легко распознать по тупому рылу и по тому, что у него не видно зубов, когда он закрывает пасть, — менее активный, даже вялый, по мнению известного герпетолога Флориды Росса Аленна, обитающие на свободе аллигаторы только один раз напали на человека без всяких на то причин. Человек, между прочим, остался жив.

Исходя из статистики, любому американскому гражданину, страшащемуся аллигаторов или крокодилов, стоит больше следить за небом, опасаясь молний или летающих тарелок. Ознакомившись с любезным нравом их рептилий, правительства штатов Джорджия, Флорида, Северная Каролина, Южная Каролина, Луизиана и Федерального округа потребовали строгого законодательства по охране аллигаторов от торгующих их шкурами охотников и браконьеров, которые грозили уничтожить все поголовье крокодилов. Во Флориде — единственном штате в Америке, где водится крокодил, — и яйца, и крокодилията, и взрослые особи — все защищены законом от неспровоцированного нападения людей.

Родственники Мамбы в Южной Америке, включая крокодилов и кайманов, в основном не опасны. На Востоке маленький пятифутовый китайский аллигатор слишком мал, чтобы обладать людоедскими амбициями, а узкорылый гавиал — нежная душа и никогда не нападет на человека просто так. Индийского магера, или «болотного крокодила», часто обвиняют в злодеяниях, но если он и впрямь в них повинен, то я абсолютно не понимаю, почему многочисленные толпы индуистских пилигримов, явившись окунуться в священные воды Ганга, не получают немедленную инкарнацию.

Обитающий в соленой воде крокодил, который встречается в юго-восточной Азии и Австралии, является некоторым образом рекордсменом. Он — самая большая в мире рептилия, ископаемый патриарх, достигающий длины тридцати футов и более. И он, несмотря на те же физические недостатки, еще более агрессивный людоед, чем Мамба. Нага Безар — Большой Дракон у малайцев — совершил такое преступление, которое Мамбе даже и не снилось: он, по документальным свидетельствам, организовал единственное в мире рептилий массовое нападение на людей.

Произошло это во время Второй мировой войны на острове Рамри в Бенгальском заливе, в восемнадцати милях от западного побережья Бирмы. Британские войска, оснащенные минометами и пулеметами, окружили более тысячи японских пехотинцев, загнав их в мангровые болота. В ночь на 19 февраля 1945 года, пока обе стороны обменивались огневой стрельбой, на японцев внезапно напали непредвиденные враги. Обитающие в соленой воде крокодилы один за другим бросались на людей и хватали всех — мертвых, раненых и живых. К утру из тысячи японцев в живых осталось только двенадцать.

Подобного рода убийство может показаться предумышленным и даже хорошо подготовленным. Но воды болота острова Рамри уже пахли кровью и челове-



ческой мертвечиной, это и возбудило аппетит крокодилов. А грохот мортир и пулеметной стрельбы, вероятно, довели их до сумасшествия. Слух у крокодилов очень чувствительный: при неожиданном громком звуке они приходят в ярость, — даже услышав, как заводится мотор автомобиля. Во время брачного периода они бьются насмерть, приходя в безумное возбуждение от рокота, мычания и рева соперника. Беспрестанные раскаты заградительного огня, очевидно, привели животных в состояние коллективной истерии. Возможно, они по иронии судьбы приняли громящую схватку британцев с японцами за что-то вроде несусветного брачного поединка.

Какой бы ни была действительная причина этого единственного массового нападения крокодилов на людей, оно явилось прямым следствием Второй мировой войны — самым величайшим массовым нападением человека на человека. Большие Драконы, подвигнутые на столь необычное отклонение от нормы поведения, уничтожили сотни людей на острове Рамри в Бенгальском заливе. Люди же, которые воюют почти не переставая, уничтожили за период Второй мировой войны по меньшей мере пятьдесят миллионов своих же человеческих собратьев («Книга рекордов Гиннесса»).

Именно эта война, а не хождение голодных рептилий к своему логову была и остается диким ужасом.

Мамба частенько нападает и на более сильных и более внушительного вида животных, чем человек, и обычно делает это вечером, когда те приходят на водопой к реке или озеру. Крокодил прекрасно видит ночью, так как между его глазами и сетчаткой содержится слой родопсина, который собирает и отражает свет. Когда свет падает на его глаза под определенным углом, они становятся сверкающе-желтыми, как у льва.

Молодых буйволов и детенышей носорога, а иногда даже и взрослых Мамба сбивает с ног ударом толстого, очень мощного хвоста, быстро сдергивает с покато

берега и утаскивает под воду, чтобы утопить. Взрослых гиппопотамов крокодилы мудро оставляют в покое. Схватка, описанная С. С. Стоуксом в «Заповеднике», окончилась тем, что дохлый крокодил оказался в развилке дерева. Происшествие же, которому я стал свидетелем у водопадов Мёрчисон в Уганде, похоже, более соответствует отношениям Мамбы с Тембо. Слониха опустила в воду хобот, и огромный крокодил вцепился в него и стал тащить изо всех имеющихся у него сил. Несмотря на жуткую боль, четырехтонная слониха стала тянуть хобот обратно и выудила из реки 1500 фунтов упрямой рептилии. Затем она начала его топтать и превратила в нечто, напоминавшее крокодилье филе. Все это время она громкими воплями выражала свое возмущение.

Лишь очень большие крокодилы пойдут на риск, чтобы добыть себе столь гигантский и опасный трофей. Самцы и самки крокодилов небольших размеров могут отважиться схватить беспечного льва, антилопу, бородавочника, человека или какое-либо иное подходящее животное, оказавшееся на берегу. Но обычно они довольствуются рыбой, крабами, моллюсками и чем-нибудь еще, что им попадается в воде.

Будучи рептилией, Мамба является «хладнокровным» животным, чья температура тела поднимается и опускается в зависимости от окружающей среды. Чтобы сохранять ее постоянной, от минус шести градусов до плюс шести по шкале Фаренгейта, крокодил непрерывно перемежает погружение в воду с согреванием на солнце. После ночных поисков пищи в теплых водах рек или озер он на рассвете выползает на берег, чтобы согреться в лучах восходящего солнца. По мере повышения температуры он ненадолго перебирается в тень, при этом ковыляет или бежит на своих коротеньких ножках, но никогда не «ползет» на животе, как вроде положено рептилиям. Когда становится жарко, он возвращается в воду, чтобы найти себе ленч; или вырывает и проглатывает камешки — не для перемалывания пищи, а для бал-

ласта; или просто лежит на поверхности воды, будто грубо стесанная субмарина, которую можно заметить по боевым рубкам — ноздрям и паре перископов — глазам. Выбравшись на берег после полудня, крокодил опять загорает, разинув пасть, чтобы избыток жара испарился с влажной обкладки его челюстей. При наступлении темноты он возвращается в воду, и весь цикл начинается сначала.

Пока Мамба находится на берегу, его часто навещает друг — египетский бегунок. Как и волоклюй у носорога, он работает у крокодила не только слугой, но и теплохранителем.

Верный и бесстрашный египетский бегунок прыгает у крокодила во рту и вытаскивает из языка пиявок, а из зубов съедобный мусор. И Мамба не глотает птичку и не возмущается ее поведением, наоборот, он явно рад ей. Когда наступает сезон мух цеце, египетский бегунок носится вдоль гребня на спине и выуживает личинок этих вредных насекомых. Если грозит опасность, он немедленно реагирует, предупреждая своего огромного друга настойчивым криком «Квик, квик, квик!». И он, как и волоклюй, старается разбудить спящего крокодила, продолжая неистово кричать и даже биться о голову товарища.

Чтобы закончить сравнение волоклюя с бегунком, необходимо добавить, что у охранника Мамбы есть свой помощник, обыкновенный кулик, который тоже собирает мусор во рту у крокодила, но при малейшей угрозе удирает в точности как безответственная белокрылая цапля.

Есть и другие птицы, которые ладят с Мамбой, правда, менее доверительно, — это водорезы, трясогузки, гуси, древесные утки, маленькие и большие белокрылые цапли, священные ибисы и хохлатые журавли. Они все сидят или бродят с важным видом по берегу и песчаной косе, которые кишат крокодилами, либо прогуливаются по крокодильей спине, будто это всего лишь бревно. И

такое содружество нарушается редко, только юные Мамбо, более проворные и менее терпеливые, порой глотают ныряющих пеликанов и других птиц.

Столь на удивление дружеские отношения между крокодилами и птицами послужили источником огромного количества местных легенд. В большинстве этих сказок фигурирует хвастливый петушок, или франколин, который, придя к берегу, называет изумленного крокодила своим братом на том основании, что жены тех и других несут яйца с цыплятами, которые специальным яйцевым зубом проклеивают себе путь во внешний мир. Потрясенный логическим мышлением петушка, крокодил дает зарок никогда не есть птиц. Довольный своей победой, петушок находит питона, представляется ему давно потерянным братом и читает ему ту же лекцию о родовспоможении. Но оскорбленный в своих чувствах питон проглатывает петушка, что продолжает делать по сей день.

Как ни странно, но крокодил с петушком на самом деле, как то и утверждает легенда, являются более близкими родственниками, чем крокодил с питоном. Двести миллионов лет тому назад в раннем триасе существовало семейство примитивных рептилий, которых в наше время называют «текодонтами», или «полозубыми». От крошечных и незначительных на вид текодонтов произошли четыре группы очень впечатляющих потомков — архозавров, или «господствующих пресмыкающихся»: крокодилы, птеродактили и два зоологических отряда фантастически разнообразных динозавров. От универсальных текодонтов произошла и другая группа родственных существ — «сильно преобразованных рептилий», как указал Т. Х. Хаксли, которые нам известны как птицы.

Все потомки текодонтов обладают одним поразительным отличием — зубами, расположенными в отдельных ячейках. Современные птицы утратили это свойство, последними были зубастый, с хвостом, как у

ящерицы, археоптерикс и нырок-рыболов ихтиорнис. Одинаковы у них и основные принципы строения позвоночника, ребер и черепа. А главной в истории их эволюции стала вертикальная, на двух ногах походка. Явно заметная у птиц, птеродактилей и таких динозавров, как струтиомим (пресмыкающаяся пародия на страуса) или печально известный хищник тираннозавр рекс, походка на двух ногах четко прослеживается и в наличии передних конечностей у тех динозавров, которые вторично вернулись к передвижению на четырех ногах, даже у таких гигантов, как обитавшие в болотах бронтозавры.

И крокодил тоже передвигается на четырех лапах.

Хотя это не очень заметно, так как в результате адаптации к нынешнему образу жизни все четыре перепончатые конечности Мамбы стали очень укороченными, но передние лапы крокодила явно длиннее и сильнее задних. И, что более знаменательно, в повадках крокодилов до сих пор прослеживаются рудиментарные черты. Только появившиеся на свет крокодилычки плавают вертикально, как морские коньки, до тех пор пока не начинают глотать камни. Попад в желудок, камни меняют центр гравитации. Тогда, и только тогда, юные крокодилы становятся в состоянии принимать горизонтальное положение в воде.

Верный сын своего племени текодонтов, крокодил, который должен бы ходить на двух ногах, — единственное живое существо, являющееся родственником двуногих птиц и их странным другом. Змеи же — члены совершенно другого отряда рептилий (как, на свое горе, обнаружил конголезский петушок), которые за период в два миллиона лет развивались собственными путями. Их единственными истинно близкими родственниками являются ящерицы, а дальними — ящероподобные новозеландские туатары, живые ископаемые, славящиеся своим остаточным третьим глазом. Самыми изолированными в семействе существующих ныне рептилий являются очень древние черепахи — медлительные кон-

серваторы, которым удалось сохраниться со времен рептилий до триасового периода благодаря тому, что они прятались в свой бронированный панцирь.

У крокодилов тоже есть своя броня, иная по форме, но по сути та же. В самой глубине кожи вдоль спины и хвоста расположены костные пластины, покрытые четырехугольными роговыми щитками, или чешуйками разных размеров, которые тянутся продольными рядами, перемежаясь бороздками. Мягкой кожи спина, напоминающая перевернутый килем вверх корабль, зеленовато-черного цвета, а еще более мягкая кожа живота немного светлее, иногда темно-желтого цвета. В целом животные обладают 150 чешуйками, но, хотя на вид чешуйки внушительные, мягкая пуля легко проникает в них. Однако охотники, желающие получить шкуру крокодила, целятся ему в голову и никогда не стреляют в плывущего крокодила, потому что если его ранить, то он ныряет, а когда погибает, то опускается на дно. Стреляют они ему в глаз или в ухо, когда он греется на солнце или спит на берегу. Таким выстрелом охотник мгновенно убивает крокодила, не давая ему тем самым уйти в воду.

Наружные ноздри Мамбы расположены близ оконечностей его рыла и снабжены веками, наподобие клапанов. На задней части его языка имеется нёбная завеса, тоже похожая на клапан, которая не дает воде попадать ему в трахею, когда он разевает пасть, чтобы проглотить плывущую добычу. Выпученные глаза обладают двумя веками, нижним и верхним, и специальными проницаемыми мембранами, которые служат для того, чтобы видеть под водой как в защитных очках аквалангистов. Золотистого цвета и очень красивые глаза обладают слезными железами, естественная функция которых способствовала появлению на свет, вероятно, самого глупого мифа о животных, который когда-либо сочинил цивилизованный человек.

Античные, средневековые и более позднего времени ученые, мудрецы и поэты — даже сэр Френсис Бэкон, основатель индуктивной логики, который постоянно сожалел о своих прошлых ошибочных рассуждениях, — все они повторяли одну и ту же оригинальную байку, существующую до сих пор и ставшую уже чем-то вроде клише. Все они твердили, что в африканских водах проживало на редкость злобное существо, которое рыдало фальшивыми слезами, и на это покупались добрые, доверчивые путешественники. Лицемерное же чудовище набивало несчастными свой желудок. Под этим фантастическим животным, обладавшим повадками, которые мог придумать только человек, обычно подразумевался «жестокий, коварный крокодил». И такое столь бессовестное поведение стало называться «крокодиловыми слезами».

На самом деле все не так уж драматично. Просто из-за жаркого тропического солнца кожа и ороговевшие чешуйки Мамбы подвергаются сильному испарению, и временами кровь у него становится слишком соленой. Почкам его не под силу переработать всю лишнюю соль, поэтому оставшуюся соль выделяют глазные железы в виде огромных, но абсолютно невинных капель соленой воды. «Слезы, праздные слезы! — может воскликнуть Мамба вместе с Теннисоном. — Цена их мне известна».

Около глаз крокодила имеются крохотные наружные слуховые отверстия с подвижными клапанами, которые закрывают уши, когда Мамба уходит под воду. Наличие их не послужило возникновению какой-нибудь идиотской сказки, но их использовали просто в диких целях — на них навешивали золотые серьги.

В течение всей трехтысячелетней истории Египта в храмах приверженцев культа Себека, бога с крокодильей головой, в особых водоемах содержались эти рептилии. Ручных и любезных крокодилов кормили с рук освященной человеческой плотью и украшали драгоценностями — вешали им в уши изысканные золотые серьги и

надевали на перепончатые лапы браслеты с камнями. Сие религиозное братство провозглашало златоглазых животных символом золотого солнца. Некоторые, самые рьяные, почитатели бога-крокодила считали его самим Ра, великим солнцем. Тем не менее у этой секты существовали и противники, которые объявляли Себека и его священных крокодилов драконами — демонами ночи, или крылатыми змеями, — эта идея была заимствована у вавилонян и иудеев — и, дабы выразить дракону-демону свои презрение и ненависть, оскорбительно называли его «Вонючей Рожей».

Увы, на это причина у них существовала.

На каждом конце нижней челюсти Мамбы расположены очень активные мускусные железы. Вместе с еще одной парой таких же желез, находящихся в клоаке под хвостом, они выделяют на редкость едкий запах в те моменты, когда крокодил испытывает гнев, страх или возбуждение. Вонь мускуса в сочетании с запахом тухлятины из пищевода производит отвратительное зловоние, исходящее изо рта, — «несвежее дыхание», как говорят в телевизионных рекламах, — плюс несвежий запах тела, плюс несвежая репутация.

«На мой вкус, — отмечал известный гурман — приверженец дичи сэр Самуэль Бейкер, — нет ничего отвратительнее, чем мясо крокодила. Я перепробовал почти все, но мясо крокодила, хотя я и взял его в рот, проглотить не сумел. Сочетание запахов тухлой рыбы, гнилого мяса и мускуса — это блюдо для эпикурейца».

Лично я с ним не согласен. Я тоже перепробовал почти все, в течение долгих месяцев обедая гусеницами, термитами, червяками, личинками жуков, мышами и крысами, то есть всем тем, что составляло скромное ежедневное меню конголезских пигмеев. Кроме того, я ел потто, трубкозубов, панголинов, ящериц, змей и все остальное, что попадало в котел. Таким образом, абсолютно свободный от предубеждения к еде, я сообщаю следующее: мясо крокодила совсем не похоже на тухлую



рыбу, оно безвкусное и слегка пахнет мускусом. Большая часть местного населения с удовольствием поглощает мясо Мамбы и съедает его целиком. А мы, между прочим, не «эпикурейцы».

Цивилизованный народ терпеть не может запах мускуса, если только он не является компонентом ароматных духов, но сами крокодилы предпочитают его в неразбавленном виде. Мускусные железы важны не только для выражения чувств страха или ярости, главная их функция проявляется сильнее всего во время сезона засухи, который для крокодилов становится периодом полового сношения.

Розоватые железы у самцов крокодила, — впрочем, у самок тоже, но в меньшей степени, — раздуваются, выделяя огромное количество мускуса, запах которого заполняет все вокруг. Этот запах постоянно присутствует над крокодиловыми тропами и даже под водой, так как, ползая по дну озера или реки, Мамбы касаются его челюстями и хвостом, поэтому изо рта и клоаки выделяется мускус. Очевидно, крокодилы следуют по собственному запаху, будто огромные собаки, обнюхивающие фонарные столбы, до тех пор пока не собираются в группы. И тогда, но всегда по ночам, они начинают ухаживать.

Делают они это очень жестоко, в отличие от спокойных самцов аллигаторов во Флориде и Луизиане. Самке аллигатора приходится брать инициативу на себя: она ворчливо предлагает себя и дразнит на вид скупающего самца. Самка же крокодила пассивно наблюдает с отменой за тем, как самцы устраивают несусветную, прямо-таки мезозойскую драку и звуками, запахом, действиями демонстрируют свою половую мощь.

Рева, рыча и молотя по воде лапами, самцы доводят себя до высшей стадии возбуждения. С каждым глубоким, kloкочущим, напоминающим барабанную дробь ревом их распухшие железы источают мускус, наполняя и воду и воздух запахом сексуального возбуждения. Затем, чуть ли не сходя с ума от миазмов и собственных

гулких криков, самцы начинают драться, нанося при этом друг другу страшные и даже смертельные раны. И бьются они вовсе не ради благоволения той или иной самки; нет, создается впечатление, что это яростное сражение должно подвигнуть всех самцов и самок в округе на действенное спаривание.

Когда самец-победитель приближается к одной из ожидающих самок, она обычно встречает его заигрыванием, но оно, впрочем, длится недолго. Она поднимает из воды голову и шею, издавая при этом скрипучий стон. Потом они спариваются, прижавшись животами друг к другу, как киты и дельфины.

Самка оплодотворяется посредством ввода в ее клоаку примитивного органа, похожего на пенис, который выступает из клоаки самца, сходный по структуре с мужским членом, каким обладают некоторые виды птиц, например утки, гуси, страусы и дрофы. У него нет внутреннего канала, как у настоящего пениса, а только глубокий желобок, который тянется по длине всей поверхности. Но он способен на настоящую эрекцию, в отличие от примитивных мужских половых органов ящериц и змей, поэтому крокодил в состоянии даже насиловать им. В том случае, если самка недостаточно возбуждена, самец иногда швыряет ее на спину на песок и совершает половой акт насильно, пользуясь своими весом и мощью.

После совокупления самец с самкой расходятся в разные стороны. Вскоре она отталкивает от себя любого и каждого заинтересованного претендента, инстинктивно сознавая, что они представляют собой реальную угрозу ее будущему потомству. Она вырывает в песчаном берегу нору, глубиной в два фута и диаметром в три фута, и откладывает около шестидесяти одинаковых яиц, размером с гусиные, потом раскладывает их на три кучки и аккуратно засыпает песком.

По сравнению с гнездом самки американского аллигатора ее гнездо примитивнее. Самка аллигатора собирает листья, траву, кору и палочки, чтобы соорудить

конусообразную кучу на земле, а затем в это гигантское, похожее на птичье, гнездо откладывает яйца. Она не высиживает яйца, как и крокодилиха. Подобно естественно ведущим себя птицам, таким, как тихоокеанская и австралийская джунглевая курица и кустарная индейка, самки крокодилов предоставляют производить инкубацию солнечной жары или жары от ферментации растительности. Однако обе самки охраняют свои гнезда с суровым материнским пылом, отгоняя всех, кто пытается посягнуть на яйца. В Америке к гнездам аллигаторов навешиваются скунсы, еноты, опоссумы, кабаны и медведи; в Африке крокодилы яйца воруют и пожирают вараны, мангусты, циветы, гиены, шакалы, марабу и даже люди. Голодное местное население употребляет только желток и выбрасывает пахнущий мускусом белок; на Западе люди, включая Тедди Рузвельта, который частенько питался крокодильими яйцами и хвалил их, предпочитают готовить из них омлет.

Если беспокойной маме-крокодилихе удастся сохранить яйца в целости и сохранности, то через два месяца, когда яйца созревают под землей, на свет появляются малыши. Пустив в ход яйцевой зуб, малышки, длиной в восемь дюймов, пробивают себе выход в кожистой скорлупе, и раздастся хор скрипучего кваканья. Услышав эти вопли даже издали, встревоженная крокодилиха стремглав несется к гнезду, раскидывает в стороны песок или затвердевшую землю и освобождает свое спрятанное потомство. Затем она отводит малышей к воде и несколько недель следит за своей стайкой, охраняя ее.

Малышки-крокодилы такие же вкусные, как и яйца, поэтому за ними охотятся и птицы, и млекопитающие, и рептилии. Главными их врагами являются самцы крокодилов — бесчувственные каннибалы, готовые проглотить собственных отпрысков как простую рыбешку. Даже самки, как только время их материнского инстинкта проходит, предоставляют своих детей самим себе и охотятся на тех, кого совсем недавно охраняли.

Малыши, снабженные к этому времени полным комплектом зубов, прячутся от своих врагов, включая родителей, в зарослях папируса или других растений. Загребая лапками, они плывут вверх маленькими флотилиями и дружески огрызаются друг на друга, поглощая при этом пауков и других насекомых. Им постоянно приходится искать спасение от нападения орлов и соколов сверху, сомов и черепах снизу и всевозможных млекопитающих с берега. Те счастливики, которые ухитряются дожить до года — вероятно, один на тысячу, — достигают длины в восемнадцать дюймов и могут принимать другую пищу: обитающих на земле мышей и крыс, крабов, моллюсков и рыбу. Теперь они вырастают в год на девять — одиннадцать дюймов и постоянно прячутся до тех пор, пока не становятся семи футов длиной. Тогда рост замедляется до одного-двух дюймов в год, и они всплывают на поверхность, чтобы жить взрослой жизнью.

Самки достигают половой зрелости, когда вырастают длиной в восемь футов, то есть в девятнадцатилетнем или двадцатилетнем возрасте. Самцы развиваются чуть быстрее и вырастают до огромных размеров. Максимум их длины и периода жизни никому точно не известен.

Первые исследователи рек Нила и Конго и великих африканских озер заявляли, что встречали крокодилов двадцати пяти, а то и тридцати футов длиной; ныне и двадцатифутовые особи встречаются редко. Но это вовсе не потому, что крокодилы стали короче; просто люди убивают их, прежде чем животные успевают дожить до того возраста, когда достигают подобных размеров. Я не говорю о максимальных размерах, так как расти крокодилы могут сколько угодно: у них медленная скорость обмена веществ, что дает им возможность пребывать в спячке в иле во время долгих сезонов засухи. Поэтому уровень их роста может увеличиваться неограниченно и продолжительность их жизни не установлена.

Вымершие в Техасском национальном парке Биг Бенд крокодилы предположительно достигали длины

пятидесяти — шестидесяти футов, наверное, потому, что жили еще до появления охотников, браконьеров и прочих спортсменов. Череп фобосука, выставленный в Американском музее естественной истории, имеет длину шесть футов (и это только череп!). Вымершие родственники динозавра достигали длины сто футов. Интересно, сколько лет им понадобилось прожить, чтобы стать такими длинными? Пятьсот лет? Тысячу?

Рост человека, как и любого млекопитающего, постепенно замедляется до наступления половой зрелости, а потом останавливается. И в старости человек, если его не убьют раньше, умирает. А вот Мамбу на каждом шагу подстерегает опасность: он, еще будучи яйцом, может стать лакомством для гурмана или добычей хищника в самом нежном возрасте или может погибнуть во время схватки с соперником или же от руки человека, который охотится за его шкурой. Мамба может погибнуть любым способом, но никогда не умирает естественной смертью.

Если бы не несчастные случаи или убийства, древнего демона-дракона можно было бы считать фактически бессмертным. Возможно, он не умный и не красивый, не ласковый и не любящий, не целомудренный и не сдержанный, не застенчивый и не благородный, но он — терпеливый и выносливый. Как и реки, он «просто плавно течет».





## МАКАКО

### *Дисциплинированный соплеменник*

На берегу реки, на котором беспечные люди стоят к крокодилам спиной, проворное племя так называемых человекоподобных обезьян ведет себя организованно и умно.

Состоящий из крепких воинов авангард ведет отряд к воде. У них есть клыки, а у некоторых еще и грива, как у льва, их длинные челюсти похожи на собачьи, и ходят они на четырех, подобных человеческим, руках. Острое зрение и цветное стереоскопическое видение позволяют им внимательно осмотреть воду и берег. Если все в порядке, они резким лаем подают сигнал «Все чисто!». И вся стая, количеством от двадцати пяти до двухсот особей, пьет, отдыхает, сплетничает, пререкается, играет или собирает ягоды в тенистых местах. А с земли и с деревьев ее охраняет бдительная стража. В отличие от своих двойников человеческого вида, они

тщательно сторожат и детей, и их тщедушных матерей — безгривых самок с короткими клыками и размером вполовину меньше самцов. Если вперёдсмотрящие замечают в воде пару выпученных глаз и ноздрей или возвышающуюся среди волн чешуйчатую спину, они издают резкий, пронзительный вопль, означающий «Опасность!». У крокодилов нет шанса поймать и съесть павиана.

В тех случаях, когда стая в поисках пищи марширует по каменистым равнинам или по саваннам с редколесьем, охрана молодых воинов движется и в авангарде, и по флангам, и позади. Старшие, более опытные самцы, занимающие высокое социальное положение в стае, — совет обезьяньих вождей, который правит политикой, обществом и сексом племени, — охраняют центр стаи, где идут низкорослые мамы, молодняк и дети. Эта правящая верхушка, что-то вроде павианьего Пентагона, состоит из испытанных в боях офицеров, которые отвечают за общую стратегию; по краям отряда идут обычные войска. Однако при малейшей угрозе тактика резко меняется: генералы выбегают на передние позиции и занимают более опасные и открытые врагу места. Матери с детьми отступают в укрытие, а самцы, объединившись во имя общего дела, готовятся к запугиванию противника или к сражению.

Гиены, шакалы, гепарды и даже леопарды обычно избегают принимать их вызов. Они предпочитают утаскивать случайно отставших, но открытого конфликта с прекрасно организованным войском павианов благоразумно избегают. Обезьяны-воины, обнажая в ярости клыки, никогда не сдадут своих позиций и отступают только при виде львов или вооруженных охотников-людей.

Несмотря на всю свою отвагу, павианы прекрасно соображают, что группа обезьян, каждая из которых весит от пятидесяти до семидесяти пяти фунтов, не в состоянии противостоять диким кошкам, весящим в 5 раз

больше, которые, в отличие от леопарда, охотятся тоже вместе. И при первой же возможности павианы стараются найти спасение на деревьях, правда, забираются на них не столь ловко, как более проворные лесные обезьяны.

При встрече с вооруженными охотниками павианы отступают по земле, пытаясь сохранять безопасное расстояние. Если охотники продолжают преследование, павианы при отступлении время от времени останавливаются и угрожают врагу уханьем и криками. Когда павианы находятся на высоких позициях (обычная их стратегия), они могут обстрелять людей камнями, палками и грязью. В том случае, если охотники все-таки не отстают, обезьяны подкрадываются к ним и внезапно нападают. Да, они знают, что некоторые из них могут погибнуть, но они знают и то, что оставшиеся в живых в состоянии одолеть людей — буквально разодрать их на части. Мало того, они настолько проныцательны, что осознают, что людям это известно.

Помимо людей и общественных насекомых, таких, как муравьи и термиты, они являются единственными животными на земле, которые понимают, что такое организованные военные действия, и применяют их на практике.

Здоровенных собакоголовых наземных обезьян называют няни на языке суахили. Так их величают по всей Восточной Африке, но я знаю, что конголезцы прозвали их Макако. Это слово, при произнесении которого обнажаются зубы, является старейшим названием животного в Центральной Африке и очень ему подходит. Позже его заимствовал ученый-натуралист XVIII века Буффон для описания азиатских обезьян крепкого сложения, которых ныне называют макаками и большая часть которых перешла жить на землю, как павианы на всей территории от Китая и Японии до их аванпоста на западе — побережья Берберии в Северной Африке и острова Гибралтар.



Тем не менее слова «макако» и «макак» были запрещены к употреблению прежним бельгийским правительством в Конго, на них и по сию пору наложен запрет в независимой Республике Конго. Назвать кого-либо павианом — самое страшное оскорбление, почти непристойность. Аборигены Конго веками обзывали Макако местное население, считая его низшим. Да и мы сами применяем словосочетание «огромный павиан» для характеристики грубого и вульгарного человека. Некоторые ханжи белого цвета, обосновавшиеся в Конго, пытались оскорблять таким образом своих боев, но им это не удалось. Бельгийское колониальное правительство налагало на них штраф в 500 франков и предупреждало виновных, что в случае последующих оскорблений к ним будут применены другие меры наказания, вплоть до изгнания из страны.

По иронии судьбы местные жители продолжают употреблять это запрещенное слово «макако» плюс еще одно, которое им кажется еще более оскорбительным. Они обзывают друг друга фламандцами, или «флеминг», то есть словом, служившим определением бельгийских пехотинцев, а не пехотинцев-обезьян.

Лично я, хоть и наполовину фламандец (другая моя, более романтическая, часть — валлонская, из Франции), предпочел бы, чтобы меня называли Макако. Наблюдая за общинами павианов и за тем, как живут, смеются и страдают мои домашние павианы, я понял, как много общего у нас с этими обладающими практическим складом ума обезьянами. Павианы, в широком раблезианском смысле, такие же дружелюбные, альтруистично-эгоистичные и нахальные, как их бедные родственники, включая и меня. Они — единственные из всех наших друзей приматов, чьи характер и образ жизни почти полностью соответствуют человеческим.

Крупные африканские человекообразные прячутся в далеких лесных цитаделях. Шимпанзе, самый близкий родственник человека, чье абстрактное мышление мо-

жет соперничать с нашим, никогда не покидает экваториального леса, где он питается фруктами на деревьях, а на земле проводит очень малую часть своей жизни. Горилла, чересчур тяжелая, чтобы скакать по деревьям, и лишь отчасти приспособленная к передвижению по земле, шаркает по лесу и жует побеги тростника или дикого сельдерея. И помимо человека, который им встречается редко, у горилл нет серьезных врагов. Змеи и поедающие обезьян орлы ищут себе добычу помельче; леопардам мясо шимпанзе не очень по вкусу, так же как и человеческое, а с огромными, очень сильными гориллами у них хватает ума не связываться.

Павианы, хотя они и обезьяны, избрали себе более рискованный путь. Как и наши предки, они отказались от пристанища на деревьях — этого Сада Эдема приматов, в котором жить в общем-то несложно, — чтобы противостоять суровым условиям жизни в саваннах.

В поисках жилья на открытых равнинах павианы сталкиваются с опасностями, которых их лесные родственники лишены. Львам, гепардам, шакалам и гиенам больше нравится их мясо, а не плоть антилопы или зебры. Павианам также приходится иметь дело со своим давним врагом, который бродит и по лесным чащам, — с Чуи. Леопард охотится на обезьян, потому что у него мясо павианов стоит на втором месте после мяса собак. А иметь с Чуи дело в более незащищенной среде очень опасно. И наконец, выбор павианами такого образа жизни приводит к частому контакту с другим заклятым недругом, бандой братоубийц, чья ранняя предыстория была мрачно переплетена с испытаниями и невзгодами, выпавшими на долю павианов.

От Южной Африки до озера Виктория и Олдувайской долины в Танганьике, где доктор Льюис Лики до сих пор проводит раскопки<sup>1</sup> останков ископаемого первобытного человека, основатели нашей человеческой

---

<sup>1</sup> Л. Лики умер в 1972 году.

династии буквально пробивали себе путь к существованию в суровых саваннах. Эти обитающие на земле «люди-обезьяны», типа австралопитеков, были охвачены новым для приматов пристрастием — стремлением к поеданию мяса. И дабы удовлетворить эту физиологическую потребность, они выработали психологический тип, тоже оказавшийся новым в мире человекообразных и других обезьян: они превратились в фантастически безжалостных агрессоров.

Эти существа, лишённые когтей, с короткими клыками и ростом меньше пигмеев, выбрали себе единственный метод убийства: они сражались сообща и применяли оружие. Взяв в руки палки или камни, отряды доисторических охотников окружали и нападали на маленьких антилоп, позже они стали сражаться и с павианами. Одолев Макако и разбив ему голову дубиной, сделанной из ребра антилопы, они пировали его мозгами. Да, очень жестоким было начало жизни агрессоров, которые позже, через несколько миллионов лет, перешли к пулеметам и атомным бомбам, но такой образ жизни был честнее и вполне мотивированным — наши праотцы охотились ради пищи, а не ради забавы. Поэтому охота в процессе эволюции вознаградила человека за изобретательность тем, что — как промежуточный продукт создания более крупного и лучшего оружия — привела к развитию примитивной культуры и впоследствии к цивилизации.

Макако, выжив после исполнения в древности роли обезьяны Авеля с человекообразным братоубийцей Каином, был и остается вегетарианцем, питающимся кореньями. Он закусывает саранчой, скорпионами, ящерицами, лягушками, яйцами, птицами и даже меньшими по размерам млекопитающими, но нерегулярно и без той страсти, которую его родственники человеческого рода испытывают к красному мясу. Его физиология не требует постоянного поглощения бифштексов, отбивных, котлет, гамбургеров и сосисок, поэтому он не

наделен присущим нам хищническим складом ума. Его главной проблемой является защита от хищников, особенно от крупных кошачьих, которым плоть павианов более по вкусу, чем наша. Таким образом, Макако научился защищать свои позиции, с яростью сражаясь со всеми, он научился вести массовые оборонительные военные действия так же, как мы ведем массовые агрессивные военные действия.

Употребление эпитета «агрессивный» по отношению к павиану представляется мне серьезной ошибкой. Эти обезьяны живут мирно и по-братски относятся к обитающим рядом антилопам, зебрам, жирафам, бородавочникам, да и к любому не хищному животному, с которым они сталкиваются. Макако могут выкапывать корни под деревом, с которого слоны в это же самое время обрывают листья и ветки. Но, если павианов дразнить или провоцировать, если им угрожать, их охватывает безумная ярость и они посылают к черту своих врагов или бросаются в атаку на тех, кто нападает на них. Тем не менее они никогда не убивают людей и не охотятся на них и тем более никогда не пользуются, как мы, огнестрельным оружием.

У павианов, как и у большинства обезьян, имеется зачаточный инстинкт употребления оружия. Помимо того, что, озлобившись, они способны обрушить на врага залп палок, камней, грязи и даже помета, они, как известно, скатывают вниз с горы валуны на стреляющих в них людей. Таким образом, принимая во внимание эти и другие действия павианов, их вполне можно считать животными, пользующимися орудиями труда. К оружию они прибегают под влиянием момента и без подготовки, но им и в голову не придет носить палку или камень с собой постоянно, тем более специально мастерить кремьень с зазубренными краями, копье, лук, стрелу, ружье, гранату и бомбу. Они целиком полагаются на свои огромные, созданные для сражений клыки, почти такие же большие, как у леопарда, и на грубую силу соб-

ственных очень мускулистых плеч и рук, сила которых дважды превышает человеческую. И еще их спасает тактика организованных военных действий, которую павианы применяют, защищаясь от более быстрых, более сильных и лучше вооруженных хищников.

Именно поэтому Макако живет и действует как скверная пародия на человека. Павианы тоже, как и мы, покинули Сад Эдема приматов, чтобы научиться жить под открытым небом в саваннах — собственном театре военных действий — и охранять свои территории. Те же приматы, которым не присуща тяга к приключениям, остались там, где и были. Остались, чтобы продолжать рвать фрукты или выкапывать корешки под удобной защитой своего семейного дерева. И им не приходится отражать нападение врага — они просто прячутся или удирают.

И это решение привело лесных обитателей к перспективе вымирания. Примерно из двухсот представителей отряда приматов — включая древесных тупай, долгопятов, лемуру, галаго, мармозеток, обезьян Нового и Старого Света, человекообразных обезьян и людей — сорок семь видов уже считаются «редкими и находящимися под угрозой исчезновения», согласно данным Комиссии по сохранению видов Международного союза охраны природы и природных ресурсов. Длинный список гибнущих приматов, зафиксированный в «Красной книге», включает двадцать шесть видов лемуру, восемь — обезьян Нового Света, девять Старого Света и четыре вида человекоподобных обезьян — карликового гиббона, орангутана, карликового шимпанзе и восточную гориллу. И причины сокращения указываются одни и те же:

«Исчезновение леса... сжигание и корчевка деревьев... расчистка местных лесов для поселений... уменьшение лесного ареала в связи с развитием сельского хозяйства и человеческого жилья... обильная обработка почвы... разрушение среды обитания из-за развития сель-

ского хозяйства и вторжения огромного количества домашнего скота... разрушение леса... быстрое разрушение леса... неконтролируемое разрушение леса».

Лесные приматы остались в Эдеме, но возрастающее перенаселение из-за резкого увеличения роста человеческой популяции вынуждает каждый год людей рубить, корчевать и сжигать все большую часть Эдема. Лемуры, обезьяны и человекообразные обезьяны гибнут вместе с вырубленными деревьями, но во всем этом списке «редких и находящихся под угрозой исчезновения видов» вы не найдете ни одного представителя семейства павианов. Так называемый черный павиан, или черная обезьяна Целебеса, который находится под угрозой исчезновения, — это большой, с коротким хвостом макак, который большую часть своей жизни проводит на дереве, собирая фрукты. А все восемь африканских видов пеших с практическим складом ума — клан приматов, которым приходится иметь дело с огромным количеством хищников на абсолютно не защищенной территории и которых не охраняет ни один закон о защите природы, — продолжают и буквально и метафорически «не сдавать своих позиций».

Обитающий в южной Эфиопии гамадрил гелада, который, по всей вероятности, является связующим звеном между азиатским макаком и африканским павианом, похож на большого черного пуделя с развевающейся, наподобие львиной, гривой, с длинным хвостом с кисточкой и с голой красной грудью. Он водится многочисленными стаями, которые любят скалистые ущелья высоко в горах и спускаются, чтобы опустошить возделанные поля. Дарвин в «Происхождении человека» рассказывает о том, как стаи гелад атаковали и победили отряд стрелков герцога Кобург-Гота на перевале горы Менса. Они швыряли в проход камень за камнем до тех пор, пока дорогу полностью не заблокировали. По мнению признанных авторитетов, иногда гелады прибегают к такой же тактике во время споров из-за территории с

соседствующими стаями гамадрилов. Другие ученые считают, что павианы никогда не прибегают к такой тактике, каким бы ни был конфликт. Будем надеяться, что доктор Ганс Куммер, выдающийся знаток гамадрилов гелад, который побывал в научной командировке в Эфиопии, сумеет окончательно ответить на этот вопрос.

Гамадрилы, широко распространенные на каменистых полупустынных равнинах Эфиопии, Аравийского полуострова и Судана, напоминают помесь пуделя, льва и сфинкса пепельного цвета. У них ниспадающие гривы и хвосты с кисточками, но головы и морды длиннее, чем у черных гелад. Их научились приручать и дрессировать древние египтяне, которые, по-видимому, вывозили их из Судана. Гелады были не только домашними любимцами, но и компаньонами, слугами и даже священнослужителями. Священные гамадрилы Тота, бога мудрости, присутствовали в храмах на утренних богослужениях. Устремив свои лица к восходящему солнцу, они поднимали руки к небу и хриплыми голосами выкрикивали религиозные молитвы. Гамадрилы, рангом пониже, собирали урожай и сортировали фрукты, пололи сады, качали и носили воду, подметали и мыли полы в храмах и домах, прислуживали за столом и выполняли обязанности лакеев и горничных.

А не так давно Джулия Макдональд очень интересно и забавно рассказала в своей книге «Почти человек» о своей домашней обезьяне Абу, самке гамадрила, которая как истинное дитя XX века обожала смотреть телевизор. Любимой ее передачей было шоу «Зоорама» из зоопарка Сан-Диего. При виде обезьян Абу приходила в восторг, а при виде змей — в ужас, ну, а во время демонстрации рекламы она, естественно, скучала и злилась. Но, когда Джулия дала Абу швабру и щетку, надеясь, что ее домашнее животное станет вести себя в соответствии с ритуалом, принятым в Древнем Египте, поклонница телевидения не стала ни мыть, ни подметать жилище Макдональд в Пасадене. Деревянные орудия труда она ис-

пользовала как рычаг, чтобы опрокинуть всю мебель. Как когда-то заметил Цицерон: «О времена, о нравы!»

Южноафриканские павианы чакма, обитающие на горных скалистых равнинах, очень большие, размерами почти с мастифа, безгривые, серовато-черного цвета. У них багряные лица, круглые белые глаза и черные головы, руки и ноги. Готтентоты утверждают, что чакмы, или медвежьи павианы, умеют разговаривать, но скрывают это, так как боятся, что если люди узнают, то заставят их работать на себя. И такое утверждение имеет под собой почву, так как павианов чакма действительно обучали работать козопасами, сторожами, искателями воды, погонщиками волов и даже няньками. Самым знаменитым чакма был Джек, «павиан-стрелочник из Уитенхейджа». Он работал у Джеймса Уайда, служащего железной дороги, который в результате несчастного случая лишился обеих ног. Джек качал и таскал воду, приносил дрова, убирал дом, толкал по рельсам маленькую деревянную платформу Уайда и умел переключать железнодорожные стрелки. Сначала он просто подражал действиям своего хозяина, но постепенно стал работать сам, без присмотра: переключал необходимую стрелку по определенному количеству гудков, которые подавал тот или иной поезд. (Как и большинство павианов, он умел считать до пяти.) За девять лет своей железнодорожной карьеры он ни разу не ошибся.

Мандрилов Западной Африки чаще, чем какой-либо иной вид павиана, и даже чаще, чем какое-нибудь другое животное, называют «уродливыми», «страшными» и «отвратительными». Людей шокируют, смущают, но при этом почему-то притягивают ярких цветов седалищные мозоли всех видов павианов, расположенные у хвостов — естественные подушки для сна на твердой ветке дерева, — эти обезьяны спят обычно сидя. Мандрилы шокируют людей не только своим задом, но и передом: на огромных алых мордах взрослых самцов вдоль носа тянутся большие, размером с сосиску, изрезанные про-



дольными бороздами вздутия — синие и фиолетовые полосы. Украшения на щеках самок размерами меньше и блекло-голубого цвета. И мужские, и женские особи покрыты оливково-коричневатой шерстью и обладают короткими хвостами, которые торчат вверх, как у самодовольных мопсов. Это самые большие из существующих ныне обычных обезьян — взрослые самцы весят 130 фунтов и более, — и очень сильные, но, несмотря на свои большие размеры, а может, как раз из-за них они менее решительные, чем другие виды павианов: обитают мандрилы чаще в лесах.

Дрилы, еще одни обитатели лесов Западной Африки, — размерами поменьше, более гибкого анатомического строения, с шерстью коричневатого цвета. Лица у них черные, с крохотными бесцветными вздутиями на щеках. По мнению Ричарда Лидеккера, одного из самых достойных натуралистов XX века, «чуть менее уродливей самца мандрила» дрил, более чем какое-либо иное существующее ныне животное, «наводит на мысль о существах, которых можно вообразить лишь в ночных кошмарах». А по моему мнению, они оба наводят на мысль о красивых здоровых павианах, только у дриллов лица меланхолические и несколько линкольноподобные. (Недруги Эйба Линкольна частенько обзывали его «павианом».) И я не понимаю, почему у дрила или мандрила зад обязан цветом и формой напоминать попку Венеры Милосской. И я отказываюсь понимать, почему представители одной-единственной разновидности приматов, пусть даже и «разумной», считают себя вправе судить о внешнем облике 3500 разновидностей существующих млекопитающих, 6000 рептилий, 3000 амфибий, 8600 птиц, 25 000 рыб и, как предполагается, то ли 750 000, то ли 1 500 000 насекомых. Если бы у павианов существовал конкурс красоты, например «Мисс Саванна» или «Мисс Копальщица корешков», я очень сомневаюсь, что они присудили бы даже один балл гладкокожей, ли-

шенной рыла рыжеволосой даме или брюнетке, у которой отсутствует седалищная мозоль.

Существуют три разновидности «действительных», или павианов бабуинов саванны, которые ныне обобщены в один род: оливковый, или павиан анубис; гвинейский павиан, или павиан сфинкс; и желтый павиан, который отнюдь не лимонного цвета, как явствует из названия, а покрыт коричневато-желтой шерстью. Его голые голова, руки и ноги — черные. Он средних размеров, без гривы и с длинным хвостом. Эти обитатели саванны являются истинными Макако — неистовыми деревенскими бандюгами, которые бродят шайками по экваториальным равнинам, ковыряются в земле сильными руками, ворочают камни в поисках скорпионов, скачут галопом на четвереньках с малышами на спине, опустошают поля местного населения или кроют всюю своих врагов — зверей и людей.

Может создаться впечатление, что они — неприкаянные кочевники, наглые бродяги, слоняющиеся с места на место, но в действительности это не так. «Мепво л-отими те-п-гоп энъя», — говорят масаи, и эта старая пословица переводится очень просто: «Павианы никогда не покинут свою родину».

И хотя за день они проходят от четырех до пяти миль, совершая марш-броски туда и обратно к воде и еде, они никогда не выходят за границы своей территории, площадью от десяти до пятнадцати квадратных миль, и вечером возвращаются к своим постоянным спальням. В зависимости от топографии местности, спальней может оказаться и огромное дерево близ воды, и пещера, и каменный холм. Но, где бы ни находилось это место, оно еще служит и природной крепостью, в которой племя имеет возможность успешнее справиться с ночным кошмаром в виде дикой кошки, защититься от врага с помощью уханья, криков и ощеривания зубов, что я называю выражениями павианьего патриотизма».

«Что такое патриотизм — прекрасно понимают в Америке, — сказал однажды Калвин Кулидж. — Оберегая себя, ты оберегаешь свою страну». Похоже, африканские павианы понимают это еще лучше. Им гораздо сложнее, чем цивилизованному человеку, обитающему в культурном обществе, выживать как индивидуумам, и они прекрасно осознают это. Им приходится не только уметь сражаться сообща, но и защищать своих лишенных клыков и обремененных детьми самок.

Подобные взаимоотношения между самцом и самкой человеческого рода существовали в добрые старые времена, «когда мужчины были мужчинами, и женщинам это нравилось». Я подозреваю, что движение суфражисток не возникло, если бы наши дамы не превышали ростом три фута и им бы со всех сторон угрожали леопарды и гиены. Во всяком случае, мужчины больше не обороняют своих женщин, как рыцари-павианы, а прячутся за страницами газет, чтобы не уступать места в метро женщинам. Женщины, в свою очередь, негодуют по поводу подобного поведения, так удобно забыв о том, что сами же на это напросились.

Для своей защиты, защиты своих жен, детей и территории патриоты-павианы создали строго организованное общество, которое порой несправедливо сравнивают с обществом животных нацистской Германии, укомплектованным гестапо. Общество павианов больше напоминает конституционную монархию современной Англии, в которой аристократы из высших слоев общества, управляя средним и низшим классами, старательно учитывают свое собственное благосостояние. Общество павианов можно сравнить и с обществом демократической республики, такой, как, например, Соединенные Штаты, где «консерваторы» — богатая верхушка, или группировка — монополизировали политику за счет имеющихся социального положения, образования и статуса известной личности. И

это положение передается от одного поколения другому, как «наследственная среда», если можно это так назвать.

Другие животные, начиная с домашних цыплят, у которых существует строгая очередность клева, и кончая лесными обезьянами и шимпанзе, у которых имеются свои законы стаи, тоже обладают собственной социальной иерархией, суровый принцип которой гласит: «Каждый сам за себя». Отдельный цыпленок или шимпанзе может, если получится, пробить себе путь наверх по социальной лестнице, а затем скатиться вниз при встрече с цыпленком или шимпанзе посильнее. Но только люди, павианы и их близкие родственники, наземные макаки, создали классовое общество, в котором правит привилегированная группировка. Члены этой группировки объединяют свои усилия, чтобы сохранять свое положение и защищать существующий порядок в те моменты, когда, дабы отразить внешнего врага, необходимо объединение с низшими классами.

При улаживании проблем внутри стаи привилегированным членам павианьего «правительства» редко требуется применять силу. Мэру Бостона не нужно скандалить на улицах, чтобы утвердить свою власть, для этого у него есть огромный штат сотрудников, к тому же от применения тактики подобного рода престиж его может и пострадать.

В обществах павианов тоже имеются свои правящие семейства, самцы которых руководят стаей из поколения в поколение. Высокопоставленному самцу не приходится воздействовать силой, ему стоит лишь пристально посмотреть на ничтожество, посмевшее толкнуть его у ямы с водой или взять пищу первым. Виновный — даже предположительно виновный — обычно отводит взгляд и отступает. Если же мелкая сошка провинилась перед очень высокопоставленным лицом, то обязана немедленно проявить смирение. Победенный лев ложится на спину, слон падает на колени, но

опозорившийся павиан выражает покорность более живописным способом. Ученый-натуралист XVI века Конрад Госнер описал это так: «...когда ему приходится это делать, он подставляет свою задницу».

Если оскорбленный является не очень важной персоной, его негодование может остаться незамеченным. В таком случае он широко раскрывает глаза и прижимает вниз уши, что означает более серьезную угрозу. Затем, если того требует необходимость, он поднимается на задние лапы, впечатляюще размахивая гривой, делает шаг-два вперед и топает ногами. К этому времени к нему может примкнуть какой-нибудь предприимчивый подчиненный. Они вместе станут возмущенно угрожать, и тогда виновный «подставляет свою задницу». Если он опять неотреагирует, его вызывают на поединок, колотят, царапают шею и накладывают опалу.

Но до критического положения ситуация редко доходит, так как самцы низшего класса знают свое место в обществе. Лишь отдельные индивидуумы, наделенные исключительной силой, боевым духом и уверенностью в себе, отваживаются на попытку сломать классовый барьер, но мало кто из них добивается успеха. Сражения между членами «правлящей верхушки» различных рангов — также редки. Они происходят в живущем в естественных условиях отряде не чаще полудюжины раз в год. И хотя в таких иерархических битвах отдельные граждане и могут осмелиться пойти грудью на врага, однако чаще самцы объединяются парами, чтобы сместить с более высокого места другую пару. Соперники не царапают друг другу шеи, на сей раз они пускают в ход клыки, после чего потерпевшие поражение дают понять победителям, что готовы подчиниться. И они обязаны так поступать, иначе воины племени будут не в состоянии эффективно воевать против своих настоящих врагов. Рядовой человеческой армии может возмущаться властной манерой поведения своего сержанта, сержант

может ненавидеть подлого лейтенанта или капитана, тот, в свою очередь, с трудом терпит полковника, но все они будут все сносить и лишь ухмыляться или, по крайней мере, ворчать. Павианы поступают так же.

Самки в большей степени препираются и интригуют друг с другом. В зависимости от социального положения, у каждого господствующего самца имеются одна жена, либо две-три жены, либо гарем из пяти-шести жен. Мало того, высокопоставленные самцы обладают правом сеньора на жен мелких сошек, тогда как мелкая сошка таких прав не имеет — средневековый крепостной не имел права уложить в постель герцогиню или королеву. Высокопоставленные самки, как и их супруги, тоже могут прийти в ярость от поведения нижестоящих самок, и те в ответ раболепно демонстрируют свои зады.

Однако существующая система время от времени подвергается изменениям. В период течки или во время двадцативосьмидневного менструального цикла, когда самки становятся сексуально привлекательными, они, вне зависимости от ранга, становятся отважными и агрессивными, дразнят высокопоставленных и даже атакуют их. В ответ они тоже получают свою порцию оплеух, но любой самец, взявшийся рассудить ссорящихся, обычно принимает сторону сексуально созревшей самки. Часто он способен даже на большее. В самый пик течки, когда у самки происходит овуляция и ее вагинальная кожа опухает от накопившейся жидкости до размеров огромной выпуклости, напоминающей подушку, ее постоянно сопровождают господствующие самцы. Остальные леди благоразумно держатся в стороне.

В течение шести-семи дней опухоль рассасывается, и одновременно снижается страстный пыл самки. Беременная ли, нет ли, она вновь подчиняется общественному порядку, но становится неприкосновенной только потому, что может родить детеныша. Через девять-десять месяцев на свет появляется малыш, который висит на матери, вцепившись ей в живот, а потом ездит

на ней верхом. Мамашам в этот период дозволяется находиться рядом с высокопоставленными самцами, которые их защищают и наказывают сородичей любого ранга и пола, посмеявших их обидеть. Когда детей отлучают от груди и предоставляют самим себе, их матери опять становятся обычными членами стаи и лишаются всех привилегий.

Причина того, что господствующие самцы поощряют подобные действия, имеет глубокие корни. В отличие от лесных обезьян, павианы-отцы очень любят своих детей. Они не только держат на руках и ласкают своих младенцев, не только во всем им потакают, они продолжают выказывать любовь к подросткам двух лет и старше, за которыми следят и которых воспитывают. И эти отцовская любовь и привязанность, как и другие образцы поведения павианов, являются неотъемлемой частью образа жизни Макако на открытом пространстве. Если бы самцы племени проявляли мало интереса к подрастающему поколению, оно, в свою очередь, так же бы не испытывало желания защищать своих детей и жен (которых больше ценят как матерей, а не как объект сексуального вожделения), и в скором времени племя бы выродилось.

Люди думают и поступают так же, если они перерастают беззаботные, свойственные «философии «Плейбоя» взгляды на взаимоотношения мужчины и женщины. Тем не менее они упорствуют в своем мнении о павианах, считая их самыми неразборчивыми, похотливыми и непристойными животными на свете только потому, что видели, как ведут себя павианы в зоопарке, и судят по скучным, беспокойным животным, которые, разумеется, сексуально озабочены, так как им не приходится ни нести ответственность за семью, ни сражаться с хищниками.

Самым печальным этому доказательством было так называемое Лондонское сражение обезьян в 1927 году в городском зоопарке, когда сорок самок переместили на

«остров», заселенный ста самцами павианов. Последовавшие драки, убийства и изнасилования привели к гибели шестидесяти самцов и почти всех самок, в живых осталось лишь семь. Переходя от одного агрессора к другому, некоторые самки умерли от истощения и голода.

Наблюдающие за павианами ученые пришли к выводу, что все эти животные — грубые сексуальные насильники, которые помимо соперников часто убивают и объекты своей страсти. И никто из этих ученых даже не задумался, каким образом павианы, обладая подобными суицидными поведенческими реакциями, продолжают существовать в условиях дикой природы.

Ведь таким же образом возможно составить похожее заключение о сексуальных и социальных отношениях людей, если отправить сорок полногрудых хористок на остров с сотней отчаявшихся, давно лишенных свободы преступников.

Живущие на свободе в своих собственных обществах павианы большую часть времени вовсе не занимаются любовью и не ссорятся, они ухаживают друг за другом. Когда они перебирают другому шерсть и разминают спину, то не ищут паразитов или крупинки соли, чтобы полакомиться, как обычно утверждается. Они лишь «доставляют удовольствие» друг другу, ласково и дружески делая обезьяний массаж.

Как ни тривиально может показаться, но это обоюдное ухаживание играет жизненно важную роль в развитии непринужденных взаимоотношений внутри племени. Фактически это единственная форма проявления дружеского расположения между низшими и высшими слоями. Разумеется, тот, кто рангом ниже, ухаживает за высокопоставленным лицом дольше и тщательнее, но в ответ за ним тоже ухаживают, пусть даже и без энтузиазма.

Как бы неправдоподобно это ни звучало, самих павианов не очень-то беспокоят пышность и иерархические привилегии. Как и цивилизованные люди, которые



подчиняются нанимателям, лендлордам, налоговым инспекторам, полицейским, магистрату, политикам, президентам, лордам и королям, павианы готовы пожертвовать личной свободой ради компании своих приятелей и защиты своего общества.

В этом и состоит мудрость Макако, и именно поэтому он до сих пор живет на земле.





## СОКОМУТУ

### *Человек на рынке*

Пигмеи леса Конго считают, что между шимпанзе и людьми существует лишь одно существенное различие. И суть не в том, что люди обладают речью. Бамбути утверждают, что шимпанзе разговаривает так же много и у них тоже имеется свой собственный язык. И не в наличии разума или способности рассуждать — шимпанзе умнее людей, кроме, разумеется, пигмеев. И не в умении создавать и пользоваться орудиями труда, смеяться, плакать, танцевать, поклоняться богу, быть совестливым и врать. Шимпанзе обладают всеми чертами, присущими человеку. Но одно различие между ними все-таки есть...

«У людей есть бали, — объясняют пигмеи. — Они держат его в хижинах и повсюду носят с собой. Они делают все, чтобы он не погиб. А без бали они перестанут быть людьми и превратятся в простых обезьян и шимпанзе».

«Бали» на языке пигмеев означает «огонь».

Огонь — отличительная черта человечества. Его боятся и избегают все животные, кроме человека. Огонь — это сердце и душа каждого лагеря пигмеев. На огромном костре посередине лагеря они варят в большом котле корни, клубни и траву; жарят на шампурах термитов и гусениц; на нем готовят и мясо, если оно есть. А прохладными лесными ночами вокруг жаркого и яркого пламени пигмеи танцуют или сидят и рассказывают всевозможные истории. В их хижинах тоже горит маленький дымный костер: он дарит им тепло и уют по ночам и в дождливую погоду. Пигмеи-кочевники разбивают новый лагерь каждые две-три недели, и каждый раз женщины сооружают новые хижины из сплетенных молодых деревьев и лиан. Крышу они делают из тростника и покрывают широкими листьями мангунгу. Но новый костер они не зажигают, потому что всегда носят с собой тлеющие угли от старого. Таким образом, один и тот же огонь кочует с места на место.

Некоторые отряды пигмеев, проживающие близ лесных опушек, научились у своих соседей-негров, как добывать огонь классическим способом: они с огромной скоростью вращают твердую палку из дерева («мужчину») в более мягком плоском куске дерева («женщине»). Но в чаще леса, там, где все еще сохраняется старый уклад жизни, у пигмеев нет палочек для добывания огня или чего-либо подобного. Они пользуются огнем, берегут и почитают его, но сами добывать не умеют. Из лагеря в лагерь они переносят вечный огонь, такой же вечный, как и тот, что горел долго еще после того, как человек вообще научился добывать огонь и совершенно забыл, зачем ему понадобилось его хранить. Такой же огонь горел в святынях Египта и Вавилона, Иудеи и Греции, Рима и первых христиан. Такой же огонь пылает и ныне на почитаемых могилах Неизвестного солдата и президента Джона Ф. Кеннеди.

Чтобы объяснить происхождение священного огня, греческие мифотворцы придумали героя Прометея,

похитившего огонь с небес, — он зажег факел от солнечной пылающей колесницы. У пигмеев тоже есть миф со своим отважным героем. Как и Прометей, он тоже похитил огонь, но похитил его у шимпанзе.

Давным-давно, как повествует старая легенда пигмеев, у них огня не было. Им приходилось есть пищу сырой, а по ночам, скрючившись в своих хижинах, они тряслись от холода, страха и отчаяния. Они не могли танцевать — ведь костра, вокруг которого можно отплясывать, не было. И как-то раз один пигмей, гуляя по округе, наткнулся на деревню шимпанзе. Они разговаривали на языке людей, но были в сто крат умнее и цивилизованнее: строили огромные замысловатые хижины, сажали банановые рощи и каждый вечер танцевали вокруг горящего костра. И еще они были очень великодушными — радушно встретили пигмея, угостили бананами и пригласили посидеть у костра.

Когда пигмей вернулся домой, лагерь показался ему таким мрачным, мокрым и холодным, как никогда. И, вспомнив теплый, красивый огонь, он придумал отличный план. Он сделал себе из коры набедренную повязку и привязал к ней сзади длинный хвост. Затем вернулся к деревне шимпанзе, подождал, когда взрослые уйдут работать на банановые плантации, и подошел к детям, которые следили за костром. Увидев его хвост, маленькие шимпанзе стали смеяться над ним и обзывать макако, но он не рассердился. А стал любезно разговаривать с детьми, но при этом все ближе и ближе подтягивал свой хвост к пламени. Когда кончик хвоста загорелся, он во всю прыть понесся домой.

Позже, когда взрослые шимпанзе вернулись к себе и узнали, что произошло, они побежали к пигмеем. И увидели, что в каждой хижине горит красивый теплый костерок, а все пигмеи пляшут вокруг большого костра. «Почему ты украл наш огонь, а не купил его честно? Чем ты теперь заплатишь за него?» — спросили разъяренные шимпанзе. Но в ответ на них обрушился град пылающих

головешек. Обожженные и перепуганные, в ужасе от того самого огня, который сами и создали, они кинулись в глубь леса, бросив свои хижины и плантации, и стали питаться дикими фруктами. И с той поры шимпанзе больше никогда не разговаривают с людьми, так как навсегда запомнили, какие они вероломные и коварные. Мало того: при виде человека шимпанзе тут же кидают ему в голову ветки, чтобы отомстить за тот град из пылающих головешек.

В легенде пигмеев очень ловко объясняется неумение шимпанзе пользоваться огнем и отмечается рудиментарная склонность приматов встречать чужаков с оружием. Но, что более важно, в ней выражено общее восприятие африканцами как шимпанзе, так и горилл. На всех лесных территориях, где обитают крупные человекообразные, ходят легенды, которые описывают их ум и изобретательность, злость и гнев к людям и естественное отчуждение от мира человека. Африканцы в человекообразных видят людей — представителей иного, но несомненно мудрого племени. И африканцам требуется понять, почему шимпанзе или горилла, столь похожие на людей, на самом деле к человеческому роду не принадлежат. И, несмотря на изобилие фантастических деталей, все местные легенды дают вполне точное объяснение: человекообразные так и не сумели достичь культурного уровня людей из-за своего образа жизни, который они привыкли вести в глубоком лесу — собственных Садах Эдема.

Африканцы, говорящие на суахили, называют шимпанзе словом, которое является точным определением их почти человеческого характера. Называют они его Сокомуту. Это слово, звучащее словно по-японски, буквально означает «человек на рынке». Такое название может показаться странным, так как местное население удостоило сим титулом лесных животных, которых видят крайне редко. Но дело в том, что они их слышат; а шимпанзе в состоянии устроить такой бедлам своими

воплями, что весь лес прямо-таки содрогается от шума, чем и напоминает типичный африканский базар.

Подобно банде громогласных торговцев, торгующихся с толпами домашних хозяек о цене на муку маниока и бобов, Сокомуту ухают, лают, хрипят, визжат и тараторят с самого раннего утра до позднего вечера. Каждый шимпанзе считает своим долгом выразить голосом свои чувства, разговаривая либо с собой, либо с другими. Он сообщает о том, счастлив он или несчастлив, голоден или сыт, взволнован или печален, испуган или спокоен. И в точности как лесные обезьяны или наши собственные дети («домашние мартышки», как их порой называют со смешанным чувством привязанности и отчаяния), шимпанзе разговаривают не только для того, чтобы выразить свои чувства, — они явно получают наслаждение от этого безумного шума, от какого бы леопард или буйвол на их месте заработал бы ушную болезнь.

Когда поблизости появляется человек, шум достигает уровня прямо-таки грандиозных масштабов. Охваченные гневом шимпанзе устраивают демонстрацию протеста, который выражают уханьем, хрипом, визгом, топотом ног, трясением ветвей и бум-бум-бумканьем по деревьям с пустыми стволами, очень напоминающим африканские «говорящие барабаны». (Как известно, шимпанзе воруют в местных деревнях барабаны и колотят по ним с неистовым рвением.) Но, если опасность становится реальной, хор проклятий и оскорблений распадается на солистов, и каждый Сокомуту спасается поодиночке. Если бы подобной тактике последовали павианы, обитающие на земле, то они бы вымерли еще во времена ледникового периода. Ну а шимпанзе, которые ловко прыгают по веткам деревьев, обычно легко удирают от врагов.

В отличие от низших приматов, антропоиды, или человекообразные обезьяны, могут, уцепившись рукой за одну ветку, легко переместить тело на другую. Этот способ передвижения называется брахиацией. У ма-

леньких легких древесных обезьян туловища длинные, узкие и по бокам плоские, как у собак. Расположенные по обеим сторонам грудной клетки лопатки упираются друг в друга. Поэтому их передние конечности лишены возможности двигаться свободно взад и вперед, и древесные обезьяны ходят и бегают по ветвям деревьев на четвереньках. Крепкого сложения павианы ходят и бегают на четырех лапах по земле. У антропоидов туловища короткие и становятся плоскими от живота к спине, а плечевые лопатки расположены рядом друг с другом в верхней части спины. Их передние конечности в состоянии двигаться свободно вбок и вверх и приспособлены для того, чтобы хвататься за ветки, перелетая с одной на другую.

Наши дальние древесные предки, предшественники человекообразных обезьян, обитающих в саваннах, тоже прыгали по веткам, как и современные человекообразные, но никогда не достигали ловкости, присущей акробатам. Они, как и мы, были физически не приспособлены прыгать и качаться, в отличие от человекоподобных обезьян. Для этого им не хватало очень длинных рук, крайне подвижных запястий и локтевых суставов, крючкообразных кистей и коротких пальцев. По мере эволюции у приматов подверглась биологической специализации *противоположная пара конечностей*, которые, постепенно видоизменяясь, развились в ноги и таз, позволяющие людям стоять и ходить прямо. Наши руки не подверглись биологической специализации и до сих пор снабжены достаточно длинными пальцами, поэтому мы можем теперь свободно носить клюшки, ружья, зонтики, бейсбольные биты, писать пером, печатать на машинке, работать планшеткой для спиритических сеансов и на компьютере.

Горилла тоже слезла с нашего общего родового древа, но ждала чересчур долго. Заправский прыгун по деревьям вырос таким большим, что ветки не вынесли тяжести его тела, и он сошел на землю, обладая руками, бол-

тающимися на уровне середины бедра, недоразвитыми ступнями, лишенными подъема, и тазобедренными суставами, вынуждающими его стоять не прямо, а полуприсев, и ходить не большими шагами, а волоча ноги. Малыши гориллы, которые напоминают человека больше, чем взрослые, обретаются на деревьях, как у себя дома. Но, взрослея, они становятся такими большими и неуклюжими, что им приходится проводить основную часть жизни на земле, и тогда своими длинными руками, опираясь на ладони с согнутыми внутрь пальцами, они пользуются как костылями. Тыльные стороны пальцев покрыты толстыми мозолями, и так как при ходьбе ноги у них подгибаются, то на верхних частях подошвы тоже имеются мозоли.

Нгаги, как называется горилла на суахили, попытался справиться с проблемой своего роста тем, что вырос еще больше: самцы, обитающие высоко в горах, достигают размеров в шесть футов и весят до 600 фунтов и больше. Они больше самок в два раза, вероятно, потому, что огромным самцам легче запугать врага и защитить себя и свою подругу от любого недруга, который может встретиться на твердой земле. Чтобы сохранить свой вес, гориллы шесть — восемь часов в день жуют стебли, ветки и фрукты, перемалывая пищу своими массивными, покрытыми толстым слоем эмали коренными зубами. Защитой им служат и огромные резцы, и могучие мышцы. Доказано, что сила взрослого самца гориллы превосходит силу шестнадцати, возможно и тридцати, человек (предположительно такова сила Бушмена, знаменитой гориллы Линкольнского зоопарка в Чикаго).

Однако гориллы не разделяют взгляды человека и павианов на обладание определенным участком, об этом интересно рассказано в книгах Роберта Ардри «Африканский генезис» и «Потребность в территории». У горилл нет привязанности к территории, и все они, почти без исключения, довольно застенчивые и робкие



интроверты. Их сексуальная энергия и стремление к воспроизведению рода тоже очень слабые — они редко соперничают друг с другом и крайне редко спариваются. Ардри считает, что это «равнодушие к жизни, свойственное всем гориллам, за редким исключением, и ослабило их территориальный инстинкт». Однако я полагаю, что все могло произойти и наоборот.

За неимением территории, которую следовало бы защищать, то есть не имея главного стимула основы бытия, животные всевозможных видов погружаются в апатию и становятся безразличными. Давно известно, что различные животные, живущие в зоопарках, размножаются очень плохо, даже если им предоставляются прекрасные возможности для встреч с противоположным полом и спаривания. До некоторой степени в этом виновато питание, но животные ослабевают и физически и эмоционально еще и из-за отсутствия стимула и желания, возникающих, когда не хватает естественной территории, которую необходимо завоевывать и защищать.

Человечество в современном урбанистическом обществе страдает по той же элементарной причине. У обитателей городов нет реальных территориальных владений, поэтому они подменяют «потребность в территории» обладанием материальными благами. Но в сравнении с цветущими и пышными землями, которые возделывали наши отцы, автомобили и цветные телевизоры — слишком тривиальные и заурядные мотивы человеческого бытия. И люди восстают, чувствуя себя обманутыми, восстают против «материальных» ценностей общества — единственного суррогата, который мы сами же и придумали взамен жестокой, но по-настоящему стимулирующей потребности в территории.

«Восстание беспочвенников», как бы я это назвал, принимает огромные размеры. Проживающие в больших городах негры выплескивают необоснованную ярость и нервное напряжение в анархическом бунте, ведущем к саморазрушению. Гибельные сами по себе, эти

бунты выражаются в применении грубой силы, страстном желании бороться с не имеющей никакой ценности урбанистической жизнью. Хиппи, наоборот, отличаются тоскливой, летаргической и еще более ведущей к саморазрушению аурой патетической беспомощности. У них отсутствует желание к противоборству и стремление вообще что-либо предпринимать. Уходя от проблем окружающего реального мира, лишенные собственности и стимула, меланхоличные, почти лишенные пола хиппи «кайфуют» под воздействием галлюцинаций, вызванных ЛСД; бродят будто в тумане или, сидя в наркотическом трансе, разукрашивают свой фантастический мир бредовыми идеями. И когда видишь такого хиппи, то волей-неволей вспоминаешь гориллу, растерянную, лишенную желаний, меланхоличную, почти бесполоую. Как бредет она, еле волоча ноги, по земле в лесу или сидит, мрачно размышляя, посреди своего загаженного жилища.

По сравнению с гориллами, болтун шимпанзе — это вечный подросток мира обезьян. Он — буйный экстраверт и бесстыжий эксгибиционист, любопытный, жизнерадостный и чрезвычайно чистосердечный. И туловище его не деформируется так сильно, как у горилл, у которых молодняк, самки и самцы выглядят так, словно относятся к трем различным видам.

Взрослые самцы шимпанзе достигают максимально-го роста примерно в пять футов и веса в среднем 110 фунтов (хотя отдельные особи могут весить 180 и более фунтов). Взрослые самки в среднем весят 90 фунтов и достигают роста трех футов восьми дюймов. Разница между особями различных полов хотя и небольшая, но заметная: самцы Сокомоту примерно на 20 процентов тяжелее и на 30 процентов выше самок, в то время как самцы людей тоже на 20 процентов тяжелее, но лишь на 10 процентов выше своих подруг. Если бы люди вдруг трансформировались до стандартов шимпанзе, то наши леди съежились бы до роста в четыре фута, но сохранили

бы при этом свой вес. (Если такое когда-либо произойдет, я перестану разглядывать красочные фотографии в «Плейбое».)

У самцов шимпанзе никогда не отрастают огромные костяные гребни на черепе, как у самцов горилл, которые выглядят будто инопланетяне. У них не такие длинные клыки и отсутствуют гигантские костяные дуги над глазами, как у самцов горилл. Самцы Сокомуту, как и люди, лишь крупнее, сильнее и более грубой формы, чем самки. У этого вида обезьян резко не проявляется половой диморфизм, или «двувидность», присущая гориллам, орангутанам и павианам.

Шимпанзе, вне зависимости от пола, отличаются от горилл наличием маленьких коренных зубов, менее массивных челюстей и более упорядоченным строением тела, включая руки, которые в длину достигают уровня колен. Среди существующих ныне обезьян у них самые короткие и самые человекоподобные руки. А у азиатских гиббонов и орангутанов руки даже длиннее, чем у африканской гориллы, и поворачиваются в локтевых суставах.

Но, несмотря на свои не столь длинные руки, шимпанзе гораздо искуснее и отважнее скачут по веткам, чем орангутаны. «Лесной человек» Малайзии редко качается на ветках, он медленно перетаскивает себя с одной ветки на другую, осторожно и по очереди высвобождая одну руку или ногу. Он похож на унылого, луноликого старичка, которому приказали сократиться, и поэтому в своем лиственном гимнастическом зале он выполняет упражнения с заторможенным и покорным видом.

Сокомуту предпочитает «возвышенный стиль» лучшего прыгуна по деревьям в мире человекоподобных обезьян — быстрого как молния, необычайно отважного гиббона. Как и гиббон, шимпанзе может носиться по веткам, цепляясь за них всеми лапами поочередно, но скорости или грации двадцатифунтового гиббона ему не

достигнуть. Как известно, гиббон в состоянии пронестись в воздухе сорок футов и при этом поймать на ходу птицу. Максимальный прыжок Сокомуту вполовину короче, поэтому птицам беспокоиться нечего, но зато он обладает таким вулканическим темпераментом, что все остальное по сравнению с этим ничто.

Когда шимпанзе спускается на землю, что частенько и делает, то ищет упавшие фрукты и пальмовые орехи, разоряет термитные гнезда, чтобы разнообразить свое меню, или собирает вкусные плоды с низкорослых кустарников и трав. Особенно он любит Атомит, вид семейства имбиря, с плодов которого предварительно снимает красную кожицу. Еще он крадет бананы, ананасы, папайю и другие деликатесы с возделанных полей и плантаций, носясь по ним с необычайным проворством (его ноги и руки еще менее приспособлены к ходьбе, чем у гориллы, но ему не требуется таскать на себе столь огромный вес). Обычно шимпанзе передвигается на четвереньках, опираясь на мозолистые пальцевые суставы и ноги с пальцами, загнутыми вниз, но иногда, правда очень недолго, он в состоянии идти почти прямо, откинув назад голову и сложив позади руки для равновесия.

Кисти рук не столь похожи формой на человеческие и не такие пропорциональные, как у обитающих на земле макак или павианов-бабуинов. У Сокомуту короткие большие пальцы, удлинённые ладони и худые пальцы прыгуна по веткам, он руками цепляется и раскачивается. Сокомуту не в состоянии соединить вместе свои большой и указательный пальцы, но зато он использует свои столь специфические руки с таким мастерством и сообразительностью, которые не свойственны обычным обезьянам. Благодаря своему мозгу, самому крупному и с большим количеством извилин среди человекоподобных обезьян, шимпанзе лучше всех пользуется своими пальцами, способен быть очень внимательным, хорошо запоминает, отлично рассуждает и концентрируется.

У Сокомуту, обитающего в естественных условиях, мало возможностей продемонстрировать свой скрытый талант в умении пользоваться орудиями труда. Он угрожает и кидается ветками, в крайнем случае швырнет камень. Камень он использует и для чистки фруктов с твердой кожурой, а листья употребляет в качестве ткани или туалетной бумаги. Однажды, во время сильного ливня в Итури, мне удалось очень удивить шимпанзе, который сидел на земле, прикрыв себе голову огромным листом мангунгу. Он выглядел необычайно смешно, но я был без шляпы, а дождь лил мне прямоком в уши. Подозреваю, что я оказался не первым человеком, который начал подражать шимпанзе.

Мои друзья пигмеи утверждали, что видали, как чеко — так они называют шимпанзе леса Итури — «ковыряется» в термитнике. Сам я ни разу этого не видел и поэтому никак не мог понять, о чем идет речь. Но вот в 1960 году Джейн Гудолл сфотографировала в охотничьем резервате Гомбе-Стрим в Танзании шимпанзе, который «удил термитов». Шимпанзе опускают в термитник травяные стебли или палочки, которые для этих целей делают специально, затем вытаскивают импровизированную «удочку» наружу и губами собирают с нее насекомых. Как заметила мисс Гудолл, они не только пользуются орудиями труда, но и создают их.

Шимпанзе, содержащиеся в зоопарках, цирках, частных домах и исследовательских лабораториях, пользуются огромным количеством орудий труда: они научились работать молотком и гвоздями, отвертками, пилами и клещами; есть вилками и ложками и пить из чашек или стаканов; водить трехколесные велосипеды и обычные мотоциклы, автомобили и даже тракторы; выстукивать свои имена на пишущих машинках; набирать номера телефонов и включать телевизоры. На авиабазе Холломан в Нью-Мехико они научились работать на простейшем космическом оборудовании так же хорошо, как и играть в крестики-нолики на электронной доске.

Шимпанзе нажимают определенные кнопки на доске, на которой высвечиваются квадратики с Х и О, и порой выигрывают у людей. Другие Сокомуту, которые обитают в менее научном мире, берут в руки священные орудия искусства.

У меня была маленькая шимпанзе Софи, которая обожала дурачиться с цветными мелками и альбомом для раскрашивания. Но этим она не ограничивалась: иногда она жевала страницы. А более амбициозные представители ее племени даже создали «подлинные шедевры». У зоолога Десмонда Морриса был молодой самец шимпанзе Конго, который любил добавлять к образцам с вертикальными линиями широкие горизонтальные полосы, и Моррис утверждал, что художники-обезьяны обладают элементарным осмыслением композиции, индивидуальным стилем и большим желанием рисовать. А художественные критики находят у них необыкновенный талант: в 1964 году выставка работ современного художника Пьера Брассау вызвала положительный отзыв критиков. Они даже представить себе не могли, что мсье Брассау на самом деле шимпанзе, по кличке Пьер, который сидел перед мольбертом с кистью и мастихином в шведском зоопарке.

Прежде чем было обнаружено, кем на самом деле является Пьер, он успел продать несколько своих полотен. Мне неизвестно, потребовали ли покупатели деньги обратно, но эти суммы следовало бы сохранить для «фруктового фонда»: темпераментный художник, как говорят, съедал во время своего творческого процесса банан в минуту. А в Швеции бананы на деревьях не растут. Что же касается картин Пьера, их манера была несколько беспорядочной и детской, но они обладали той же оригинальностью, как и многочисленные художественные творения в стиле поп, оп и жоп. Возможно, я покажусь чересчур категоричным в своих суждениях, но я скорее приобрету оригинал Брассау, чем второсортную консервную банку «Кэмпбелл», гигантский резиновый

гамбургер или расчлененный автомобиль с эротическим задним сиденьем.

Содержащиеся в неволе шимпанзе тоже пытаются применить свои таланты, правда, в ином, более досадном, виде искусства, по крайней мере, по мнению их хозяев. В мире животных существуют просто мастера искусства побега — этакое племя ухающих Гудини, которые каждую клетку воспринимают как оскорбление достоинства и вызов их оригинальному мышлению. И суть не в том, что они жаждут вырваться на свободу, так как обычно животное в неволе считает свою клетку личным территориальным владением и совершенно не доверяет неизвестности, которая простирается за пределами этих владений. Многие из них отнюдь не стремятся покинуть свою тюрьму, и их даже приходится выволакивать наружу силком. Но умницы шимпанзе очень чувствительны — они грустят, обижаются и становятся беспокойными. И еще они крайне любопытны, их больше занимает сам процесс освобождения, чем результат.

Для того чтобы сбежать, шимпанзе может часами раскручивать проволочную сетку, причем с воистину человеческими упорством и терпением. Чтобы раздвинуть сетку, он может воспользоваться палкой или любым предметом, напоминающим рычаг, в общем, всем, что попадет в руки. Мало того, он даже может попытаться снять замок. Подобно обитающему в лесах Сокомуту, который пользуется прутиком для ужения термитов, шимпанзе в клетке раскачивает взад-вперед часть проволочной сетки до тех пор, пока от нее не отломится кусочек. Затем этот кусочек он скручивает и засовывает в замок. И если замок простой, Сокомуту открывает его.

Это уже изобретение орудия труда очень высокого порядка, потому что, чтобы открыть замок, перед шимпанзе встает такая проблема, с которой в естественных условиях он никогда бы не столкнулся. Да, он видел, как его хозяин пользуется ключом, но шимпанзе не просто подражает действиям человека, он сам создает ключ.

Содержащиеся в неволе павианы и другие подвиды обезьян с высокоразвитым сознанием учатся пользоваться ключами методом наблюдения и подражания. Мой ручной павиан из саванны, Жан-Гомм, однажды стащил ключи от своей клетки из моего кармана, открыл ее, напал на холодильник и устроил себе помидорное пиршество, но ни одна обычная обезьяна не обладает достаточным интеллектом, самобытностью и инициативой, которые позволили бы ей понять, как сделать ключ.

Во время опытов с приматами по проверке их изобретательности и способности к механике шимпанзе, решая классические проблемы — им требовалось достать палкой апельсин или виноград, лежащие рядом с клеткой, или построить из ящиков пирамиду, чтобы добраться до банана, висящего на крючке на потолке, — как и предполагалось, показали лучшие результаты.

О том, как воспользоваться палкой, обезьяна догадывается лишь в том случае, когда палка и фрукты лежат рядом, касаясь друг друга. И только шимпанзе абсолютно не нуждается в столь ясном намеке — он короткой палкой придвинет к себе длинную, а затем длинной дотянется до фруктов. Если Сокомоту выдать два бамбуковых шеста, ни один из которых не достигает достаточной длины, шимпанзе вставит один из них в другой, создав таким образом орудие труда, отвечающее необходимым требованиям. Во время одного такого эксперимента шимпанзе придумал гораздо более интересный метод, чем от него ждал психолог. Наверху висел банан, шимпанзе выдали длинный шест, которым он, по идее, должен был стучать по банану до тех пор, пока тот не упадет. Но к столь простому решению шимпанзе отнесся с презрением, и, установив шест прямо под бананом, он быстро взобрался по шесту вверх, будто индийский фокусник по канату. Шимпанзе удалось схватить банан, прежде чем и он и шест упали — он шлепнулся спиной на землю, а шест свалился на чайник.



Другие обезьяны подтаскивают ящик из-под апельсинов под вечно болтающийся наверху банан, но поставить ящики штабелем им и в голову не придет. Шимпанзе из *четырёх* ящиков воздвигали что-то вроде небоскреба, а потом, если фрукт все еще оставался вне досягаемости, спускались вниз, брали в руки палку, забирались обратно и сбивали-таки банан. Насколько мне известно, ни один из них не пытался достать палку, находясь на верху небоскреба, но один предприимчивый шимпанзе, по кличке Султан, не имея под рукой палки, совершил другой акробатический трюк.

От Султана требовалось, чтобы он поставил один на другой несколько разбросанных на земле ящиков. Вместо этого он схватил главного психолога за штаны, подтащил ошеломленного человека под необходимый банан, забрался ему на плечи и снял фрукт с крючка.

И на подобные физические и мыслительные подвиги шимпанзе подвигают отнюдь не чувство голода и страсть к гурманству. Их так же, как вас или меня, воодушевляет собственное эго, они тоже жаждут внимания, стремятся поразить зрителей, завоевать их одобрение, восхищение и даже любовь. Когда они ошибаются и в награду не получают ничего, их может охватить раздражение, апатия, они могут начать кричать и колотить по стенам — отчасти от расстройства и разочарования, но в большей степени от того, что не терпят быть обманутыми, опозоренными и оказаться проигравшими.

Содержащиеся в неволе гориллы, которым предлагаются те же тесты, не проявляют криками своих эмоций. Они ведут себя будто буддистские священнослужители, вынужденные присутствовать на футбольном матче, — сидят с отчужденным и слегка осуждающим видом, озадаченные и скучающие. Так как горилл мало интересуют проблемы постройки штабелей из ящиков, применения шестов или иных принципов механики, они в случае неудачи сердятся и расстраиваются редко. Замки они открывать не станут, а палку, которую каж-

дый относящийся к себе с уважением шимпанзе использует в качестве лома для крушения клетки, горилла задумчиво рассмотрит и отбросит в сторону. Но, когда этих обезьян приводят в лабораторию, где находится оборудование для проверки их способностей на визуальное установление различий, они явно начинают нервничать, страдать и даже неистовствовать.

В зоопарке Сан-Диего, где постоянно проводят научные эксперименты с приматами, пятнадцатилетняя горилла, по имени Альберт, каждый раз с презрением вдребезги разбивала аппаратуру своими кулаками. «Было очевидно, что Альберт не желает решать задачи, — сообщил доктор Дуан М. Рамбаух, главный психолог, — как выяснилось, он готов драться до конца, лишь бы не определять разницу между квадратом и кругом».

Разумеется, можно сразу заключить, что гориллы глупее шимпанзе, хотя на самом деле следует понять, что они просто менее похожи на человека. Движимые эго эксгибиционисты-шимпанзе по-настоящему обожают научные опыты, радуются своим победам и рыдают из-за своих ошибок. Замкнутые интроверты-гориллы активно не переносят саму процедуру психологического тестирования, столь для них чуждую. Тем не менее они на многое способны, если сами того захотят, и тем самым напрочь опрокидывают все наши поспешные о них суждения.

Бывший директор зоопарка Сан-Диего, миссис Белл Дж. Бенчли, проводила эксперименты с Нгаги и Мбонго, двумя молодыми самцами гориллы, которые попали в зоопарк в октябре 1931 года. Об этом миссис Бенчли рассказала в своей книге «Моя жизнь в джунглях, созданных человеком»:

«Наших горилл явно не интересовало все, что имело отношение к природе механики. Когда мы ставили препятствия на пути к желаемому ими, желаемое тут же теряло всякое значение. И поначалу мы в это поверили, но, когда мы оставили одну гориллу взаперти, другая

подошла к соединявшей их помещения закрытой двери, которая в течение предыдущих шести лет оставалась незапертой, подняла руками дверь вверх и держала ее в этом положении до тех пор, пока первая горилла не выбралась наружу. Затем она быстро отдернула руки, дверь опустилась, а горилла пошла себе дальше, не проявив ни малейшей эмоции по поводу совершенного подвига».

Просто гориллы не разделяют наши представления о поведении и мотивации. И мы не имеем права судить о них по нашим меркам, и, как подтверждают последние эксперименты, мы не умеем определять уровень интеллекта вроде бы похожих на человека шимпанзе.

Сокомоту часто сравнивают с человеческими детьми, двухлетними, трехлетними, или глухонемыми четырех-пяти лет. Но они абсолютно другие. Маленькие дети указанных возрастов плохо координируют свои действия. Эти частично сформированные существа лишены суждений и самостоятельности. Шимпанзе же прекрасно координируют свои действия, обладают проницательностью и превосходно разбираются в проблемах своего общества и окружающей их среды. Мотоциклы, режущие инструменты и электронные доски не являются частью их древесно-фруктового образа жизни, и сам факт, что они справляются с ними, убедительно подтверждает наличие у Сокомоту умственных способностей к приспособляемости, что и определяет их интеллект.

Антрополог Ирвен Де Вор в великолепном томе «Приматы» в серии Библиотека Природы «Лайф» предположил:

«Представьте себе ньюйоркца, которого поймала стая шимпанзе, отвезла в Африку и посадила высоко на дерево в трехстах футах от земли. И все его способности — блестящее знание языка, опыт в налаживании сломанного топливного насоса, умение торговаться — окажутся абсолютно бесполезными. Цепляющийся за дорожную его сердцу жизнь, частенько путающий съедобные

растения с ядовитыми и, без сомнения, принимающий одного шимпанзе за другого, он покажется своим хозяевам на редкость тупым животным. И подобное суждение о нем окажется, конечно, ошибочным, потому что вызвано оно будет полным непониманием того, что ньюйоркцы не созданы для того, чтобы жить на деревьях».

Многие цивилизованные люди психологически не способны просуществовать неделю в лесу, не говоря уже о том, чтобы жить на деревьях. Туристы, заблудившись в лесу, в считанные дни погибают от «голода» и «беззащитности», несмотря на то что человек способен прожить без пищи несколько недель за счет собственных накоплений жира и выдержать без костра такую пониженную температуру, при которой 600-фунтовая горилла может и погибнуть. Суть заключается в том, что в большинстве случаев потерявшийся человек умирает от страха и истерии. Охваченный паникой, он перестает соображать, начинает мучаться от голода, хотя вокруг полным-полно подходящей пищи, которую он либо не в состоянии распознать, либо не в состоянии проглотить. Человек убеждает сам себя, что он не просто голоден, а умирает от голода, что он не просто мерзнет, а замерзает до смерти. И он носится с криками по лесам, доводя до крайнего напряжения свои мозги, сердце и кровяное давление, пока не погибнет.

Шимпанзе, столкнувшись с куда менее естественными проблемами жизни в чуждых, хромированных джунглях, ухитрились не только выжить и научиться пользоваться новыми для них устройствами. Они продемонстрировали умение понимать, употреблять и даже требовать единственное изобретение человека — символическое и абсолютно бесполезное само по себе, — которое доминирует над любыми человеческими поступками, амбициями и желаниями. Африканские «люди на рынке» усвоили ценности рынка человека: они научились работать за деньги, тратить их, откладывать, копить,

требовать, обманывать, воровать и даже драться ради денег.

В Йельской лаборатории сравнительной биопсихологии доктор Джон Вулф научил шесть молодых шимпанзе работать на двух «адских автоматах». Первый, или «Шимп-О-Мат», извергал одну виноградину или дольку апельсина, когда в щель кидали белый жетон, два фрукта, когда опускали синий жетон, напиток выдавался за красный жетон, и ничего — за медный. Второй автомат, или «Рабочая машина», был снабжен ручкой, весящей восемнадцать фунтов. Когда ручку поднимали, что сделать шимпанзе было нелегко, из автомата выскакивал один какой-нибудь жетон.

Все шесть шимпанзе научились пользоваться двумя автоматами. Они радовались при виде жетонов, любили больше синие, чем белые, брали красные, когда хотели пить, и сидели за «Рабочей машиной» без усталости, чтобы получить жетонов побольше.

Дальнейшая ситуация развивалась в зависимости от характера каждого. Один из трех самцов, Велт, не отличался самоконтролем и предусмотрительностью: получив жетоны из «Рабочей машины», он немедленно мчался к «Шимп-О-Мату», а если его за покупками не пускали, то, накопив крошечную кучку жетонов, переставал ими интересоваться. Бимба, самка, дергала за ручку «Рабочей машины» с мрачной решимостью маленькой старушки, сидящей за игорным автоматом в Рино или Лас-Вегасе. Она собирала огромные кучи жетонов, бдительно их стерегла и продолжала добывать их даже тогда, когда они ей были не нужны. Була, более сильная и агрессивная самка, воровала жетоны у Бимбы, меняла их на куски апельсина и преподносила хныкающей жертве обсосанные шкурки. Мус, очень умный самец, был самым неутомимым трудягой — однажды, чтобы накопить себе жетоны впрок, он за десять минут дернул восемнадцатифунтовую ручку «Рабочей Машины» 185 раз. Защищая свое богатство, он дрался. Одно время

он дергал за ручку так долго, что сотрудники лаборатории стали серьезно опасаться за его здоровье.

Все шесть шимпанзе осознали самую суть цивилизации. И, таким образом, им удалось опровергнуть еще одно довольно шаткое определение человека, как «животного, создающего символы». Шимпанзе не только сумели понять смысл любимого символа человека, но и чуть не сотворили из него источник зла. Если людям так необходимо настаивать на том, что человек уникален, — в отличие от Линнея, который классифицировал человека и шимпанзе как два вида Ното, — нам стоит называть человека «животным, пользующимся кредитной карточкой». Такое определение станет неопровержимым хотя бы на какое-то время.

На своем «рынке», где фрукты выдают бесплатно, шимпанзе ведут несерьезное и восхитительно беспорядочное существование. Павианы маршируют в строго милитаристском порядке, шимпанзе кочуют по деревьям, по пути обмениваясь сплетнями, будто таборы буйных цыган. Каждый табор, состоящий из полудюжины взрослых шимпанзе плюс иждивенцы, постоянно распадается, меняет свой состав и маленькими группами разбегается в разные стороны. Самки численностью всегда превосходят самцов, иногда в соотношении три к одному, и они почти всегда обвешаны цепляющимися за них детенышами. При встрече с другим табором они ведут себя мирно и частенько временно сливаются в одну стаю.

Создается впечатление, что у них царит полная анархия, но на самом деле это семьи, которые встречаются и общаются во время походов по нечетко ограниченной территории. Кажется также, что семьи их непостоянны, но прочные браки существуют — между самцом и самкой... и самкой... и самкой. Как правило, им свойственна полигамия, но жены временами ругаются друг с другом и ревнуют, вероятно, потому, что хозяин

семьи обычно не обращает внимание, когда та или иная жена уделяет внимание заезжему холостяку.

Грубо говоря, дамы шимпанзе время от времени позволяют себе небольшой адюльтер — так наши домохозяйки иногда проказничают с мальчиком-рассыльным или мастером по починке телевизора, но никогда не сбегают с ними, потому что по-настоящему любят своих мужей и отрицательно относятся к разводам.

Может показаться, что слово «любовь» в отношении шимпанзе неприменимо, но это не так. Тот, кто хоть раз увидит, как Сокомуту крепко обнимают друг друга, похлопывают нежно по плечу и по спине, держатся за руки и целуются своими чувственными губами, не станет сомневаться или отрицать, что эти животные умеют любить. Мало того, подобные проявления чувств наводят на мысль, что они не совсем «обычные животные».

Молодые шимпанзе любят экспериментировать в сексе и принимать различные позы. Взрослые обычно спариваются в старомодном, обычном для млекопитающих, стиле — самец устраивается сверху. Как бы они этим ни занимались, через восемь месяцев на свет появляется малыш — слабый, беспомощный, двух-трехфунтовый, с бледной кожей и почти лысыми конечностями и телом. Зубы у него начинают расти на двенадцатой—пятнадцатой неделе. Нянчат его до трех лет, половая зрелость наступает в возрасте семи-восьми лет, а социальная зрелость — в возрасте двенадцати — тринадцати лет. В неволе он живет от двадцати до двадцати пяти лет, умирает обычно от пневмонии, часто подвержен обычной простуде, которой заражается от людей. В естественных условиях он живет от сорока до пятидесяти лет, если не погибнет при встрече с леопардом, или змеей, или, что случается очень часто, с бродячими муравьями.

Перемещаясь адскими легионами, сафари муравьев маршируют и по лесным деревьям. И любой шимпанзе, случайно оказавшийся на пути следования колонны, становится жертвой внезапной массовой атаки. Он

подпрыгивает вверх, кричит и падает на землю. Если его здорово искушали, то от сильного воспаления он умирает.

Мартышки и обезьянки колобус, обитающие на деревьях вместе с шимпанзе, стараются держаться подальше от своих соседей. У местного населения очень популярна легенда следующего содержания: как-то раз Сокомуту подал жалобу на Киму (обезьяна вообще), обвиняя ее в том, что своими громкими криками она периодически нарушает его сон. Обезьяна проиграла и была вынуждена уехать из своей квартиры. Суть легенды заключается в том, что шимпанзе раздражает всякий громкий шум, кроме собственного. Как и мы, они расценивают любое проявление громогласности как свидетельство более высокого социального статуса или привилегии. Поэтому слишком шумную обезьяну они гонят или орут на нее в ответ. Обезьяны, в свою очередь, благоразумно не позволяют себе фамильярничать с шимпанзе, которые превышают их в весе в пропорции семь-восемь к одному. И при появлении Сокомуту обезьяны прекращают есть и быстро удаляются прочь.

Хотя шимпанзе питаются в основном фруктами, но разнообразят свое меню орехами, листьями, почками, кореньями, насекомыми, птичьими яйцами и некоторыми видами ящериц. Местные жители побережья Бурунди у озера Танганьика уверяли меня, что эти животные охотятся за дичью и едят красное мясо. До недавних пор сообщение о подобных повадках шимпанзе представлялось такой же выдумкой, как и судебный процесс между шимпанзе и обезьяной из легенды, или как басни о том, будто гориллы похищают из деревень женщин (удобное объяснение внезапному исчезновению). Но потом в Танзанийском резервате Гомбе Стрим, рядом с озером Танганьика, где лес переходит в саванну, Джейн Гудолл наблюдала за тем, как шимпанзе ловят, убивают и пожирают заблудившихся малышей павианов, галаго, кабанов и красных обезьян колобус. Несмотря на это свидетельство, следует иметь в виду, что мясо является редким



блюдом у шимпанзе, и, вероятно, им питаются отдельные стаи, и только в тех случаях, когда им удастся добыть его без особых хлопот. Но это не означает, что все шимпанзе готовы охотиться ради мяса. Мясо для них, очевидно, деликатес, как, например, улитки и суп из птичьих гнезд в Америке или личинки мучного червя во Франции. Живущие в неволе шимпанзе тем не менее едят мясо, как, впрочем, и любую другую пищу, включая спагетти и даже сыр, — так слоны в зоопарках и в цирках очень любят фруктовое эскимо и шоколадки. Гориллы в зоопарке тоже приобрели вкус к мясу, но, что касается горилл на воле, то тут совсем другая история.

Коренное население утверждает, что гориллы едят иногда мясо, причем человеческое. Но Джордж Шаллер, выдающийся зоолог, который действительно жил среди горных горилл почти два года и узнал их куда лучше, чем любой абориген, никогда не видел, чтобы они питались мясом, яйцами, мышами, ящерицами и даже насекомыми. Вполне вероятно, что какая-нибудь одинокая горилла как-то и взяла в рот кусочек дичи. Правда, гориллы кусаются своими огромными клыками, если их на это вынудят. Но я подозреваю, что, попробовав мясо, она тут же его выплюнула. Есть мясо — просто дикость для животного, так привыкшего к своей диете, что оно не ест даже богатых протеинами насекомых, которых обожают почти все приматы, начиная с древесной тупайи и кончая человеком (включая цивилизованных гурманов, которые, как, например, мексиканцы, поглощают муравьев и кузнечиков в шоколаде, или как пигмеи термитов).

По-настоящему закоренелые плотоядные, Симба и Чуй, никогда не представляли серьезной угрозы для шимпанзе. Обитающий в саванне лев и живущий в лесу Сокомуту, который не любит и избегает яркого солнца, почти никогда не встречаются друг с другом, разве только на границе ареалов. Однажды в облачный день в районе Конго Верхнее Уэле, где Итури граничит с северными равнинами, я видел, как львица подкрадывалась к

стае семи-восьми шимпанзе, которые паслись на земле в густой чаще. Я с огромным любопытством наблюдал за тем, как львица, осторожно передвигая лапу за лапой и припадая животом к земле, подбиралась к стае все ближе и ближе. Но чем могло это кончиться, я так и не узнал, потому что не выдержал — шимпанзе, особенно мамы с детьми, так напоминали людей на пикнике. Чтобы снять напряжение, я издал клич Тарзана. Пикник Сокомуту буквально взорвался. Шимпанзе бросились к деревьям, будто ими выстрелили из пушек, а львица, охваченная таким же ужасом, ринулась в противоположную сторону.

Больше я не наткался на встречу этих животных, но люди племени азанде утверждали, что львы, убив шимпанзе, с подозрением обнюхивают их трупы и удаляются, так к ним и не притронувшись.

У леопардов, которые рыщут и в густых лесах, и в саваннах, гораздо больше возможностей поймать Сокомуту, но они разделяют пренебрежение льва к плоти шимпанзе, отдающей вкусом человечины. Они предпочитают мясо других обезьян, которое напоминает козлятину, особенно колобусов и павианов. Только очень проголодавшийся леопард попытается схватить шимпанзе, и то только когда Сокомуту находится на нижних ветвях или на мшистой земле. Правда, ночью, когда леопарды выходят на охоту, осторожные шимпанзе спят в ста футах от земли, и спят чутко.

Так как у этих обезьян мозолевые подушечки на лапах существуют только в рудиментарном состоянии или вовсе отсутствуют, что зависит от особи, редко спят сидя на ветках, как павианы или гиббоны. Подобно азиатским орангутанам, у которых подушек для сидения никогда не было, Сокомуту выбирают развилину в дереве, сгибают и переплетают ветки, палочки и лозу, чтобы сделать крепкую платформу. Тратят на эту работу они четыре-пять минут. Сверху на лежбище шимпанзе насыпают листья, чтобы оно было удобным. У них нет посто-

янных мест для ночевки, как у павианов, спать они укладываются на закате там, где оказались. Малыши спят со своими мамами, подростки иногда тоже сворачиваются в материнском гнезде, дети постарше неподалеку сооружают свои гнезда, размерами поменьше.

Временами, если шимпанзе хотят передохнуть днем, или в том случае, когда после дождя земля сырая, они тоже строят гнезда. Над гнездом они возводят небольшой полог, чтобы спрятаться от жаркого солнца, но им и в голову не придет сооружать вычурные «пентхаузы», как утверждает путешественник Пол Дю Шаллу. В своей книге «Экваториальная Африка» он поместил иллюстрацию с изображением поразительного, но вымышленного архитектурного сооружения, которое напоминает Пентагон, выполненный шимпанзе.

Взрослые гориллы, особенно «серебристые спины», то есть взрослые, величественные, седые самцы, обыкновенно строят простые гнезда на земле. Для этого они быстро ломают и сгибают несколько корней и веток и возводят вокруг своих тел стену из лиан. Джордж Шаллер рассказывал, что иногда они делают гнезда на крутых склонах, поэтому во время сна медленно съезжают вниз и могут проехать таким образом десять и более футов за ночь. Все это может показаться смешным, но гориллы, как и люди, похоже, чувствуют себя неудобно, если у них нет спального места. Нгаги, как и мы, помнит своих обитавших на деревьях предков, поэтому гориллы-подростки часто строят гнезда в десяти футах над землей, сгибая ветви внутрь к развилине дерева, но не укладывают в них листья, как орангутаны или шимпанзе. Самки иногда благоустраивают свое жилище, но самцы крайне редко забираются на дерево, чтобы соорудить себе гнездо повыше.

Проснувшись на рассвете в своих очень высоко расположенных гнездах, шимпанзе потягиваются, зевают и чешутся, а потом целый день занимаются своими делами — после веселого двухчасового завтрака они

три-четыре часа путешествуют по веткам, в полдень отдыхают, во второй половине дня долго гуляют, часто останавливаясь перекусить, и перед сном плотно ужинают. Принимая во внимание то количество времени, которое они тратят на еду и на поиски пищи, удивляться не приходится, что мозги этих способных обезьян так никогда и не эволюционировали до уровня действительно творческой личности. Удивительно, что они вообще ухитрились добраться до того уровня мышления, какой у них имеется.

Мои друзья пигмеи говорили мне, что шимпанзе почитают Торе, Верховное Божество, которое давным-давно создало Великий Лес. Они рассказывали, что раз в день шимпанзе смотрят на закат и молятся и что временами во время грозы они танцуют на земле, размахивая ветками, чтобы умиловить Бога, создавшего лес, Сокомоту и дождь.

У пигмеев есть свой способ «останавливать дождь». Как и цивилизованные французы XIX века, они зажигают особый церемониальный костер, который, согласно закону симпатической магии, обязан высушить ливень. Как считают пигмеи, шимпанзе машут ветками по той же причине, но костер зажигать они боятся.





## НЬЯМА

### *Всевозможные животные*

Леопарды, львы, буйволы, слоны, носороги, бегемоты, крокодилы, павианы, шимпанзе и гориллы.

Я представил вашему суду краткие и несовершенные очерки о взаимосвязанных укладах жизни десяти животных — членах Большой Пятерки, «уродливого» млекопитающего, «страшной» рептилии воде и трио приматов, чей разум можно было бы признать вполне человеческим, если бы они сочиняли рекламу, подсчитывали калории после каждого приема пищи, носили бы купальники без верха или без низа, таскали с собой кроличью лапку на счастье, сверялись с гороскопом и пилились в хрустальный шар, по-дилетантски рассуждали о политике, взятках и подкупе, обманывали налоговую комиссию, создавали бомбу, запрещали бомбу, любили посредством компьютера, покупали кольца с бриллиантами и норковые шубы, женились и разводили-

лись, ругались из-за алиментов и содержания ребенка, рыдали у психолога, пытались избежать всего перечисленного с помощью ЛСД и совершали самоубийство... по загадочной причине! Десять животных... А в Африке более пятисот видов млекопитающих плюс несусветное количество птиц, рептилий, амфибий, рыб, насекомых и других беспозвоночных, и каждое животное — такое же, по-своему восхитительное, как лев или слон. Да, все они — животные, но слова такого на языке суахили и на большинстве языков банту не существует. Их называют ньяма. Что означает «мясо».

Очень просто, даже проще простого, взять и осудить африканцев, живущих среди гуши самой разнообразной и поразительной фауны, за то, что в бегущих, идущих, летящих и ползущих животных они видят всего лишь куски мяса. Но ньяма — это проблема человека, а не Африки. Рассмотрим значение «нашего» слова «животное». Помимо чисто зоологического определения — «любое живое существо, способное на спонтанное движение и быструю моторную реакцию на раздражение», я, перелистав многочисленные словари, обнаружил к этому слову следующие синонимы или дополнительные значения: зверский, звериный, униженный, непристойный, грязный, неразумный, грубый, жестокий, дикий, беспощадный, кровожадный, противоположный природе и чести человека. Когда я смотрел, каково значение слова «animal» («животное»), я наткнулся на еще более самодовольное, высокомерное и ужасающее словоблудие. А ведь оно — производное от латинского «anima» и его предшествующего санскритского «апа» или «apīmi», что означает «душа».

Почти две тысячи лет якобы разумные люди спорят о том, имеются ли «души» у «душ». Так как я не теолог, то не стану вступать в эту длительную дискуссию. Я лучше повторю вслед за Аристотелем: «Нам следует изучать всех животных, потому что все они являются частью природы и частью красоты».

Мне бы очень хотелось написать отдельную главу о каждом малоизученном существе, которое, будучи «частью природы», помогает ей достигать естественного баланса, но мое повествование и так затянулось. Поэтому я предлагаю вам несколько зарисовок с ноготок о самых необычных и самых загадочных. Покрытые мехом, перьями или чешуей, все они — самые большие чудики в Африке, которые ведут необычный образ жизни.

Прорывая себе путь под землей примерно от девяти до восемнадцати футов от поверхности, африканские самые примитивные и самые загадочные млекопитающие решетят почву лесов и саванн норами-лабиринтами, а по ночам вылезают наружу, чтобы разорять термитники. Шести футов длиной и 140 фунтов весом, с узкими головами, стреляющими языками, дискообразными мордами, длинными ушами и толстыми хвостами трубкозубы похожи на детей от смешанных браков между муравьедом, свиньей, ослом и кенгуру. Буры называют их аардварками, или «земляными свиньями»; британцы считают их «муравьедами»; африканцы восточного Конго именуют их Намулима; а арабы — абу-делаф «творец ногтей», так как эти животные обладают массивными, твердыми, как сталь, когтями, которые настолько сильны, что разбивают бетонный термитный холм.

Сбитые с толку зоологи сначала причисляли аардварка к двум абсолютно разным видам: к панголинам Старого Света и броненосцам Нового Света; и к ленивцам и к муравьедам, то есть к смешанному зоологическому семейству «Edentata», или «неполнозубые». И ученые ошибались, так как у трубкозубов имеется двадцать зубов, у ленивца восемнадцать, у броненосцев почти сто; к тому же у всех этих животных есть лишь одно анатомическое сходство — их длинный язык, которым они слизывают насекомых. Позже их разделили на три разных семейства, но место трубкозуба среди млекопитающих так и осталось малопонятным. Некоторое время ученые

придерживались гипотезы, что Величайшая Загадка Африки — Намулима — является, вероятно, единственным существующим потомком примитивнейших копытных животных, называемых мышелковыми, которые обитали шесть миллионов лет назад на всей территории от Вайоминга до Нью-Мехико. По общепризнанному мнению, их род ведет начало от халикоптеров — столь же древней группы ископаемых, дальних родственников лошадей и носорогов, которые отдали свои массивные, созданные для рытья когти в обмен на копыта.

У западных ученых Намулима пользуется репутацией лентяя и глупца, по-видимому, из-за своего странного облика и глаз, которые он щурит при дневном свете. Но на самом деле трубкозуб — довольно живой и даже игривый паренек, который любит гулять при луне. Передвигается он, как кенгуру, — на трех конечностях, то есть на двух задних лапах и массивном хвосте. При ходьбе он тревожно подергивает своими ослиными ушами. Главным его занятием является, разумеется, взлом термитников и выуживание длинным, растягивающимся языком насекомых. Между прочим, за время пути от одного термитника до другого с ним происходит масса приключений.

Если Намулиму слегка потревожить, он в ту же секунду садится на хвост и держит наготове свои смертельные когти, чтобы отразить любого каракала, сервала или другого мелкого хищника. В случае серьезной угрозы, которая может исходить от льва или охотящегося за его шкурой и мясом человека, он за несколько минут закапывается в землю. Роет землю он передними лапами, а задними отшвыривает в стороны огромные пласты почвы. И при первой же возможности он делает все, чтобы добраться до своей норы-лабиринта.

Трубкозуб часто выступает главным героем местных легенд. То он заключает договор с бородавочником, то женится на ящерице, то клянется в дружбе черной мамбе. А все потому, что и бородавочники, и ящерицы, и



грызуны, и змеи, и гиены, и орды других крошечных существ прячутся, живут и просто бродят в старых и новых норах Намулимы. Эти норы — истинные подземные африканские гостиницы, открытые всем гостям, правда, хозяин может нагрязнать с проверкой весьма неожиданно.

Все семьи бородавочников живут в норах трубказубов. Там бдительные кабаны спят, прячутся, рожают и выращивают малышей. Сенге, на языке суахили, — очень добродушное, но крайне пугливое животное, он совершенно не готов мгновенно встать и идти на битву, как индийский дикий кабан. При малейшей опасности все семейство или одинокий старый самец буквально мчится со всех ног к своей норе, и при спасении бегством их хвосты с кисточками стоят торчком. В нору они влезают задом, держа наготове свои огромные клыки, чтобы отбросить преследующего врага. Поэтому леопарды редко лезут за ними в нору: взрослый самец бородавочника может весить 200 фунтов, и леопард предпочитает нападать на него сзади, как, впрочем, и на другую добычу крупных размеров. Львы порой принимают за разрыв нору, стараясь, словностая возбужденных псов, выкопать прячущихся в ней кабанов. Если львам повезет, то им достанется на обед свинина высшего качества, но вся беда в том, что обед имеет обыкновение сопротивляться и часто наносит серьезные ранения львам, пока они не схватят его и не перегрызут горло.

К ямам с водой бородавочники тоже подходят тылом и до того, как попить, задними ногами сильно колотят по краям ямы. Таким способом они сбрасывают в воду солоноватую корку — соль в чистом виде им не по вкусу. Но аборигены племени азанде, наблюдая эту странную картину, говорят, что на то у Сенге имеется другая причина. Как гласит их легенда, однажды первый на свете бородавочник увидел в луже со стоячей водой дикое на вид существо. Пугливый бородавочник тут же пришел в

ужас и понесся прятаться к себе в нору. Но чудища этого он не забыл и поэтому велел всем потомкам всегда мутить воду, прежде чем заглядывать в нее (тогда они не увидят свое собственное отражение).

У Сенге большая голова, широкое рыло, на шее и на спине щетинистая коричневая грива. Прямо под глазами две огромные выпуклости, будто бородавки, еще одна пара бородавок расположена рядом с массивными клыками. Но, в отличие от настоящих кабанов, клыки у него верхние, а не нижние. Бородавки защищают его малюсенькие, очень близорукие глазки, когда он выкапывает для пропитания дикие корешки и клубни. Из-за присущей ему робости он редко осмеливается заходить на деревенские поля, но вот его родственник поменьше, кистеухая свинья, — более отважная. Нгуруве, как и бродяга-бегемот, не только поедает посевы, но и топчет их, и кувыркается по полям. И именно кистеухая свинья является самым упорным и причиняющим ущерб вредителем в Африке, но почему-то зловредным считают Сенге, невинного обладателя «уродливых» бородавок.

Мфиси, которая тоже устраивает себе спальню в норе трубказуба, славится такой кошмарной репутацией, что по сравнению с ней несчастный бородавочник — просто «лучший друг человека». Даже Карл Экли, ученый и поборник защиты природы, называет гиену «грязным негодяем и злобным убийцей». Тедди Рузвельт описывает ее «грязную и жуткую свирепость». А недавно Роберт Руарк обозвал ее «смердящим вором», «живым кладбищем» и «грязной пародией на все животное царство».

Я мог бы писать и писать, цитируя подобные определения гиены, но ограничусь одним и самым страшным из-за тона, присущего манере обывателя. Его высказал Пол Л. Хёфлер в «Говорит Африка», повествовании о том, как компания по производству документальных фильмов в 1928 году путешествовала на грузовиках по Экваториальной Африке.

«...я потерял счет убитым нами гиенам, но после того, как мы решили объявить им войну, я решил их считать. Чего мы только не придумывали и вот как-то раз изобрели новую игру под названием «гиена гольф». Правила были следующими: гиена должна находиться, по крайней мере, в двухстах футах от стрелка, а ему предоставляется право на четыре попытки. Если он убивал гиену первым выстрелом, это была посылка мяча в лунку одним ударом; если двумя выстрелами, то орел; если тремя, то пташка; четыремя — норма...»

Мфиси вызывает отвращение, ее преследуют из-за необычной, некрасивой внешности и привычки питаться падалью. А она просто вынуждена это делать. Как и крокодил, гиена обладает серьезными физическими недостатками, но, несмотря на них, ухитряется выживать. Правда, недостатки у обоих животных диаметрально противоположные. У всеящей полтонны или тонну рептилии необыкновенно слабые челюсти и очень сильный зад, а у всеящего сто фунтов млекопитающего — родственника цивет и других примитивных кошачьих — челюсти посильнее, чем у какого-либо другого животного-падальщика, и слабые, чуть ли не скрюченные, задние ножки. Гиена может раздробить зубами большеберцовую кость быка с такой же легкостью, с какой собака разгрызает крылышко цыпленка, но из-за коротких задних ног она не бежит, а быстро шаркает. Ее тупые когти не втягиваются, как у кота, поэтому она не в состоянии хватать и держать добычу.

Быстроногую дичь гиена поймать сама не в силах, поэтому ей приходится добывать пропитание, соревнуясь с самыми умными в мире, прекрасно организованными и очень стремительными крупными кошачьими: с леопардами, львами и гепардами. Кроме них соперниками гиен являются и хищники помельче: быстроногие дикие собаки, сервалы и каракалы. Никого из них Мфиси превзойти не в состоянии и теоретически должна была бы уже вымереть — просто от голода. Но терпеливые

и решительные гиены выживают благодаря тому, что собираются в стаи и охотятся за больными, ранеными, старыми или очень молодыми животными. Мфиси внимательно следит за стервятниками и плетется следом за львами, мечтая о падали. Она пирует человеческими телами, традиционно выставленными на открытом пространстве жителями деревень.

И такое поведение жизненно необходимо во имя соблюдения биологического равновесия в природе. Охотясь, гиена не очень эстетично обеспечивает контроль за ростом популяции и болезнями, а, пожирая мертвечину и разгрызая кости, она помогает возвратить химические элементы мертвых животных земле, которая в свою очередь отдает их растениям.

Судя по последним исследованиям, ненависть человека к пожирателям падали и их преследование связаны со страхом смерти и мечтой о бессмертии. Человек смотрит на гиену, трудолюбивого гробовщика саванн, и видит Старуху с косою, которая только того и ждет, чтобы утащить его к «погребальному звону, гробу, кирке и могиле; глубокому, сырому склепу, тьме и червям» — так английский поэт Эдвард Янг выразил словами извечную фобию людей. И, отвергая свое подчинение обычному закону природы, человек с помощью быстрой пули уничтожает гиену — козла отпущения, абсолютно невиновного.

Мои братья масаи, которые не разделяют навязчивый страх смерти цивилизованного человека, иначе относятся к гиене. Принимая неизбежное, они называют Мфиси «Посланником Бога».

Гиен также осуждают за то, что они внезапно нападают на людей. На такой риск они временами идут, но только, когда очень голодны. А тот факт, что они совершенно спокойно поедают трупы своих же сородичей, привел к тому, что их обвинили в каннибализме. Из-за их привычки охотиться в стае, и большей частью под покровом темноты, люди стали предполагать, что гиены —

трусливы и потому пробираются тайком. Но я никак не могу себе представить, как стая голодных людей, отложив в сторону свое оружие, попытается отогнать голодных львов от добычи. А гиены пытаются, и порой им это удается.

Знаменитый хохот Мфиси звучит необычно, но редко; чаще они ограничиваются скулежом, подвыванием и ворчанием, похожими на собачьи. Можно прожить в африканском буше месяцы и даже годы, но так и не услышать, как гиена наконец разродится своим хихикающим, улюлюкающим, сильно визгливым хохотом. Никто, по сути, и не знает, почему они вдруг начинают смеяться, но старое клише «хохочущая гиена», как ни странно, очень ей подходит: прирученная и обученная Мфиси — это, наверное, самое игривое и добродушное животное во всей Африке.

На станции Рутана, на юго-востоке Бурунди, у меня был ручной самец гиены, по кличке Мфиси. Он привык спать у моих ног на кровати и каждое утро будил меня, прыгая мне на живот и играя с пуговицами на моей пижаме. Встав с кровати, я обнаруживал, что он спрятал мои ботинки. И пока я в поисках обуви переворачивал весь дом вверх дном, он наблюдал за мной с явным наслаждением. Когда он не дразнил меня, то пытался перехитрить более глупую дичь. Самым лучшим его другом был Нгугу, малыш павиана, который ездил верхом на пятнистой спине Мфиси так, словно гиена была его мамой, а не «кровным врагом».

Эрик, тоже ручная гиена, принадлежала моему другу Карру Хартли, известному и очень гуманному ловцу диких животных в Румурути в Кении. Эрик гулял по уникальной ферме животных Карра, возился с собаками и таскал все, что попадало ему в зубы. Но он всегда должен был удостовериться, что его кто-нибудь видит, потому что суть игры заключалась в том, чтобы вовлечь человека в дикий вид спорта под названием «прятки с гиеной».

Вилли, другая гиена Карра Хартли, обладала несколько несговорчивым характером. Ее имя периодически менялось на Вильгельмину, затем она опять становилась Вилли, так как пол гиены явно, как у устрицы, колебался между мужским и женским. Вилли приписывали отцовство некоторых щенков и рождение малышей. Я понимаю, что это звучит как мистификация или волшебная сказка, но по поводу странной анатомии гиены и ее проблематичного полового образа жизни спорят бесконечно и безрезультатно со времен Плиния Старшего.

Большинство зоологов отрицает возможность смены пола у млекопитающих, но они признают, так как это очевидно, что у самок гиены «ярко выражены» рудиментарные мужские половые органы. По заключению доктора Ганса Круука, изучавшего гиен в местностях Серенгети, определить пол пятнистой гиены до достижения ею зрелости (до двух лет) можно только при вскрытии. Местные жители, которые обладают прекрасной наблюдательностью и великолепной проницательностью, но при этом и поразительной фантазией, рассказывают о Мфиси разное. Одни считают, что гиены — гомосексуалисты; другие — что они одновременно бывают то самцом, то самкой; а третьи — что эти животные в состоянии менять свой пол в зависимости от желания. Местное население всей Экваториальной Африки уверено в том, что вне зависимости от пола, гиена в состоянии вскармливать малышей.

И это последнее утверждение более всего похоже на правду, так как все млекопитающие мужского пола снабжены отличным устройством для вскармливания. И, что поразительно, известны случаи, когда такое действительно происходило. Еще Чарльз Дарвин отмечал в «Происхождении человека»:

«У млекопитающих мужского пола имеются млечные железы или соски, но их вряд ли можно полагать рудиментарными. Они просто плохо развиты и активно

не функционируют. Но под влиянием какой-либо серьезной болезни они могут начать действовать так же, как и у женских особей. Эти железы часто выделяют несколько капель молока при рождении и достижении половой зрелости... У людей и некоторых других видов млекопитающих мужского пола эти органы, как известно, становятся хорошо развитыми в период полового созревания и дают порядочное количество молока...»

Дарвин, как и другие ученые, предполагал, что в древности млекопитающие мужского пола «помогали женским особям ухаживать за потомством», и он подробно рассказал о тяжких испытаниях, выпавших на долю несчастного мужчины, оставшегося один на один с младенцем. Слушая крики своего ребенка, он в отчаянии приложил его к груди и, к полному своему изумлению, обнаружил, что предполагаемая «соска-пустышка» дает молоко. Не один человеческий младенец был спасен от неминуемой смерти именно таким, на вид чудотворным, «отцовским молоком».

Принимая во внимание тот факт, что попадаются мужчины, которые вскармливают своих детей, вполне вероятно, что самец гиены время от времени или даже часто кормит молоком своих малышей. И столь необычное его поведение могло послужить источником возникновения среди местного населения легенд о гомосексуальных или бисексуальных гиенах, но загадка меняющего свой пол Вилли-Вильгельмины все равно остается неразрешенной.

Случай с этой «странной» гиеной может иметь совсем иное объяснение и еще более удивительное.

Как известно, птицы, даже после достижения зрелости, изменяют свой пол. Петухи откладывают яйца, и, надо отметить, курицы покрывают куриц и становятся отцами цыплят. У столь инициативных кур отрастают шпоры, и они начинают кукарекать, прежде чем окончательно превращаются в петухов. При вскрытии таких кур выясняется, что пораженный яичник полно-

стью трансформировался в яичко. Частичная или полная смена пола также наблюдается и у млекопитающих, даже у людей, а некоторые виды млекопитающих странным образом периодически превращаются из мужской особи в почти нейтральную, а затем опять в мужскую. Размеры яичек горносталя составляют всего лишь одну тринадцатую того размера, который они принимают в период спаривания. А яички грызунов, летучих мышей и насекомыхных передвигаются взад и вперед из полости тела в мошонку и уменьшаются и увеличиваются в размерах в зависимости от брачного периода.

Вполне вероятно, что некоторые самки гиены, чьи половые органы по своей конституции наиболее гермафродитны из всех половых органов представителей их семейства, могут периодически функционировать как мужские. Пока не появятся убедительные доказательства этого предположения, я не стану в это верить, но и отрицать тоже.

У Твиги, самого высокого животного на свете, пол выражен совершенно четко, но обыкновенно он это игнорирует и ведет себя с развязностью «гея», присущей древним грекам или современным обитателям Гринвич-Виллидж.

Недавно я получил сентиментальную «валентинку» с изображением двух очаровательных, с ласковыми глазами и с длинными ресницами жирафов, обнимающих друг друга шеями, как это часто Твиги и делают. Отправительница — благожелательная, но чересчур утонченная леди — пришла бы в шок, узнав, что нежность подобного рода проявляют друг к другу не самец с самкой — поглаживание, объятия и переплетение шеями плюс сражения на турнирах составляют часть любовной игры между двумя самцами, после которой один обычно взгромождается на другого. Временами группы от двух до шести жирафов ласкаются шеями все вместе, а потом забираются друг на друга без разбора.



И причиной таких отношений является вовсе не недостаток женских особей. Самки стада обычно стоят при этом в сторонке, наблюдая за происходящим со скупающим видом, — будто домохозяйки, собравшись кучкой, следят за своими «мужиками», которые играют не в покер, а во что-то новенькое. Тем не менее самки никогда не доставляют себе удовольствие гетеросексуальными отношениями и довольствуются платонической дружбой и воспитанием чужих малышей.

Когда самец жирафа ухаживает за самкой, его поведение становится более продуктивным и приводит через пятнадцать месяцев к появлению на свет шестифутового детеныша, весом в 160 фунтов. Во время брачных отношений жираф просто кладет голову самке на бок и лижет либо кусает ее за хвост. Она выпускает мочу, а он ее пробует, очевидно, пытаясь определить, началась ли у нее течка. Вожак стада, которое обычно состоит из двадцати животных, позволяет своим подчиненным заходить так далеко, но настоящее спаривание старается предотвратить. Свой гарем, который он обычно игнорирует, вожак защищает, применяя более жестокую тактику, — наносит тяжелые удары своими короткими, похожими на узлы и покрытыми кожей рожками.

Во время таких поединков самцы могут подраться по-настоящему, но при этом они редко пользуются своими копытами, способными раздробить кость. Их они берегут для защиты от хищников. Максимальная высота жирафа достигает восемнадцати и более футов, а вес полторы тонны, поэтому животные никогда не становятся добычей леопарда. Чуй прекрасно знает пределы своих возможностей. Однако львиный прайд очень даже может напасть на взрослого жирафа, особенно у водоема, где Твиге приходится «делать шпагат», чтобы напиться.

На восхитительной шее жирафа, которая и вынуждает его совершать акробатический этюд у воды, всего семь позвонков — обычное количество практически у

всех млекопитающих, включая человека, — но они очень большие и очень длинные. Так как сердцу Твиги приходится качать кровь с силой, достаточной, чтобы по шее, длиной от десяти до двенадцати футов, достичь мозга, его предсердие тоже большое и обладает массивной конструкцией. Сердце жирафа, снабженное стенками толщиной в три дюйма, достигает двух футов в длину и весит примерно двадцать пять фунтов.

Кровяное давление у Твиги превышает человеческое в два-три раза, поэтому у него особая кровеносно-сосудистая система. В противном случае скорость потока крови привела бы к разрывам сосудов мозга, как только жираф наклонился бы попить или полизать соль. Таким образом, он полностью укомплектован сложной группой артерий в основании своего мозга — так называемой чудесной сетью, благодаря которой давление у него может понижаться. Кроме того, у Твиги есть шейная вена, шириной в дюйм, по которой кровь течет обратно из мозга и которая снабжена специальными клапанами, не дающими венозной крови течь обратно, когда жираф наклоняется.

Жить с длинной шеей трудно, но у такой шеи есть и свои преимущества. Твиг в состоянии достать такую пищу, какая другим не по росту. Своим темно-синим двухфутовым цепким языком он срывает листья с самых высоких веток акации и мимозы. Обитает жираф в открытых саваннах и с высоты своего роста прекрасно видит издали врага, включая двух главных: льва и человека. При виде их он одухотворенным, полукачающимся и полуплывущим галопом несется прочь со скоростью около тридцати двух миль в час.

В прошлом племена Восточной Африки любили пировать вкусным, сочным и жирным мясом Твиги. Мясо они также вялили; большеберцовые кости, славящиеся своим питательным костным мозгом, жарили на огне; а из дубленой шкуры изготавливали великолепную, отличного качества кожу. В наши дни, когда при-

ходится кормить все больше и больше ртов, мясо Твиги пропадает зря. Вооруженные браконьеры, убив жирафа, отрезают у него черный с кисточкой хвост, а гигантский труп оставляют на съедение львам, стервятникам и гиенам. Хвост продают примерно за доллар охотникам за редкостями, ну а те превращают его в сувенир-мухобойку.

Я не предлагаю разводить жирафов для получения мяса. Для этого имеются более подходящие кандидаты, включая буйволов и легко приручаемых канн. Я просто, как всегда, сожалею о том, какими методами стали добывать деньги в Африке — уничтожая как животных, так и свою национальную культуру. Понятно, что африканцы, одержимые наивной тягой к нашим «цивилизованным» товарам, стали продавать свое право первородства за чечевичную похлебку в консервной банке и пластиковой бутылке. Браконьер, убивший жирафа и продавший его хвост, зарабатывает достаточно денег, чтобы приобрести второсортную шляпу, пару пластмассовых браслетов для жены и горсть пуль, чтобы застрелить еще несколько жирафов.

Хамелеоны, которые ползают по лианам и деревьям во влажных лесах — не просто ньяма, которое следует убить и съесть или убить и продать. Племена Банту и народности Судана в Итури называют их «священными», но не поклоняются им, а боятся и остерегаются этих абсолютно безвредных и беззащитных маленьких ящериц, считая их проклятием и символом черной магии, якобы обладающими «дурным взглядом».

Все, что касается Кинионга, так хамелеон называется на языке суахили, человеческими обитателями буша воспринимается как зловещее и сверхъестественное. Африканцам не нравится не только его способность изменять окраску, что так впечатляет население Запада, но и весь облик хамелеона. Медленно, с выражением глубокой задумчивости на лице, передвигается он с ветки на ветку, сжимая и разжимая свои напоминающие кле-

щи лапки, и будто бы угрожающе вращает своими похожими на мячи глазами. Аборигены говорят, что он ищет людей, чтобы завладеть их душами.

На самом деле Кинионга ищет мух и бабочек, то есть имеет цель более практическую и «питательную». Каждый его глаз вращается независимо от другого, выпуклая сфера неторопливо поворачивается вместе с защитным веком до тех пор, пока зрачок, расположенный внутри крошечного смотрового отверстия в центре, не сфокусируется на насекомом. И тогда, как бы в противовес его медленным движениям, изо рта с фантастической скоростью вылетает длинный язык, ловит насекомое клейким заостренным кончиком и отправляет жертву и все, что попадает вместе с ней, назад в рот. Предел стрельбы языком различен у шестидесяти шести видов хамелеонов. Среди этих ящериц попадаются и карликовые, длина которых от кончика носа до кончика хвоста составляет всего три с половиной дюйма, и гиганты, длиной в два фута, у которых имеются рожки, шлем и головной убор, наподобие петушиного гребня, но максимальная их длина, скорее всего, двенадцать дюймов.

У Кинионга изменяющий свой цвет камуфляж является единственной защитой от врага. Цвет его меняется от различных оттенков зеленого и синего до желтого в зависимости от цвета листвы, на коре хамелеон становится коричневым или серым. В случае опасности он цепляется за ветку лапами и клейким хвостом, от ярости раздувается, лязгает своими крошечными челюстями и издает звуки, напоминающие нечто среднее между шипением и чириканьем или писком маленького птенчика.

И при виде столь старательной псевдоугрозы люди бегут прочь, охваченные суеверным ужасом, но других млекопитающих, птиц и змей такие причуды хамелеона совсем не пугают. Не столь мудрые, как люди, они убивают и поедают лесных магов, не испытывая при этом никакого уважения к их «дурным глазам».

Ни одна из африканских змей, даже самая ядовитая, не славится, как хамелеон, репутацией абсолютного зла. Ньюка, как называют змей на суахили, обладают сверхъестественным статусом совсем иного толка. Всех Ньюка, включая кобр и мамб, воспринимают как реинкарнированных предков — мудрых и добрых существ, которые проявляют искренний интерес к благополучию своих человеческих детей.

Но африканцы испытывают такое же отвращение к змеям, какое аборигены чувствуют к хамелеону. Подобное отношение к змеям, возможно, покажется непонятным. По легендам цивилизованных людей, каждое дерево на Черном континенте прямо-таки кишмя кишит змеями, и каждая змея только того и ждет, чтобы свалиться сверху на ничего не подозревающего человека и убить его своими смертоносными зубами или задушить его в своих кольцах. Особенно этим славится якобы людоед-питон. Правда, почему-то никто не задумывается над тем: а что змеи делают потом с человеческими трупами, которых им съесть бывает до некоторой степени сложно. Вероятно, после содеянного они просто уползают, торжествуя после совершенного ими зла.

В действительности змеи почти никогда не нападают на человека, они вообще редко встречаются, даже в самой чаще Итури и других экваториальных лесах. Они, как и любое другое животное, настолько заняты своей собственной жизнью, что им некогда тратить время и силы, чтобы вести себя как персонажи фильмов о Тарзане. Когда им хочется есть, они, в зависимости от своих размеров и вкусов, ищут себе подходящую добычу. Когда они сыты, то частенько прячутся в нору трубкозуба, чтобы переварить пищу. При виде человека или другого крупного животного они стараются найти себе укрытие. Когда их загоняют в угол, они сначала пытаются напугать врага, но кусают его только в том случае, если на них нападают или наступают.

А предполагаемые людоеды, африканские питоны, на самом деле охотятся на обитающих на земле птиц, например, на гвинейских курочек и петушков, на грызунов, диких поросят, карликовых антилоп и вообще на млекопитающих крошечных размеров. Так как питоны являются в Африке самыми большими змеями, достигающими двадцати и более футов в длину, они пользуются особыми привилегиями, особенно в Бурунди, где Исато издавна почитают как реинкарнированных королев-матерей. Это суеверие, должно быть, связано с материнскими повадками самок питона. Она — одна из самых внимательных матерей среди рептилий. Свои только что снесенные яйца Исато складывает в конусообразную кучу и, обвившись вокруг нее кольцами, лежит таким образом весь инкубационный период, который длится два месяца. Так как у нее скорость метаболизма медленнее, чем у крокодила, она не отходит от яиц даже поохотиться.

Когда питон ловит свою жертву, он никогда не убивает ее, сжимая кольцами до тех пор, пока она не превратится в «кашу», как обычно предполагают. Он ее просто душит. Чтобы объяснить вам, как это происходит, я расскажу о необычной, возможно уникальной, встрече, которую видел и сфотографировал в национальном парке Найроби в Кении — встрече питона с земляным волком.

Земляной волк, или, как его называют буры, аардвульф, не является родственником трубкозуба, аардварка, но образ жизни он тоже ведет необычный. Он входит в одно семейство вместе с циветами, мангустами и гиенами и выглядит как полосатая гиена, сократившаяся до размеров большой лисицы. Но существо это — очень пугливое и почти беззащитное. Нору себе он роет крепкими тупыми когтями, а по ночам слоняется, круша термитники, и своими слабыми, чуть ли не рудиментарными зубами разгрызает с хрустом насекомых. Он никогда не встречается вне пределов Южной Африки, особенно днем, то есть почти вообще не встречается.

По всей видимости, тридцатифунтовый желтовато-черный земляной волк, или протёл, бродил среди высокой травы в поисках термитника, когда восьмифунтовый серо-коричневой окраски питон вцепился зубами ему в левую переднюю лапу и обвился кольцами вокруг его тела. Я наткнулся на них в тот момент, когда питон, обвив тонким концом своего хвоста шею земляного волка, держал в зубах заостренную мордочку зверька. Тот слабо трепыхался и задыхался в горле змеи. Когда он в конце концов умер, питон растянул челюсти примерно на четверть своей головы и стал поглощать трупик, начиная с живота и ног, а не со спины.

Казалось, что обед ему не по меркам, но я ошибался. Верхняя и нижняя челюсти питона могут выдвигаться вперед, а нижняя челюсть делится на две половины, которые соединены между собой у подбородка эластичной связкой. Когда питон глотает добычу, обе половинки челюсти действуют самостоятельно. Зубами одной половины он впивается в плоть, затем, используя свою хватку как опору, он выдвигает вперед другую часть челюсти и тоже впивается зубами. Эту процедуру он повторяет не один раз, чтобы обильное слюноотечение, которое сопровождает прием пищи, помогло ему проглотить жертву.

Прошло два часа, прежде чем задние лапы и пушистый хвост земляного волка окончательно исчезли в глотке змеи. Потом питон медленно пополз по траве, а его красивое тело уродовало огромное вздутие, которое было одним из самых редких и самых неуволимых животных Африки.

Мои фотографии питона с его неожиданным обедом были опубликованы в «Ист Африкан Стандарт» 5 августа 1960 года. Через шесть дней та же газета ошеломила своих читателей заголовком: **ПОСЛЕДНИЕ БЕЖЕНЦЫ ОБЕЗЬЯНЫ ПОКИДАЮТ КОНГО**. В заметке рассказывалось о внезапном прибытии в Найроби группы приматов: Кикихибу — ночной обезьянки дурукули, Спиру — мангобея с красивым гребнем, Софи, которая была малы-

шом шимпанзе и их близкого родственника — мужика по имени Жан-Пьер Халле.

Главная обезьяна, если я имею право на этот титул, также привезла с собой двух попугаев и сиамского кота, плюс автомобиль, грузовик и трейлер, битком набитый фигурками и статуэтками, масками, резными шкатулками и чашками, барабанами, тамтамами и другими музыкальными инструментами, бусами, браслетами, ремнями, амулетами, ножными браслетами, серьгами, племенными знаками различия, головными уборами, гребнями, щитами, копьями, ножами, топорами, мотыгами, луками, стрелами, мечами, рыболовными крючками, тесаками, стульями, веслами, корзинами, подносами, ложками, трубками, талисманами и фетишами — самой большой и лучшей коллекцией африканских артефактов в мире.

Ради спасения этой исторической коллекции мне пришлось оставить всех моих друзей-животных, которых я приручал, дрессировал и изучал в моем уголке в Мутвате в Конго и в моем зоопарке во дворе дома в Кисении. С чувством огромной горечи я выпустил их на свободу, а когда они стали возвращаться, я отвез их в буш. И теперь все они ушли: Симба, Пьерро, Белла, Венера, Мбого и остальные, начиная с обезьян, лемуров и павианов и кончая птицами, антилопами и зебрами.

Их ожидала трудная судьба. А положение, в которое они попали, было символичным. Ничто так не характеризовало обретенную независимость в Конго, как компания домашних животных, бродящая по миру, сошедшему с ума от политических интриг людей, братоубийства, уничтожения, пыток, насилия, грабежа и разрушения. Люди гибли, бессмысленно и трагически, и животные погибали вместе с ними. В течение первого месяца независимости в Конго по меньшей мере десять тысяч слонов были убиты в бывших заповедниках, в то время как в Руанде-Урунди, Кении, Уганде и Танганьике наивные местные политики, стремясь к быстрому за-



воеванию свободы, произносили речи, наподобие призыва Ф. К. Онамы: «Если вам не хватает денег, перестреляйте всех слонов и продайте бивни».

Международные общества по охране естественной среды, такие как «Всемирный фонд дикой природы», «Управление фонда африканской дикой природы» с базой в Вашингтоне (которая ежегодно жертвовала полмиллиона долларов на содержание центров по обучению методам охраны природы в Африке) и «Общество дикой природы Восточной Африки» прилагали все усилия, чтобы остановить или, по крайней мере, снизить темпы уничтожения животных. Но в частях света, которым требуются века для достижения цивилизации, плохо понимают принципы охраны естественной среды. К тому времени, когда новые народности Тропической Африки достигнут политической стабильности и люди поймут, как важно уважать поразительных живых существ, которых они называют ньямой, сами животные могут уйти в забвение, даже такие, как лев или носорог. И нам необходима *гарантия* против возникновения такой страшной ситуации.

В «Китабу о Конго» я поведал о своем честолкобивом проекте восстановить наиболее важные виды африканской фауны в Соединенных Штатах Америки. Я мечтал построить в Южной Калифорнии уменьшенную копию национального парка Альберт или Найроби, чтобы животные могли там гулять и кормиться на воле, как и у себя на родине. В парке не будет ни клеток, ни решеток, ни загонов. Группы животных будут отделены друг от друга естественными барьерами, такими как скалы, ямы, рвы, озера и другие природные преграды. Посетители станут разглядывать питомцев из своих автомобилей и наблюдать животных, обитающих на свободе, а не в неволе.

Кроме этого, я планировал устроить музей быта разных африканских племен, где бы расположил свою этнологическую коллекцию. В музей бы приезжали живые носители африканской культуры — танцоры, музыканты и резчики скульптур. А размещал бы я их в точную копию африкан-

ской деревни — Конголенд, США. Большую часть своей жизни я работал с африканцами и для африканцев, и мне очень хотелось, чтобы и Западный мир увидел их такими, какими увидел их я: не «примитивными» или «дикими», а разнообразными личностями, обладающими чувством собственного достоинства и уникальной культурой.

Вооружившись этими планами, которые были официально одобрены полковником Мервином Коуи, директором Королевских национальных парков Кении и председателем других официальных учреждений, я сошел с корабля со своими «беженцами-обезьянами», разместил свою коллекцию на складе в Найроби и 22 августа 1960 года в аэропорту Найроби сел на самолет вместе с подарком Карра Хартли — галаго с большими глазами, длинным хвостом и весом в шесть унций. «Как только Супер Ди Си-7 взлетел, — писал я в конце «Китабу о Конго», — я остался лишь с крошечным животным и огромнейшей мечтой посреди эн-гоп о энг-аи — так мои братья масаи называют землю и небо».

Самолет со стуком приземлился в Южной Калифорнии. А то, что происходило затем с моим предполагаемым Ноевым ковчегом, и побудило меня написать «Китабу о животных». За абсолютно ошибочным предположением об «африканских боа констрикторах» и «голых шимпанзе» последовало полное непонимание.





## ЭПИЛОГ

*Пришвартуется ли наконец*

*Ноев ковчег в Калифорнии?*

«FRA I PROFUGHI DAL CONGO C'E UNA MODERNA ARCA DI NOE!»<sup>1</sup> — объявляла римская «Голос Африки». «LE PERE NOE SERA DEPASSE!»<sup>2</sup> — возвещал бельгийский журнал «Ле суар иллюстре». «VOM KONGO NACH KALIFORNIEN!»<sup>3</sup> — откликнулась мюнхенская «Абендцайтунг» ярко-красными буквами.

Половина континента возбужденно обсуждала «Ноев ковчег», а я тем временем четыре месяца вместе с директорами лучших европейских зоопарков консультировался, где лучше разместить Конголенд. Получив эмигрантскую визу на въезд в США, я приплыл в Нью-Йорк

---

<sup>1</sup> «Беженцы из Конго на современном Ноевом ковчеге!»

<sup>2</sup> «Отец Ной плывет проездом!»

<sup>3</sup> «Из Конго в Калифорнию!»

10 декабря 1960 года. Но не на самодельном ковчеге, а на гигантском лайнере «Нью-Йорк», и без единого животного. Мои беженцы-обезьяны остались в Найроби, а моего малыша галаго похитили какие-то бельгийские родственники (мои, не его) и отказывались его возвращать.

Сам «ковчег» находился в Африке и ждал своих предполагаемых пассажиров — около 3000 животных, включая птиц, змей, мелких млекопитающих, львов, слонов и носорогов — которые все еще бродили по бушу. Прежде чем поймать этих животных, переправить в порт, провести через карантин и отправить в Америку, бельгийскому Отцу Ною требовалось решить такую кучу проблем, какие библейскому Ною даже и не снились. Я должен был найти подходящее место, получить разрешения от федеральных, штатских и местных властей и каким угодно способом изыскать средства для финансирования этой огромной операции. На горе Арарат было, наверное, проще.

Первым, кто здорово мне помог, был доктор Джеймс Чапин, который прославился тем, что обнаружил редкий вид конголезского павлина. Когда мы встретились с ним у него в кабинете Американского музея естественной истории в Нью-Йорке и я поведал ему о резне в национальных заповедниках и резерватах Конго после объявления независимости, доктор Чапин расплакался. «Они сами не понимают, чего лишаются, — повторял он снова и снова. — Животных *ничем* не заменишь».

Воодушевившись моим проектом, доктор Чапин пригласил меня на ежегодное собрание Зоологического общества Нью-Йорка. Президент Фэрфилд Осборн и члены совета с одобрением отнеслись к моему проекту, а 10 января 1961 года я выступил с лекцией о Конголенде в Исследовательском клубе Нью-Йорка. Результат был ошеломляющим. Дэвид М. Поттер, президент «Аэронавтики Поттера», тут же предложил для размещения некоммерческого заповедника, в котором будут обитать

африканские виды животных, находящиеся под угрозой вымирания, 2000 акров калифорнийской земли в тридцати милях к югу от Монтерейя, между Гамбоа-Поинт и Лопез-Поинт.

Это была просто фантастика. Через тридцать дней после моего приезда в Соединенные Штаты благодаря необыкновенной помощи Дэвида Поттера Конголенд, казалось, обрел пристанище.

В лихорадочной спешке я провел переговоры с маммологами, орнитологами, герпетологами, экологами и другими специалистами в Музее естественной истории. Слетав в Вашингтон, я обсудил вопросы карантина и разрешение на ввоз животных в Министерстве сельского хозяйства, обговорил вопросы здравоохранения и санитарии в Министерстве внутренних дел и выпросил туристические визы сроком на шесть месяцев для африканцев различных племен в Государственном департаменте. Все шло без сучка без задоринки. Вернувшись в Нью-Йорк, я вновь стал обсуждать свой проект с Дэвидом Поттером, доктором Чапином и руководством Музея естественной истории.

Восьмого февраля, слегка сомневаясь в том, что все складывается удачно, я написал Томасу Хадсону, председателю Управления по контролю округа Монтерей, с запросом о дальнейшей информации по вопросу размещения Конголенда. Затем я отправился в Калифорнию, где сначала двинулся на таможенный склад в Сан-Педро, куда должна была прибыть из Момбасы на пароходе «Саранган» моя тридцатитонная коллекция африканских артефактов. Через несколько дней газеты Сан-Педро и Лос-Анджелеса напечатали на первых страницах фотографии моего воссоединения с коллекцией и рассказали о моих планах под заголовком «Операция «Ноев ковчег». Но «Монтерей Пенинсула Геральд» отзывалась о Конголенде иначе.

Управление по контролю округа Монтерей не удосужилось **ответить** на мое письмо, вместо этого, даже

не попытавшись вникнуть в суть моего проекта о Конголенде, инспектора решили выступить против. Специальное заседание управления состоялось 21 февраля в Салинасе. Как писала «Монтерей Пенинсула Геральд»:

«Фрэнк Эчеберриа инспекторат Сан-Ардо, где предположительно будет располагаться заповедник, высказал общее мнение управления: «Я считаю, что заповедник должен находиться в Африке. Полагаю, что тут ему не место».

Эчеберриа полагает, что заповедник превратится в другой Диснейленд и что местным жителям эта идея придется не по нраву».

Эти заявления продемонстрировали полное отсутствие в управлении элементарной информации. Создавать новый заповедник в Африке было абсолютно бессмысленно, тем более после того, как уже существующие в Африке заповедники и национальные парки превратились в места развлечений браконьеров. Сравнение с Диснейлендом, конечно, напрашивалось, но оснований для этого не было. В будущем Конголенд превратился бы, разумеется, в громадный аттракцион, куда бы съезжались туристы, но замышлялся он для охраны живой природы и поэтому был одобрен международными авторитетами. Ни полковник Коуи, ни доктор Чапин, ни Главное консульство Бельгии никогда бы не стали поддерживать строительство обычного парка для развлечений, даже очень хорошего.

Инспектор Эчеберриа в дальнейшем предложил издать указ о запрете ввоза африканских животных, и председатель управления Томас Хадсон «направил дело» в Комиссию по планированию округа Монтерей. Комиссия по планированию не стала тратить время на планирование, и члены ее заявили, что могут предложить временный указ, требующий получения специального разрешения. «По-видимому, — комментировала «Монтерей Пенинсула Геральд», — если указ будет принят, разрешение будет отложено».

Газеты округа получили это сообщение по телеграфу, и «Вечерние новости Филадельфии» повторили заявление инспектора Эчеберриа о том, что «жители округа могут и сами одичать. Это не означает, что они против животных. Им не нравятся туристы человеческого рода». «Нью-Йорк Джорнал-Американ» и «Филадельфия инквайер» тем же числом увековечили Конголенд в описании управления Монтерей, как «африканский заповедник, укомплектованный 3000 животными, начиная со слонов и кончая боа-констрикторами».

Шестого марта, прежде чем я успел ответить на этот организованный выпад, Управление по контролю округа Монтерей обрушилось указом № 1178, специально оговорив в пункте 3, что:

«В дальнейшем ни одно лицо, фирма или корпорация не имеет права использовать землю или строить какое-либо здание, сооружение или помещение для целей содержания зоопарка или зоологического сада или для целей размещения, обслуживания, содержания или выставления напоказ любого дикого животного в пределах округа Монтерей, если только и до тех пор, пока не будет получено соответствующее разрешение».

И я понял, что легче найти в Африке боа констрикторов, чем получить разрешение у одичавших инспекторов Монтерея.

Через месяц в другом калифорнийском округе собралось другое Управление по контролю, чтобы обсудить проект Конголенда. Меня пригласил туда выдающийся фермер Бейкерсфилда Ллойд Фрин, с которым я познакомился в Конго. Свой проект я представил на обсуждение регулярного общего собрания инспекторов округа Керн. Результат оказался на удивление обнадеживающим. Они пообещали мне не принимать запретительных указов и заверили, что «Управление по контролю крайне заинтересовано в моем проекте и полагает, что этот проект может оказаться значимым для округа

Керн. Мы окажем вам поддержку и всячески поможем в пределах нашей юрисдикции».

Сомневаться в их искренности и в потенциале округа для возведения Конголенда причин не было. Округ Керн, в котором преобладало развитие сельского хозяйства, славился своим скотом, картофелем, хлопком и виноградом. Здесь же добывалось самое большое количество в мире бора и четверть калифорнийской нефти. В окружном административном центре Бейкерсфилде имелись современный городской центр, новехонький аэропорт, государственный колледж, преуспевающая экономика... и незавидная репутация из-за жаркого лета и отсутствия увеселительных и других заведений, куда бы можно было податься. На всем Западном побережье Бейкерсфилд считался синонимом скуки, оазисом заурядности, расположенным как раз посередине между двумя туристическими мекками: Лос-Анджелесом и Сан-Франциско. И местному населению для дальнейшего культурного и экономического развития Конголенд был просто необходим, и люди прекрасно это понимали.

Поэтому в июне 1961 года я отправился в Восточный Бейкерсфилд на поиски подходящей земли. Первой откликнулась энергичная семидесятичетырехлетняя миссис Этель К. Джогин, которая предложила мне разместить африканский заповедник на ее ранчо, площадью в 8000 акров, в окрестностях каньона Кирус. С ее стороны это был потрясающий жест, но в каньоне Кирус зимой было очень холодно, к тому же само ранчо находилось слишком далеко от автомагистрали, что создавало проблемы для въезда.

Приняв во внимание климат, красоту и местоположение, ранчо «Оникс» на восточном берегу озера Изабелла показалось мне более привлекательным. Оно принадлежало «Тресту Оскара Рудника», основанному первым в округе заготовителем мяса Оскаром Рудником. По завещанию Оскара Трест перешел к его одиннадцати де-



тям. Наследники и опекуны Маркус и Самуэль Рудники были очень практичными бизнесменами, обладавшими прогрессивными взглядами. Они понимали, какое значение будет иметь Конголенд для всего округа. И они не только хотели предоставить мне землю, но и предложили стать партнерами в учреждении Конголенда как коммерческого предприятия.

Так как цель проекта осталась прежней, я принял их предложение и в качестве вклада предложил свою африканскую коллекцию. Маркус посоветовал выставить коллекцию в Бейкерсфилде для показа публике во временной «штаб-квартире» Конголенда. После недолгих поисков мы разместили новый музей Конголенда и штаб-квартиру в огромном здании, бывшем магазине скобяных изделий в Бейкерсфилде, в пределах видимости автомагистрали.

Плата за аренду составляла 750 долларов в месяц. Я, естественно, понимал, что африканский музей, тем более в Бейкерсфилде, не привлечет огромный поток публики. Поэтому решил устроить за решетчатой оградой небольшой зоопарк на заднем дворе музея. Я не сомневался в том, что желающих поглядеть на животных будет так много, что я смогу платить за аренду сам.

Моя шимпанзе Софи как раз прибыла из Найроби и дебютировала в Бейкерсфилде на торжественном завтраке у Фредерика Вайды, президента оперной труппы округа Керн. Ей надлежало стать привилегированным членом зоопарка, а я уже вел переговоры о покупке малышей львов, леопардов, зебр, антилоп и обезьян. Но тут на меня обрушился неожиданный удар: местное законодательство запрещало мне содержать «диких зверей» под прикрытием нового музея. Я обратился с просьбой о разрешении, и 20 сентября в муниципалитете произошло слушание по моему вопросу. Некоторые местные жители, как и в Монтерее, высказали свои возражения: «дикие звери» разбегутся и поубивают жителей

Бейкерсфилда, и так далее, и так далее, и так далее. Разрешение было отложено.

Я был очень обеспокоен, но уже связан по рукам и ногам. Огромное здание уже отремонтировали, а я один без всякой помощи распаковал, классифицировал и разложил пять тысяч экспонатов в специально сконструированные для этих целей витрины. Открытие музея Конголенда было намечено на 14 октября 1961 года, и будущий научный и технический директор проекта Конголенд доктор Рене Девред уже ехал из Вашингтона. Д. С. Рене, эколог высокого класса и мой зять, только что вернулся из Центральной Африки, куда он ездил по поручению ООН.

Вечером 13 октября мы с Рудниками устроили прием в музее Конголенда и угостили прекрасным шампанским более 120 гостей. Следующим утром была проведена официальная церемония открытия, и мэр Бейкерсфилда Джин Вайнер, вооружившись ножом для обрезания мальчиков племени балуба, перерезал сплетенную из травы ленту, которая была протянута между двумя статуями, стоявшими по обеим сторонам зеркальных дверей музея.

Входной билет стоил один доллар для взрослых и пятьдесят центов для детей, а на выставке, как было указано на афише, помещалось максимум 250 человек. Но цифра эта оказалась чересчур оптимистичной, так как самой большой толпой были те самые 120 человек, которые приходили накануне бесплатно пить шампанское. Но вот музей официально открылся, и я сидел среди своих барабанов, масок и ножей для обрезания в ожидании огромного потока людей, который должен был ринуться с центральной площади и из кегельбана.

Ко всем моим бедам прибавилась еще одна, по-настоящему плохая новость. Сообщили мне ее Рудники. Семейные денежные затруднения, которые породил мой проект, привели к разногласию между одиннадцатью братьями и сестрами, и большинство из них теперь

возражали против постройки заповедника на ранчо «Оникс». И у Сэма с Маркусом выбора не оставалось. Они предупредили меня, чтобы я искал другое место для Конголенда, и попросили сократить музейные расходы, так как денежные фонды семейства Рудников стали нынче для меня недоступными.

О возникшей проблеме я сообщил Флойду Мингу, председателю Управления по контролю округа Керн. И, вместе поразмыслив, мы выбрали территорию, площадью в 650 акров, расположенную по обеим берегам реки Керн между мемориальным парком Харта и озером Минг. Эта территория устраивала меня даже больше, чем ранчо «Оникс». Она находилась лишь в восьми милях от автомагистрали и соединялась с ней четырехполосной дорогой. Председатель заверил меня, что получить право на сдачу в аренду земли — части парка у реки Керн, принадлежащей штату Калифорния и отданной в наем округу, — будет нетрудно, так как одобрение Комиссии по отдыху и развлечению у нас уже имелось.

Я занялся необходимыми процедурами, а затем вернулся в свой испытывающий материальные затруднения музей. Дела шли отчаянно плохо. Софи была еле жива. Очевидно, ее сочли домашним животным, а не диким зверем, потому что помещения ее не лишили. А я все раздумывал о том, что районное управление запретило содержать в музее Конголенда детенышей зверей, а вот о *взрослых* речи не было.

И посему я купил Симбу у жителя округа Керн, который с дрессированными животными вносил оживление на открытии супермаркетов. Он купил Симбу в зоопарке Фресно, но редко пользовался его услугами, и 400-фунтовый черногривый лев, не прирученный и не воспитанный, вполне мог несколько осложнить жизнь.

Таким образом, однажды утром жители Бейкерсфилда, проснувшись, обнаружили, что каким-то образом на заднем дворе музея Конголенда оказалась огороженная

стальной решеткой арена. На арене стояли огромный взрослый лев и большой дрессировщик.

Приручив за несколько дней Симбу, я повесил на входную дверь музея афишу:

**СЕГОДНЯ**  
**Наш**  
**ГИГАНТСКИЙ АФРИКАНСКИЙ**  
**(черногривый)**  
**ЛЕВ В НАТУРЕ**  
**Дрессировщик Ж.-П. Халле**

В конце концов, происхождением Симба был африканец, хотя и родился в Калифорнии. К редким индийским подвидам Гирского леса он не принадлежал, а ГИГАНТСКИЙ ФРЕСНО ЛЕВ звучало бы нелепо.

Бизнес стал процветать, и у меня впервые с момента открытия музея появились основания надеяться, что через месяц он развалится от наплыва посетителей. Но как раз перед Рождеством 1961 года я получил уведомление от муниципальных властей с приказанием вывезти моего льва за пределы Бейкерсфилда.

Я бы мог все это сделать быстро и квалифицированно, потому что Симба теперь был моим послушным и верным другом. Но вместо этого я устроил что-то вроде Дела Дрейфуса на львиный манер — я надеялся, что, подняв шум, вновь привлеку внимание к Конголенду. «ЛЕВ ЖЕЛАЕТ ОСТАТЬСЯ В БЕЙКЕРСФИЛДЕ. ЕМУ ЗДЕСЬ НРАВИТСЯ» гласила первая страница «Бейкерсфилд Калифорниан» от 23 декабря. На двух огромных фотографиях я тащил упирающегося Симбу в маленький фургон. Этот фарс тянулся несколько дней, но затем мне все-таки пришлось подчиниться приказу городских властей и отправить Симбу в заточение на ранчо в Арвине.

Когда через несколько дней ко мне явился с официальным визитом детектив в штатском из поли-

цейского управления Бейкерсфилда, я сначала решил, что дело опять во льве. Но, к своему полному изумлению, узнал, что меня обвиняют в «жестоким и негуманном» отношении к Софи. Местная леди заявила, что на заднем дворе музея Конголенда находится «голый шимпанзе», который лишен «теплой и приличной одежды» и жалобно чихает.

Я терпеливо объяснил, что любое животное чувствует себя гораздо здоровее и счастливее без одежды; что у Софи есть одеяла, которыми она укрывается, когда простужена; и что она просто заразилась насморком от какого-нибудь человека, потому что с шимпанзе такое частенько происходит. Еще я сказал, и на мой взгляд, обоснованно, что полицейскому управлению Бейкерсфилда стоило бы заниматься выдачей уведомлений о нарушении правил дорожного движения и поимкой карманников, а не проверкой морального и физического состояния шимпанзе.

Обвинение было снято. Но через две недели по иронии судьбы Софи умерла скорее от чересчур сильного проявления человеческой заботы, чем от отсутствия оной. Вернувшись из Фресно, где выступал с лекциями, я обнаружил всех музейных работников собравшимися вокруг большой клетки Софи. Она, съездившись, лежала в углу, а вокруг валялись бутылки. Очевидно, школьники, которые обожали наблюдать за тем, как шимпанзе пьет из бутылки, тайком напоили ее чуть ли не галлоном кока-колы. Получив сверхдозу алкалоида, она умерла два дня спустя, несмотря на все героические усилия ветеринаров Бейкерсфилда.

Без Симбы и Софи музей превратился в тоскливое место. И вдруг 6 марта 1962 года появилась надежда, что Конголенду все-таки быть. В этот день Управление по контролю округа Керн дало разрешение Окружному совету провести переговоры с официальными властями штата Калифорния о заключении договора на сдачу земли в аренду. 26 апреля в Вентуре было проведено сове-

шение, на котором официальные представители Управления штата парками и пляжами единогласно и с огромным энтузиазмом одобрили план «Конголенд, США».

Наконец такое долгое «временное» положение Конголенда было закончено. Оставалось уладить лишь мелкие детали до подписания договора об аренде, после чего я мог бы заняться предварительным сбором пожертвований на перевозку моего африканского ковчега.

«Лос-Анджелес Геральд Экзэминер» разразилась ликующей статьей под заголовком «Современный Ной: всех тварей по паре в дальние дали»; «Бейкерсфилд Калифорниан» напечатала описание и рекламу Конголенда; Лаборатория реактивного движения Калифорнийского института технологии посвятила страницу своего июньского Бюллетеня «новому восхитительному развитию культуры и науки»; Большая торговая палата Бейкерсфилда официально признала проект.

Почти все одобрили Конголенд. И, когда согласие об аренде было представлено на рассмотрение властям округа Керн, казалось, что никаких препятствий уже не существует. В конце концов, этими властями являлось все то же управление по контролю, которые тринадцать месяцев назад обещали мне помогать в пределах юрисдикции и действительно все время мне помогали.

Но 17 июля на собрании инспекторов случилось непредвиденное. Ассоциация владельцев частной собственности округа Керн обратилась в управление с письмом, в котором они возражали против траты на проект денежных сумм, полученных с налогов. Это возражение абсолютно не имело под собой почвы, так как в договоре об аренде земли под Конголенд специально оговаривались долговые обязательства на каждой стадии строительства и давались гарантии, что денежные фонды округа на осуществление проекта тратить не будут. Тем не менее совершенно неожиданно управление решило послать договор об аренде на рассмотрение и получение рекомендаций в Комитет парков и мест отдыха округа

Керн. Помимо этого, управление создало комитет по пересмотру дела, которому вменялось приготовить отчет и дать окончательное заключение — 7 августа.

Пока различного вида отчеты, рекомендации и заключения все откладывались и откладывались, начала принимать свои формы одиннадцатичасовая дискуссия.

Под заголовком «ПРОТИВ КОНГОЛЕНДА ВЫСТУПАЮТ СПОРТСМЕНЫ КЕРНА» «Бейкерсфилд Калифорниан» от 26 июля сообщила, что Ассоциация рыболовов и охотников округа Керн потребовала, чтобы Управление по контролю отказало мне в просьбе, так как территорию, предназначенную для Конголенда, необходимо сохранить для «общественных парков и мест отдыха». Местная жительница миссис Иарлин Райт послала резкое письмо редактору газеты. Она писала: «Эта земля принесет больше пользы всем нам, если на ней будет стоять Конголенд, а не несколько столиков со скамейками, причем через 20 лет».

Тридцатого июля Ассоциация владельцев частной собственности округа Керн официально подтвердила свое возражение против Конголенда и огласила результаты «расследования» моего характера и моей биографии — все это напоминало комическую оперу. На основании дезинформации, полученной в Монтерее, меня обвинили в том, что я — бессовестный авантюрист, который с дьявольским упорством добивается того, чтобы заразить калифорнийский домашний скот «экзотическими заболеваниями», и который совершенно не думает о том, «что может произойти, если какой-нибудь зверь случайно окажется в ближайшем парке».

Люди протестовали против такого рода тактических приемов и выступали в мою защиту в возмущенных письмах редактору. Но 2 августа Комиссия по паркам и местам отдыха округа Керн выдала Управлению по контролю «отрицательную рекомендацию». Совершенно нелогично она оценила концепцию Конголенда и рекомендовала сохранить территорию для дальнейшего

развития в «место отдыха округа» — по всей видимости, в унылое место с кучей скамеек и использованных консервных банок, как и предполагала в своем письме миссис Райт.

Однако окончательное решение было возложено все на то же официальное учреждение, которое пятнадцать месяцев назад пригласило меня в Бейкерсфилд, — Управление по контролю округа Керн. Как сообщала «Бейкерсфилд Калифорниан»:

«Два инспектора, поддержавшие Комиссию, которая признала, что у нее не было времени изучить план «Конголенд, США» Жана-Пьера Халле стоимостью в 7 миллионов, игнорировали многочисленные просьбы местного населения и отклонили вчера договор об аренде 650 акров парка штата у реки Керн в административном городском центре.

Когда председатель Управления по контролю Ванс Уэбб проводил предварительное голосование, против плана Халле выступила лишь горстка людей. За этим исключением все присутствующие были за Конголенд.

Но инспекторы Чарльз Зальцер от Бейкерсфилда и У. Рой Вуллумс от Делано отклонили его. Для положительного заключения требовалось четыре пятых голосов. Голосов инспекторов Джона Нолта от Арвина, Флойда Минга от Бейкерсфилда и Ванса Уэбба от Тафта оказалось недостаточно, хотя и составляло большинство...

Два инспектора также игнорировали и петицию, подписанную более чем 3600 жителями округа Керн. В петиции, которую рассматривала миссис Фредерик Вайда, говорилось, что Конголенд не только порадует и принесет культурную выгоду местному населению, но и станет аттракционом «огромного значения» для туристов.

Граждане Бейкерсфилда, на основании августовского опроса общественного мнения, выступали за Конголенд в соотношении десять к одному. Они очень хотели



проголосовать еще и в ноябре, но вопрос о Конголенде больше не поднимался. Вместо этого в начале октября специально заинтересованные группы округа Керн выступили с антиконголендной пропагандой. Ассоциация производителей молока, Бюро фермеров и Ассоциация врачей-ветеринаров подали протесты против «угрозы домашнему скоту», а именно чумы рогатого скота, лихорадки Восточного Побережья и лихорадки Рифтовой Долины, хотя Министерство сельского хозяйства Соединенных Штатов следило за соблюдением очень строгих ограничений и гарантий, благодаря чему американские зоопарки импортировали экзотических животных, не боясь угрозы местному домашнему скоту.

Одна частная гражданка выступила со своим собственным возражением. Она полагала, что округу Керн больше всего грозят представители африканских племен, которые, как предполагалось, приедут работать в Конголенд на шесть месяцев. Вот что она писала в своем письме протеста:

«Мы не относимся с предубеждением к какой-либо расе, но эти аборигены — примитивные, не стесненные никакими условностями и чуждые нашему образу жизни. Когда им станет скучно в своем Конголенде, а я полагаю, что их следует там и держать, они захотят выйти оттуда и примкнуть к нашему обществу. Я не буду утомлять вас бесчисленным перечислением опасностей, поджидающих нас в этом случае, — результат вы сами можете прекрасно представить...»

Честно говоря, я очень сомневаюсь, что такой леди может вообще грозить какая-либо опасность, даже от самых отчаянных африканцев.

Если бы выбирал народ, то Конголенд бы имел свою площадь. В результате действительного голосования 90 процентов населения хотели, чтобы в округе Керн был расположен заповедник африканских животных. Мало того, образовалась группа энтузиастов, именовавших себя Друзьями Конголенда. Но люди пошли на поводу де-

зинформированного меньшинства, страдающего недостатком понимания и отсутствием симпатии к так называемым диким зверям. Победили «спортсмены», которые требовали, чтобы общественные земли были отведены под охоту; ассоциация владельцев частной собственности, которые никак не желали понять, какую пользу принес Диснейленд Анахейму; скотоводы, боящиеся «экзотических болезней» от африканских животных, которые были гораздо здоровее их собственного рогатого скота; и фанатики, осуждавшие «голых шимпанзе» и тревожащиеся, как бы «не стесненные никакими условностями африканцы» не ворвались бы в их спальни.

Проиграл и весь округ Керн, потеряв то, что, по прогнозу местной газеты, мог дать ему Конголенд — «самый большой бум со времен Лавли Роджерса, который сто лет назад случайно обнаружил золотую жилу Биг Блу». Но Конголенд не проиграл, он просто на время отступил, так как я знаю, что каким-нибудь образом и где-нибудь я найду Арарат, который с открытой душой и с открытым сердцем пригласит к себе животных-беженцев.

Я закрыл музей Конголенда в октябре 1962 года и занялся тяжелой работой по упаковке тринадцати тонн предметов, которые распаковал пятнадцать месяцев назад. Два месяца спустя самая большая и лучшая в мире коллекция африканских артефактов была перевезена в трейлере во временное хранилище — бывший магазин столярных инструментов преданного «друга Конголенда». А в январе 1963 года я получил краткое сообщение следующего содержания:

«Дорогой Жан-Пьер!

Пожалуйста, считайте это письмо официальным требованием уплаты 3 166 877 долларов по закладной на коллекцию предметов вашего Конголенда. Вопрос до сих пор не разрешен. Если вы не заплатите в течение 10

дней, нам придется принять необходимые юридические меры.

Искренне ваш,  
Трест Рудников

*Самуэль Рудник, совладелец».*

И я остался без единого гроша. Заложенную коллекцию вряд ли можно было сохранить для будущего Конголенда. Но из-за последних событий вставал вопрос куда более важный — проследить за тем, чтобы коллекция осталась в целости и сохранности и послужила для изучения быстро исчезающей культуры племен в Африке. Принять к себе коллекцию был в состоянии или какой-нибудь крупный музей, или университет, а у меня было всего лишь десять дней... и мельницы огромных учреждений мелют еще медленнее мельниц Господа.

В поисках решения я решил посоветоваться с моим хорошим другом Морисом Макри, ведущим поборником защиты природы в Америке и президентом общества друзей Лос-Анджелесского зоопарка. Морис занимался проектом «Анималенд», до некоторой степени похожим на мой.

«Твоя коллекция должна находиться в Калифорнийском университете, — решительно заявил Морис. — Пойди к начальству и обратись к Мерфи. Если и существует человек, умеющий справляться с волокитой, так это Мерфи».

Мерфи был доктором Франклином Д. Мерфи, известным в мире ученым и преподавателем, который был и остается канцлѐром Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Перед тем как уехать в Бейкерсфилд, я познакомился с ним, и меня поразили его теплота, ум и понимание. И случилось невероятное. Доктору Мерфи удалось справиться с институтской бюрократией. Он быстро нашел частные фонды для приобретения необыкновенной коллекции для Калифорнийского университета. Представитель университета Клиффорд Дирдал

поехал в Бейкерсфилд и представил чек в 3 482 340 долларов «Тресту Рудников», и таким образом я возместил расходы по упаковке, перевозке, страховке и прочее.

Работая временным хранителем коллекции и консультантом-африканистом Уэствудского отделения университета, я начал писать «Китабу о Конго». В своей книге я пытался рассказать о старой Африке, теперь уходящей в прошлое. Учитывая все, что произошло в Бейкерсфилде, затем я написал «Китабу о животных», потому что хотел объяснить, какое значение имеют так называемые дикие африканские звери и их образ жизни и как необходима помощь программам их охраны, в том числе и Конголенду.

С момента рождения Христа, который сказал, что даже воробей не упадет без ведома Господа, с лица Земли исчезли 106 видов млекопитающих, 40 из них вымерли за последнюю половину века промышленного и научного прогресса. В наши дни из-за быстрого роста мирового населения под угрозой исчезновения находятся 250 редких видов млекопитающих и 350 птиц, начиная с маленького мадагаскарского ай-айя, вида человекообразного примата, кончая самым большим млекопитающим в мире, стофутовым синим китом.

Международный фонд по охране дикой фауны, организованный в 1961 году, выдвинул четыре основные причины, объясняющие, почему выживание других видов, помимо нашего, имеет необходимо жизненное значение для будущего человека, даже во времена компьютеров и околоорбитальных спутников. Как заявил доктор Фриц Воллмар, генеральный секретарь международной организации в Швейцарии:

«1. Двигаясь огромными шагами по пути урбанизации широких земельных территорий, обитатель города все более и более станет нуждаться в отдыхе и наслаждении, которые могут дать ему природа и дикая фауна.

2. Некоторые виды, уже исчезнувшие из-за равнодушия человека к природе, могли бы обеспечить людей огромным количеством пищи, особенно развивающиеся нации. Эти

виды могли бы также послужить источником ценной информации для ученых.

3. Редкие виды животных и птиц могут стать важными для развития экономики малоразвитых стран, особенно в аттракционах для туристов.

4. Человек обладает этической и моральной ответственностью за сохранение всего, что проживает на Земле».

Последние два или три поколения человечества сознательно либо по неведению уничтожили живую природу настолько, что от нее остались лишь клочья ее былой славы. И нашему поколению пора подумать о том, что нас ждет в будущем. Если мы позволим и дальше продолжать бессмысленную резню и загрязнение окружающей среды, если мы не установим контроль за бесконечным ростом человеческого населения — как в индустриальных, так и в «неразвитых» странах, — мы не только принесем в жертву жизни так называемых диких животных, но и ограбим, и доведем до упадка будущее человечества.

Белый Охотник, который и по сию пору промышляет в Кении, теперь по-новому рекламирует свои услуги: «Приезжайте в Африку. Возможно, что ваши трофеи и фотографии станут единственной дичью, которую увидят ваши сыновья».

К черту трофеи. Лучше я посажу животных в ковчег, чтобы наши сыновья увидели их живыми.



## ОБ АВТОРЕ

Жан-Пьер Халле родился в Лувене, Бельгия, в 1927 году, но Африка стала его второй родиной. Его отец, Андре Халле, был известным художником, чьи пейзажи и портреты, отображающие приверженность автора к Африке, украшают многие европейские музеи. Шесть лет своего детства Жан-Пьер Халле провел в Конго, затем вернулся учиться в Бельгию, в пятнадцать лет вступил в ряды бельгийского Сопротивления, а через год, в конце Второй мировой войны, поступил добровольцем в пехоту регулярной армии. В 1948 году он вернулся в Конго, где был принят кровным братом в племена балега, масаев и ватуси, и выучил семнадцать местных диалектов. Потеряв в октябре 1955 года руку (помогая племенам, страдающим от голода), он восемнадцать месяцев прожил с пигмеями бамбути в лесу Итури, осуществляя то, что правительство Центрального Конго называло «этнологической революцией». Он собрал самую большую в мире коллекцию африканских артефактов (которую в 1963 году приобрел Калифорнийский универ-

ситет). Халле является создателем проекта «Конголенд, США», заповедника для сохранения африканской фауны, культуры и фольклора.

После работы в Калифорнийском университете консультантом-африканистом и временным хранителем коллекции, мистер Халле посвятил два года на создание своей биографической книги «Китабу о Конго». Она стала международным бестселлером, была переведена на восемь языков и на шрифт Брайля, входила в «Ридерс Дайджест» и была признана Американской ассоциацией библиотек Лучшей книгой 1966 года. С тех пор он много путешествовал и выступал с лекциями. Надеясь привлечь внимание людей к угрозе уничтожения африканской фауны, он начал писать «Китабу о животных» вместе с литературным сотрудником Алекс Пелл. Книга была окончена в 1966 году. Он планирует написать новую, и довольно спорную, китабу о пигмеях Конго — «самых древних людях на земле».

Алекс Пелл родилась и получила образование в Нью-Йорке, работала писателем и издателем, занималась рекламой и авиационно-космической промышленностью, а в 1963 году сотрудничала с Жан-Пьером Халле. Посвятив изучению зоологии и антропологии десять лет, она оказала неоценимую помощь Халле в написании обеих книг — «Китабу о Конго» и «Китабу о животных». Также она работала вместе с Ханком Гринспаном, редактором «Солнца Лас-Вегаса», и помогла написать ему книгу «Где я стою», которая получила Премию Оппи за лучшую книгу о приключениях в 1966 году.

## СОДЕРЖАНИЕ

<i>Айвен Сандерсон. Вступление</i> .....	5
Предисловие автора .....	13
Чуи. ....	23
Симба .....	49
Мбого .....	83
Тембо .....	103
Кибоко .....	153
Кифару .....	168
Мамба .....	201
Макако .....	225
Сокомуту .....	245
Ньяма .....	272
Эпилог .....	294
<i>Об авторе</i> .....	313



### **К ЧИТАТЕЛЯМ!**

*Издательство просит отзывы об этой книге  
присылать по адресу:*

*127018, Москва, ул. Сущевский вал, д. 49*

*Издательство «Армада-пресс»*

*Телефон редакции: (095) 795-05-43*

*Оптовое-розничную продажу книг производит*

*Торговый дом «Школьник» по адресу:*

*Москва, ул. Малые Каменщики, д. 6, стр. 1А (м. «Таганская», радиальная)*

*Тел.: (095) 912-15-16, 911-70-24, 912-45-76*

### **Халле Жан-Пьер**

- X 17**      Китабу о животных / Пер. с англ. Т. Л. Ждановой;  
Худож. Ф. В. Домогацкий. — М.: Армада-пресс, 2002. —  
320 с.: ил. — (Зеленая серия).

**ISBN 5-309-00375-4**

Китабу на языке суахили означает «книга». Китабу о жизни и повадках африканских животных в естественных условиях написал знаменитый во всем мире ученый и знаток Африки Жан-Пьер Халле. Он родился в Бельгии, но Африка стала его второй родиной.

Большую часть жизни Халле провел в Конго, был принят кровным братом в племена балета, масаев и ватуси, прошел обряды посвящения в воины и выучил 17 местных диалектов. Он собрал самую большую в мире коллекцию африканских артефактов и является создателем проекта «Конголенд, США» — заповедника для сохранения африканской фауны, культуры и фольклора, но из-за бюрократических препон не смог осуществить свою идею.

**УДК 82-311.8(02)**

**ББК 84(4Бел)-44я5**

Зеленая серия

Жан-Пьер Халле  
**КИТАБУ О ЖИВОТНЫХ**

Заведующая редакцией  
*М. Л. Жданова*  
Ответственный редактор  
*Л. В. Лобанова*  
Художественный редактор  
*Ф. В. Домогацкий*  
Технический редактор  
*Е. Д. Захарова*  
Компьютерная верстка  
*К. С. Носова*  
Корректор  
*Т. С. Дмитриева*

Подписано в печать 30.04.02. Формат 84x108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>.  
Бумага типографская. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.  
Усл. печ. л. 16,8. Тираж 7000 экз. Заказ № 4210095.

ООО «Армада-пресс»  
109428, Москва, 1-й Вязовский пр., д. 5, стр. 1  
Изд. лицензия ИД № 01276 от 22.03.00

Издание осуществлено при участии издательства «Дрофа»  
ООО «Дрофа»

127018, Москва, ул. Сушевский вал, 49  
Изд. лицензия № 061622 от 07.10.97

По вопросам приобретения продукции  
издательства «Армада-пресс» обращаться по адресу:  
127018, Москва, ул. Сушевский вал, 49  
Тел.: (095) 795-05-50, 795-05-51. Факс: (095) 795-05-52

Отпечатано с готовых диапозитивов  
в ФГУИПП «Нижполиграф».  
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.



## ***Вокруг света***

*Серия основана в 1997 году, до конца 1998 года  
выпускалась издательством АРМАДА*

<i>Тур Хейердал</i>	Экспедиция «Кон-Тики»
<i>Бернгард Гржимек Николай Дроздов</i>	Австралийские этюды Полет бумеранга (изданы в одном томе)
<i>Жак-Ив Кусто</i>	Затонувшие сокровища
<i>Перси Фосетт</i>	Неоконченное путешествие
<i>Барбара Сэвидж</i>	Мили ниоткуда
<i>Фарли Моуэт</i>	Шхуна, которая не желала плавать
<i>Нобер Кастере</i>	Моя жизнь под землей
<i>Федор Конюхов</i>	«И увидел я новое небо и новую землю....»
<i>Владимир Санин</i>	Семьдесят два градуса ниже нуля
<i>Дмитрий Лухманов</i>	Под парусами
<i>Игорь Можейко</i>	7 и 37 чудес
<i>Кэролайн Майтингер</i>	Охота за головами на Соломоновых островах
<i>Александр Романенко</i>	Вьюжная Америка

<i>Александра Давид-Незль</i>	Путешествие парижанки в Лхасу
<i>Лоуренс Грин</i>	Острова, не тронутые временем
<i>Морис Эрцог</i>	Аннапурна
<i>Тур Хейердал</i>	Аку-аку
<i>Фарли Моуэт</i>	Испытание льдом
<i>Вивиан Фукс, Эдмунд Хиллари</i>	Через Антарктиду
<i>Сергей Кулик</i>	Черный феникс
<i>Николай Пржевальский</i>	Путешествия по Азии
<i>Владимир Корочанцев</i>	Африка: земля парадоксов
<i>Джон Колдуэлл</i>	Отчаянное путешествие
<i>Джошуа Слокам</i>	Один вокруг света
<i>Борис Шанько</i>	Под парусами через два океана
<i>Фрэнсис Чичестер</i>	В пустыне волн и небес

*Готовятся к печати:*

<i>Руал Амундсен</i>	Южный полюс
<i>Альфред Брем</i>	Путешествие по Африке (1847-1849)
<i>Альфред Брем</i>	Путешествие по Африке (1849-1852)
<i>Всеволод Овчинников</i>	Вознесение в Шамбалу
<i>Всеволод Овчинников</i>	Сакура и дуб

# ФАРЛИ МОУЭТ

*Шхуна, которая  
не желала плавать*



Имя известного канадского биолога, натуралиста и путешественника Фарли Моуэта известно многим. Читатели Зеленой серии уже знакомы с его книгой «Не кричи: «Волки!», переведенной на десятки языков. Предлагаемый вашему вниманию сборник «Шхуна, которая не желала плавать» — это две истории из «морских» произведений автора.

Первая из них — поход вдоль канадского побережья на шхуне под жизнеутверждающим названием «Счастливое дерзание». Отойдя от берега на несколько миль, Фарли и его друзья исполнили старинный обычай — вылили по стопке рома в себя, а одну за борт — Морскому Старика, чтобы заручиться его поддержкой в подвластных ему просторах. Принял ли Старик этот дар? Какие повороты судьбы уготовили отважным мореходам волны Северной Атлантики? Ведь соленая морская вода не всегда обеспечивала семь футов под килем «Шхуне, которая не желала плавать». И лишь не менее «соленый» морской юмор помогал морякам философски относиться к «шуткам» старика-океана...

Во второй повести, входящей в сборник, рассказывается о ста днях из жизни экипажа корабля «Лейчестер», попавшего в эпицентр «Змеинового кольца» — грозного океанического урагана. Сто дней горстка храбрецов боролась за свою жизнь и спасение корабля и... одолела козни уже знакомого вам Морского Старика. Фарли Моуэт был настолько восхищен победой моряков, что написал о них повесть.



